

Александра Нюренберг

Превратись. Вторая книга

Александра Нюренберг

Превратись. Вторая книга

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30477294

ISBN 9785449056542

Аннотация

Тотемное устройство мира гораздо удобнее того, что было когда-то. Вторая натура делает человека интереснее в общении. Конечно, если внутри тебя спрятан дракон или медведь, это создаёт определённые трудности. Впрочем, если ты влюблён, это всегда катастрофа. Но путь лежит в Гоморру, сомнения и ревность следует оставить. А вот прошлое придётся взять с собой.

Содержание

Сари и розы	5
Шляпа и хлыстик	173
Песня	200
Конец ознакомительного фрагмента.	204

Превратись Вторая книга

Александра Нюренберг

Дизайнер обложки Sarah Richter

Корректор Эстер

© Александра Нюренберг, 2018

© Sarah Richter, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-5654-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сари и розы

– Тебе не кажется, что происходит что-то странное?

Они два или три часа катили между бесконечных жёлтых, как желток, выжженных полей. В жнивье что-то копошилось, и изредка подлетали невысоко в воздух неуловимые маленькие тени.

– Может, здесь известная перенаселённость.— Пробубнил Всеволод, отрывая ладонь от штурвала и стукнув костяшками пальцев в багровое стекло.— Скажем, кампус духов-беженцев.

Веда, осердясь на несурийское слово «кампус» и сочтя его одним из проявлений драконьей глупости, перебила:

– Я не об этом. Это просто перепёлки, тупые такие птички, вроде кур. Куча кур. Хотя их и многовато, как они там яйца не путают, не понимаю.

– Тогда о чём же ты сказала «происходит странное»?

– Я сказала «тебе не кажется, что происходит что-то странное», а вовсе не «происходит странное». – Грубо передразнила дракона Веда Львовна.

Её холодные и чистые всегда, как замёрзшая на метр вглубь океанская водица, глаза сегодня чуть утонули в подпухших веках. Под глазами гладко, но синевато. Она не выспалась, хотя ночь и была полна приятной тоски.

– Тогда я не вполне понимаю, о чём ты.— Смиренно при-

знался водила-дракон.

– Всё как-то медленно.— Более терпеливо объяснилась акула. – Всё.

И она повертела рукой, положив её затем на головёнку леопарда, стоявшего на задних лапах и смотревшего, опираясь передними в стекло, на проплывающее жнивье в подпрыгивающих тенях. Шуршала трава. Хвост его ходил ходуном по сиденью, будто вылупившийся змеёныш. Спихнув движением головы Ведину руку, он шмыгнул по её коленям к другому окошку и принялся смотреть на противолежащее, точно такое поле – пронзительно жёлтое на безоблачном западном небе.

Небесный скат был круче обычного, купол просел и нуждался в заплатках.

Если судить по леопардовому затылку с шевелящимися круглыми по-медвежьи ушами, кот напряжённо думал и что-то прикидывал в младенческом уме.

– Как будто кто-то умирает, но мирно так, хорошо.— Растолковала ещё раз акула, а котёнок всё энергичнее крутил хвостом.

Вдруг он заскулил грубым и протяжным мявом. Лёг гусеничкой и уснул – не в силах справиться с обилием впечатлений и мыслей, иногда опережающих впечатления.

– М. – Поддержал разговор Всеволод. – У меня тоже, признаться, возникло... что-то такое... ну, да.

Отняв руку от штурвала, он покрутил ею. Веда так по-

смотрела на сильную кисть дракона, что, перехватив её взгляд в обещалке, он внезапно предложил:

– Хочешь посмотреть на перепёлок поближе? Вообще-то, они смешные и милые птички.

Веда фыркнула, предложив уяснить, что считает услышанный текст никчемным. Тем не менее, она кивнула.

Остановили лягушечку, взметнув четыре столбика белой пыли. Орс светил, как всегда, нехалтурно, но силы его вроде бы угасали. Он казался куда меньше обычного – размером с Бриджентис и светил почти таким же светом.

Оба поля шелестели нескончаемо. Отчётливо виднелись бесчисленные пёстренькие тельца перепёлок, а разговоры их и потрескивание крыльев накрепко соединялись с тишиной.

Тут только они заметили, что понизу поля прихвачены невысокой, по пояс Веде, лёгкой сеточкой из многоцветной пластмассы – в такую сетку иногда заворачивают букеты.

– Ты дверцу закрыл? – Спросила Веда, оборачиваясь, и тут же мимо просвистел пёстрый комок покрупнее: это она не закрыла дверцу, а не Всеволод, и котёнок, который казался сладко спящим, сиганул на дорогу.

В миг он перемахнул через сетку и дал дёру в жнивье. Всеволод, помедлив, перешагнул сетку и осторожно зашагал среди громко зашептавшихся перепёлок. Они завлетали без передышки, и Всеволод замер, высматривая, куда опустить ногу. Но тщетно – под ботинком у него печально хрустнуло яйцо.

Полушёпотом воззвав к Орсу, он застыл, глядя то вдаль, где в жёлтом мелькал прыгающий леопард, то под ноги, в жнивье: кладка из трёх веснушчатых яиц развалилась и одно он раздавил.

Веда сказала, поглядывая на скачущего кота:

– Не мог бы ты поторопиться, милый?

Всеволод, удручённый иронией и разбитым яйцом, но во все не своим смешным положением – вот добрый человек! – осторожнейше сделал шаг, шевеля мыском ботинка жнивье, так что спокойно шепчущая перепёлка почти задела его, и в отчаянии увидел, что среди травы кладок великое множество.

Прыгающий мячиком леопард скрылся в стелющейся над полем голубизне. Веда озиралась из-под руки.

– Готово дело, потеряли ещё одного кота.– Громко объявила она. – «Должно быть, в прошлой жизни меня съела кошка». – Подумала она, а вслух сказала:

– Весело!

С этим словом жнивье в трёх метрах у обочины яростно треснуло, из него в воздух вывинтился леопард и, собравшись в комок, впрыгнул на руку Всеволода.

Дракон придержал возбуждённо глядящего на него янтарными бесчувственными глазами котёнка и оглянулся на Веду. Маленький негодяй укусил дракона за пальцы вполне чувствительно и позволил отнести себя обратно в машину, правда, на переднее сиденье.

Всеволод, сидя ногами наружу, сконфуженно рассматривал на подмётке намертво приклеенную желтком пёструю скорлупку.

Веда с удовольствием заняла освобождённое сиденье во всю длину.

– Как это ты ухитрился? – С унижающим снисхождением посетовала она.

Всеволод кротко промолчал. Ничто так не радует в проявлениях Вечного Мужественного, как эта истинная прекрасная кротость сильного и доброго существа. Если вы заметили, я мало и скупое комментирую описываемые события, но сейчас я почувствовала, что этот комментарий необходим.

Счистить скорлупку оказалось делом неблагодарным. Пока Всеволод предпринимал последнюю попытку, с помощью предложенной ему через спинку сиденья авторучки, Веда несколько раз деликатно вздохнула и, наконец, спросила, как бы про себя:

– Мы сегодня проедем ещё пару километров?

Всеволод вытер авторучку краем рубашки, вылезшей из-за пояса, и вернул с благодарностью. Молча, он повёл машину с безмолвными пассажирами вдоль шкворчащих, как две яичницы, полей.

Поля тянулись ещё около трёх часов. К полудню, когда захандривший Орс еле добрался до своего обычного места на Куполе, Всеволод увидел, что, хотя поля и простираются

дальше по обе стороны белой дороги, на эту дорогу выходит широкая красивая тропа из плоских синих раковин, залитых прозрачным веществом, вроде розовой лавы. Тропа вела (очень неторопливо) вниз и там, похоже, поля прерывались. Мелькнули даже стёклышки какого-то здания. Кроме того, там невидимые с Большой Дороги цвели, несомненно, розы, ибо запах – очень сильный и свежий – растревожил маленького леопарда и понравился Всеволоду.

Дракон полувопросительно обернулся и увидел, что акула, открыв оконце и высунув нос, рассматривает асфальт. Там было написано жёлтой масляной краской:

Л О В...Я

– То-то и оно.– Сказала Веда.

Буквы были написаны твёрдой, но не вполне уверенной рукой. Верхушки первой скрещивались.

Они выбрались из неслышно остановившейся машины. Веда приняла было из рук Всеволода кота, но тут же, передумав, всучила обратно.

– Тебе дали.– Отказалась она, глядя на гневно барахтающегося котёнка.

Тропа тревожно повела их. Розы неистовствовали. Они показались вскоре – за поворотом, резким и не соответствующим характеру тропы. Собранные багряными тучками, они нависали низко. Всеволоду пришлось по макушку. Веда, подняв лицо, получила по щеке – прямо в глаза заглянуло ей маленькое семейство в три розы, туго пригнанных

лепесток к лепестку.

Слева появился маленький магазинчик, кособокий, но все-сёленький, с непрозрачной витриной, как тот книжный шкаф, который Веда Львовна заказывала Николаю Яковлевичу.

За витриной сновала тень.

Всеволод и Веда, неохотно почему-то посмотрев на магазинчик, прошли мимо, а ведь совсем неплохо было бы прикупить бутылочку воды.

По правую руку (леопард вертел головой, а лапа его свисала с локтя Всеволода) вроде бы тоже имелся дом, но его нелегко было рассмотреть. Где-то мягко открылась и закрылась дверь, проскрипел гравий. Шли, вероятно, двое. Веда издала кашляющий звук и глазами указала Всеволоду: гляди.

Там впереди, среди нависших роз, прошло что-то пёстрое. Это был леопард. Но какой! Сейчас же наглый кот на руке Всеволода показался им крошечным и беззащитным существом, каковым он, в сущности, и являлся.

Огромное животное, двигая лопатками, исчезло, как если бы его корова слизнула. Тут же они увидели его в двух шагах – леопард сидел на земле, поводя кончиком хвоста, и смотрел на них. Янтарные глаза скользнули по леопардышу, которого растерянный Всеволод прижимал к животу одной рукой. Циферблат часов на руке Всеволода блеснул – малыш вознегодовал, меняя неудобную позицию, но ни он, ни большой представитель расы друг другом не заинтересо-

вались.

Дракон шагнул вперёд и коротко наклонил голову, а Веда Львовна, преисполненная почтения, даже припомнила когда-то выученное со слов Надежды Наркиссовны слово из словаря Непримкнувших.

– Мррр... – Еле слышно проговорила акула, сильно зауважавшая страшную кошку.

Конечно, лигр и его послушники тоже имели вполне достойный уважения вид, но они ведь – служители Церкви.

Леопард молча смотрел. Склонив на сторону большую голову с покатым лбом, он прислушался, по-видимому, к акценту и громко ответил:

– Рррм.

И ушёл под розы к этому неопределённому дому-недому. Всеволод, поудобнее перехватив то втягивающего когти, то выпускающего когти леопардёнка, взглянул на Веду Львовну и увидел её золотистый затылок. Веда Львовна, оказывается оглянулась. Вероятно, чувство уважения, внушённое леопардом, дало о себе знать.

Он тоже оглянулся и увидел два или три пёстрых тела возле магазинчика.

Не переглянувшись, они продолжали путь под розами, нависшими совсем уж низко, но путь этот был недолог. Розы кончились, и посёлок Ловарня открылся им.

В Сурье вообще мало холмистых мест, все или почти все они приходятся на Юго-Западное побережье, зато уж тут

от холмов никуда не денешься, нету живого места, как говорится.

Но то, что они увидели в золотистой серой тарелочке у Большой дороги, воистину было гладким местом. Между неизбежными взгорьями по бокам кто-то ложкой выскоблил площадь, и на ней без особого порядка расположилось с полтора дома, похожих на цирковые балаганчики. Из каждой крыши торчало дерево с мощной кроной. Вокруг домов не плетни, а ветровые заслончики из подстриженных и сросшихся кипарисов. Было тихо – ни одного леопарда.

Всеволод и Веда (котёнок не в счёт) остановились, не зная, идти ли по одной из тропок, петляющих вокруг домов. Кот, елозивший, как блоха, выбирающая средство передвижения, прыгнул, больно закогтив руку Всеволода, и помчался, поднимая лапы вразброд, как маленький норовистый конь.

Всеволод и Веда бросились вдогонку, не помышляя о достоинстве, но животное запетляло не хуже тропинок и, легко протиснувшись сквозь ветровой заслон, исчезло в одном из дворигов.

Пройдя таким образом в буквальном смысле сквозь стену, леопардик оставил своих преследователей остолбеневшими.

Немедленно за столбиками открытой террасы открыли дверь, и во дворик вышла леопардиха, напомнившая Веде Лео, но поменьше и помоложе, в синем платке на голове и вроде как в платье, тоже синем, из-под которого высывался спокойный хвост.

Котёнок ткнулся ей в подол и вознамерился прорваться в дом, но она, поднявшись на задние лапы, изловила его и взяла передними. Теперь она выглядела очень приятно.

– Спасибочки.– Сказала она, непонятно кому – то ли им, то ли пострелёнку, который тут же сорвался и убежал в дом, чем-то внутри прогремев.

Она исчезла секунд на тридцать и вернулась на четырёх лапах, удерживая котёнка в пасти. Беглец висел, как люстра, с полным самообладанием. Отдавая дань прямохождению, леопардиха выпрямилась и взяв малыша в лапы, взлохматил его против шёрстки.

– Вот он каков, наглец Ватрушка. Таких миленьких сыскал.

Котёнок урчал недовольно-ласково. Видя, что пришлецы мнутя, откровенно говоря, ничего не понимая, она улыбнулась, не морща верхнюю губу с усами.

– Разухабистый он, жужжала. Вам, значит, всучил малого? Да вы не беспокойтесь, в накладе не останется.

И она даже рассмеялась, серьёзностью взгляда поясняя: да я шучу, но я вам очень обязана.

– Нам было по дороге.– Обморочно вымолвила Веда Львовна, справляясь с поразившей их немотой таким вот простейшим способом.

– Ну, ну.– Подхватила, возражая, хозяйка.– Чай, обмочил вам платышко?

Веда, молча, ткнула пальцем в своего спутника и вместе

с хозяйкой рассмеялась уже запросто.

– Вы где припарковались? – Обрывая смех, заботливо спросила леопардиха у Всеволода.

Узнав, где, покачала головой в синем платке и объявила, что это неразумно, извините – оставлять собственность у Большой Дороги в наше-то время в чужом и холодном мире.

Насчёт последнего выражения Веда была не уверена – но, кажется, что-то вроде этого госпожа Сари – она ещё раз прервалась, чтобы представиться и узнать их имена – и произнесла. Возможно, она употребила какую-то идиому, произвольно переведённую с её родного языка.

Коротко приподняв в знак неодобрения молодым людям пучки усов своих, г-жа Сари прибавила, что, впрочем, всё будет мгновенно улажено – она скажет, кому нужно.

Всеволод, как во сне, протянул ей на ладони со следами приязни малолетнего леопарда ключи, но хозяйка их отвергла, заметив, что это излишне, и только переспросила:

– Машина не на самой Дороге стоит?

И увела их в дом.

Первое, что они увидели: посреди росло из паркета вековое дерево. На крепких сучьях лежали подушечки. На самой длинной ветке висела люлька, так же, как и стены, сплетённая из коры и скрепленная жёлтой смолой. В люльке кто-то ворочался. Подойдя и покачав её, Сари усадила их на трёхногие табуретки, спешно принесённые двумя котятками по-

старше Ватрушки.

Веда по неуловимым признакам поняла, что эта необычная мебель, вероятно, предназначалась сугубо для гостей, притом, гостей почётных: котята сопели, скосив глаза на стулья и даже возникла заминка при втаскивании в дверь, которая была чуть уже, чем в домах, скажем, Кропивника. (Обитатели родного посёлка тоже различались по объёмам своих почтенных тел, но как-то, по неписанным законам, предполагалось, что в дом следует входить в человеческом облике.)

Устанавливая табуреты – Веда отметила, что сиденья наборные из различных видов дерева, в том числе, кажется, и весьма редких, даже драгоценных пород, и тщательнейше отполированных – молодые леопарды (им было по семь-девять месяцев, и лапы их были велики) не сразу сообразили, как установить табуреты, и поглядывали на них маленькими быстрыми глазами с трогательным интересом.

Сари, сновавшая по горнице скорее из ритуальных соображений: приоткрыть пошире ставенки, что-то переставить на низеньком комодике и убрать для чего-то одну из вышитых потрёпанных подушечек – властно и вполголоса приказала подростку – тому, что тянул на девять месяцев:

– Протри.

Котёнок вынырнул на улицу и вернулся с малым рушничком, которым принялся, шевеля и наставляя уши, тереть цветной табурет. Второй, помладше, смотрел на сиденье так, будто примеривал себя на нём. Он уже, под видом удобней-

шего обустройства, вознамерился прыгнуть на мозаичное, из треугольников и ромбов сёдлышко (табуретки были прогнуты внутрь), но Сари, разгадав его мысль, немедленно отставила обоих помощников, попросту молвив:

– Годи, милые.

Котята ускакали, но младший в дверях обернулся посмотреть на табурет. Потом он мельком оглядел гостей, остановившись взглядом остреньких глаз на ногах – белых, затёртых дорогой кроссовках Всеволода и пыльных туфельках Веды. Зрачки его, как высокосортная чечевица, крупные и чёрные, расширились.

Веда поняла, что его изумило строение колена, вывернутого не в ту сторону.

Коты ушли.

Сари притворно вздохнула: «Шпана», – и немедленно заговорила другим голосом:

– Уж и не знаю, как вас и принять, как усадить.

Традиционным жестом обмахнув и без того непыльные табуреты (хранили их и хорошо, и близко, раз принесены они были тотчас) своим синим передником, Сари, вопреки собственному утверждению, усадила их очень властно, и, присев на сук дерева, сообщила:

– Чирлу сейчас накроют.

– Прекрасно. – Растерянно сказал Всеволод. – Да вы не беспокойтесь, мы бы и сами. ...Мы тут видели магазинчик...

Сари перебила:

– Там ничего нету: одни удочки для наших старых дураков. Одного вы, небось, видели. Одичал, одёжи не носит... Привратник наш.

– Это тот, что под розами живёт? – Осведомилась акула.

Сари подтвердила кивком.

– Старый стал, дикий. Всё про прежние времена разговаривает...

Она оборвала себя, не желая наскучить усталым с дороги людям, или так показалось Веде.

– Вы с ним не очень. – Добавила хозяйка, поднимаясь.

Она принялась – в распахнутые ставенки потёк чудеснейший запах, от которого у Веды даже зубы защёлкали.

Пройдясь по комнате и выглянув за дверь, Сари что-то кому-то крикнула очень повелительно. Должно быть, поторапливала. Вернувшись на своё место, с которого она убрала уютно потёртую подушечку, Сари вспрыгнула на ветку и, расправляя складки одежды, красиво свисавшие с хвостом до паркета, повела приятнейший разговор – спросила сначала про «жужжалку» -так она именovala владельца бензokolонки и, вновь посетовав на его наглость, заговорила про жару и дорогу.

Говорила она вроде бы обычные вещи, но так ловко оправляла свои бесконечные юбки, пошучивала, а, главное, так вовремя угостила их разведённым с водою медвяным каким-то винцом, внесённым в сверлёных бамбуковых тростях одним

из благоденственных котят (тем, что старше) и собственноручно раскупоренных ею, причём, с горлышка каждого сосуда была снята сургучная печать на берестяной ленточке – что истомлённые дорогой и жарой, не говоря уже о переживании на поле с перепёлками, Всеволод и Веда ожили и почувствовали себя посвежевшими. Они тоже ощутили в себе силы вступить в разговор, поддерживаемый дотоле в основном хозяйкою.

– А где все? – Отпивая из гладкого и тонкого бамбукового бокала полглотка прохладного и острого лёгкого вина, спросила Веда.

Сари предупредительно протянула салфетку дракону, кашлянувшему и смущённо оттирающему тылом руки губы, и другой лапой махнула в сторону люльки:

– Ушли на быков. За лес, на север. К вечеру будут.

Она улыбнулась, не размыкая губ:

– И будут рады. Не часто...

И она замолчала, устыдясь, видно, что гости могут принять эту радость за обычные хозяйские слова при появлении неганных нахлебников.

Тут обе створки двери из морёного и не осквернённого краской серого благородного дерева, разошлись, и внесена была юными котами на овальных двух подносиках гигантская рыжая яичница – все глазки отдельно.

Всеволод вспомнил про перепелиное яйцо и потупился.

– Да зачем вы придумываете.– Еле вымолвил он и осёк-

ся совсем, как Сари, но по другой причине: его заглушила яичница.

Ах, как хороша яичница-чирла в жаркие четырнадцать часов на Большой сурийской дороге.

Веда, ничуть не застеснявшись, воскликнула:

– Да тут все сурийские яйца! – чем вызвала довольный смешок суетившейся с достоинством возле яства хозяйки.

– Ну, это не последние.– Всучивая каждому на колени подносик с громко разговаривающей и бранящейся яичницей, успокоила.

Белок был белее глаз чернокожего сурийца с юго-востока, желток более жёлт, нежели волосы девушек северо-запада.

– Засчитайте ему то, что он кокнул на вашем поле в двух верстах ниже по дороге. – Не унималась акула, которой хозяйка первой подложила пачку салфеток – они были из тонкой и крепкой бумаги.

Услышав разоблачение, сделанное дерзкой акулой, дракон едва не упустил с колен подносик.

Сари, сказав «Те, те, так вот оно что», подносик невероятно грациозно поймала и утвердила на коленях гостя. Она заглянула ему в ясные глаза и так лукаво, так щедро улыбнулась именно и только глазами, что слова извинения замерли у Всеволода на полдороге – интересно, где это?

Веда шумно нюхала рыжие озерца яичницы.

– Извиняйте, – заметила Сари, – что неприкрытую внесли. Я, знаешь ли, милая, – отнеслась она по-женски к одной

Веде, – не люблю прикрывать, чем бы то ни было, чирлу: она от этого делается, как бы в затмении. Оно и то ладно: всё Божья пища, но на любителя.

– Так на Юге, кажется, принято? – Встрял покрасневший от стыда и пара над яичницей дракон.

Но Сари не ответила: взгляд её, такой кроткий и бесстрастно-доброжелательный вдруг сделался чуть ли не гневен. Дракон не понял причины, заметив, что Веда как-то любознательно взглянула в ладонь себе.

Взгляд хозяйки, темнея и став почти грозовым, нашёл одного из котят. Она прошипела – так, так, я именно это и имею в виду, а вы, полагаю, знаете, как шипят кошки – одно-единственное слово, действие которого было потрясающим: старший кот пулькой вылетел за двери. Хвост его стоял торчком.

Сари вновь смотрела спокойно, как та каменная пантера со светильником, известная по знаменитой скульптурной композиции.

– Не уследишь, – извиняющимся тоном сказала она.

Веда шепнула:

– Пустяки, честное слово.

Всеволод, по мужской традиции, чуть позже осознавший происходящее, открыл было рот... Пулькой влетел малыш: в лапе у него торчали два предмета, в которых дракон не сразу узнал ложки.

Сари выхватила ложки у леопардёнка и, тщательно обте-

рев их передником, засим – салфетками, не вполне уверенно положила лодочкой кверху прямо в яичницу.

Веда взяла ложку за витое стёблышко, тонкое и длинное, с фигурками на кончике, и принялась с аппетитом уминать один глазок яичницы за другим. Она так вздыхала и испускала такие хвалебные словечки (чуть неприличные, по мнению умолчавшего об этом дракона), что инцидент исчерпался сам собою.

Дракон, с некоторой заминкой начавший кушать и, в самом деле, восхитительное, горячее и жирное кушанье, мимоходом изучил поданный инструмент. Это не укрылось от хозяйки, размягчённой похвалами и музыкальным сопровождением Веды, и на изумлённо-недоверчивый взгляд дракона заверила:

– Платина и бриллиантики.

При сём уверении Веда, чьи губы и отчасти щёки уже несли печать соприкосновения с яичницей, пальцы свободной руки протянула перед собой: мутно блеснул тончайший ободок кольца, предназначенного родителями выполнять оберегательные функции.

Сари присвистнула и, наклонясь вперёд, тоже с изумлением и недоверчивым видом, который кошки умеют-таки принимать, рассмотрела семь бриллиантиков и даже, шевеля губами и усами, пересчитала их.

– Это ж дорого. – Простодушно вымолвила она, покрепче усаживаясь на сук, с которого едва не свалилась, удовлетво-

ря кошачье любопытство.

– А то. – Согласилась Веда и с набитым ртом рассказала, что кольцо подарок и что пока оно верно служило ей.

– Хорошо. – Заметила леопардиха.

Она видела, что дракон вкушает яичницу более сдержанно и заботливо спросила:

– Не солёно ли?

Всеволод замотал головой, а Веда пояснила, слизывая с кольца кусочек белка:

– Он думает, это как целоваться и всегда как покушать, немного стыдится.

– Ах. – Молвила Сари.

Они обе взглянули на дракона, который буквально потонул в сбивчивых пояснениях и упрёках.

– Просто такую красоту страшно есть. – Вырвалось у него.

– А как яйца на чужом поле катать, так не страшно. – Холодно проговорила Веда.

Все трое (Всеволод тише и позже) рассмеялись. Доедая сладкую яичницу и чувствуя, как горячие желтки лопаются во рту, они продолжали непринуждённый разговор. Дух в домике с деревом воцарился самый компанейский, и тень происшествия с вовремя не поданными платиновыми ложками вовсе изгладилась.

Сидя в своём синем гладком платье на нижнем, более толстом суку дерева, госпожа Сари не переставала удивлять их своим умением так вести самый обычный разговор, что у вас

создавалось впечатление, будто вы сами только что сказали что-то очень и очень умное и своевременное.

Между тем, Сари, легко удалившая пустые подносики со смятыми салфетками (малолетние помощники являлись с такой аккуратностью, будто им в звоночек звонили) и, впрямь, говорила полезные гостям и нужные вещи: в частности, обещала познакомить кое с кем тут.

С кем, она не уточнила, но гости как-то и сами почувствовали, что им предстоит что-то дельное.

– Ибо и у нас неглупые леолюди.— Молвила она, и Веда обратила внимание на то, что хозяйка, возможно, неосознанно употребила слово из родного языка.

Акула поспешила поддержать многообещающую тему.

– Да, мы знаем.— Сказала она, с откровенным сожалением глядя мимо распахнутых ставенок, где шмыгнул кот-шпана с подносиками под обеими мышками. – мы встречали таких... – Добавила акула, найдя густо янтарные хозяйские глаза.

– Вот как.— Подхватила Сари, сощурившись.

Рыжий кончик хвоста дёрнулся по полу.

– И я догадываюсь, – сдержанно продолжала хозяйка, – о ком идёт речь.

Акула не обратила ни малейшего внимания на окольцованный чёрным жгучим колечком кончик хвоста хозяйки, который при этих любезных словах начертил кривую, противореча этой любезности.

– Да, да.— Повышая голос и облизывая уголки рта, оживлённо говорила акула. – Интереснейшая встреча, доложу я вам, Сари, состоялась у меня... совсем недавно.

Всеволод, глянув на хвост, увидел, что отменный конец его преспокойно лежит на узорной шашечке паркета. Как это они так натирают его, мелькнуло в мыслях у беспокойного дракона, что он этак блестит.

– Вы извините, нечисто.— Рассеянно проговорила хозяйка, глянув на пол под дерево. – Не ждала гостей, не прибралась.

Она снова взглянула на облизывающуюся Веду, затем на окно, откуда врывался сухой зной степи и перепелиных крыльев и делался в горнице по неведомой алхимии свежим и чуть отдающим древесиной домашним духом.

– Вы, простите, по маменьке не кошка ли будете? – С улыбкою внезапно спросила она. Усы её трепетали, а глаза вперились в гостью.

Веда без особой охоты кивнула.

– Я так и думала. – Как бы мельком проговорила хозяйка. В старину такое называлось «говорить в сторону» и, кажется, так делали на театре, хотя я и не уверена.

– Не уверена... – Начала большая кошка, выпрямляясь на суку.— ...что я могу быть столь же полезна вам, как то лицо, которое вы упомянули.

Она, заметив, что Веда слушает внимательно и не собирается её перебивать, сама прервала себя и, прибегнув к упо-

мянutoму способу изъяснения, спросила:

– Она всё там же?..

– Если, – сказала Веда, – вы про лицо, то – да. Именно там.

Сари усмехнулась и, чуть подавшись вперёд, так что удивительно, как она сохранила равновесие и полный достоинства вид, – скороговоркой замела сомнительное место в приятной беседе:

– Не подумайте, что я погрязла в предрассудках. Ничего дурного в том, чтобы жить среди людей... о нет, ничего такого я не вижу. У меня, знаете ли, соответствующее воспитание, я, что называется, пасторская дочка.

(Всеволод чуть свёл серые, как перо перепёлок, брови.)

– И я не одобряю тех, кто... получил иное воспитание. Этот мир... – Говорила Сари. – Да, он, этот «мпрр» (она усмехнулась) не таков, чтобы поделить его можно было бы, не будучи, м-м, терпимым...

(Она громко мурлыкнула.)

– Словом, – прислушиваясь более к своему настроению, чем к своим словам, завершила она, – я ничего не имею... против неё.

Сари сделала паузу.

– Она моя сестра.

Всеволод выпрямился, хотя и до того никто бы не уличил его в недостатках осанки. Веда кивнула.

– Вы не удивлены. – Не спросила, а удостоверила чуть недовольная собою хозяйка.

– Вы похожи.

Когда акула это сказала (с простодушным видом), Сари вздрогнула. Всеволод уже с полминуты видел то, чего не могла видеть Веда – синяя юбка была Сари прихвачена в одном месте, где касалась дерева. Сари сидела выпустив когти, и этим, в частности, объяснялось её равновесие.

– Да. – Легко согласилась Сари. (Хвост лежал спокойно.)

Она переменяла позу.

– Не думайте, что я хочу сменить тему, но вам просто необходимо отдохнуть.

Она спрыгнула, не давая им утруждать себя новыми благодарностями, и, цокая коготками, вывела их на знойную улицу, быстро (продолжая болтать) провела по закоулочку, где они мимоходом увидели летнюю кухоньку и чудовищные сковороды, ещё шипящие, ибо их поливали и тёрли песком обруганные «шпаной» леопарды, которые, как они уже знали, приходились Сари троюродными братьями. Бывшие, очевидно, в полном подчинении у взрослых, котята с неприличным интересом проводили гостей взглядами. Веда видела, как младший показал на них лапкой и что-то говорил, двигая короткими усами.

Переулочек вывел на обычную поселковую улицу с мясной лавкой, где на задней террасе орудовал секачом мосластый леопард, похожий на первого из жителей встреченного ими привратника, и двумя рядами прохладных и чистых домов, щедро осеняемых родовыми деревьями (некоторые бы-

ли плодовыми), а, затем, сузившись, улица сошлась в пустырь с меловым утёсом посередине.

Возле утёса, подножие которого заросло ходящими ходуним от слабого восточного ветерка лиловыми цветами, видимо, не менее семи десятков Орсолет назад выстроили кирпичную пятистенку. Плоскую крышу, крытую спрессованной соломой (её обновили, вероятно, года два назад) увенчивала сбоку печная труба, а не дерево. На коньке поскрипывал жестяной флюгерок, в очертаниях которого угадывался профиль человеческого лица. Нос и подбородок торчали, веером стоящие жестяные клоки волос напоминали виньетку под текстом.

Веда не вспомнила, где она видела виньетку – зато хихикнула: профиль чуть пародийно воспроизводил лицевой угол идущего рядом дракона. Тот не понял, чему ухмыльнулась Веда, и вопросительно взглянул на неё. Окружённый слабым светом катившегося в положенном направлении Орса, Всеволод задрал подбородок и увидел флюгер, в ту минуту указавший точь-в-точь на Север.

– Ничего себе. – Буркнул дракон.

(Но он так и не понял, почему смеялась Веда.)

За утёсом слышалось милейшее журчание. Отойдя на пару шагов, Веда увидела: блестит ручей, скользя по белым валунам, отёсанным водой до самых ласкающих глаз очертаний. Из всех сил гулил на дереве скрытый листвою самец горлинки – дерево росло ниже по течению и казалось при-

видением. Было грустно. Этот красивый пустырь вызывал странное настроение, словно его отделили до неба каменной стеной от посёлка.

Сари добрыми пожеланиями и шутивными извинениями рассеяла набежавшую тень сомнения и страха, вводя их в что-то сказавший дверными петлями и крылечком (новеньким, из подогнанных без шовчика досок) низенький дом. На правах хозяйки, она громко подвергала критике воздух (он и, впрямь, отдавал чуточку затхлостью), паутину (ни одной не заметили Веда и опрятный, как белка, дракон) и качество воды (из ручья), которой предполагалось наполнить ванну – литую чашу из латуни с головою хищной птицы и на птичьей массивной лапе.

Всё это были забавные пустяки – дом был хорош и просто-таки извертелся, ожидая именно их.

Показав две спальни (при этом Сари весело сверкнула янтарными добрыми глазами) и гостиную (без дерева, зато с отменной деревенской мебелью), хозяйка сама заботливо и, бормоча что-то про водопроводчиков, повертела чудесно работавшие латунные краны и, похлопав лапою без признаков когтей по стопочке пёстрого, наглаженного, как страницы в книге, постельного белья, ушла, сказав у порога:

– Да, и если, что нужно... Да я сама, впрочем, через часик зайду.

– Я прослежу, чтобы он к этому времени во что-нибудь завернулся. – Пообещала акула, и Сари, хохотнув, ушла, по-

трогав Ведину сумочку на крючке у двери.

Веда громко прошептала:

– Это ненатуральная. – И Сари в окно погрозила ей кошачьим кулачком.

Веда слышала, что та напевала – на родном языке.

Акула без колебаний присвоила себе первое право испытать диковинную ванну и окунуться в прохладную, хотя и горячий кран был исправен, воду ручья, наполнившую ложкообразное углубление на седле птицы. Выкупавшись, и, по возможности приведя в порядок одежду, она принялась рассматривать полку в гостинной.

Веду привлёк необыкновенно широкий корешок малюсенькой и толстенькой книги, жёлтый в чёрный горох. Акула подцепила чистым пальчиком каптал из оранжевого бархата и любопытно заглянула на обложку, не вытаскивая книги.

– Подарок. – Пояснил чей-то незнакомый голос в окошке, со шпингалетами коего смог справиться только дракон.

Веда подошла к низкому подоконнику с книжкой под локтем и высунулась в окно. Там стоял в чёрной сутане леопард. Лоб его был высок, из-за чего голова приняла яйцевидную форму.

– Подарил один критик... – Красуясь на фоне утёса, молвил гость. – Специально приезжал... Хотел книжку о нашем, забытом Орсом, месте писать, кажется, а, впрочем, чёрт его знает, что он хотел.

Веда встретила с пришлецом взглядом – глаза у того зе-

ленели, как мурава, и блестели от сдерживаемого смеха. Веда сразу поняла, что перед нею весёлый пройдоха и то, что называется «в семье не без урода».

– И что же, написал он? – Ещё высунувшись, спросила она.

Леопард оглянулся туда-сюда и, приблизясь, с томным видом потупил глазки.

– Написал... наверное.

Веда захихикала. Гость поправил белый высокий воротничок и, подняв глаза, нравоучительно заговорил:

– Рискаю быть неправильно понятым, я бы сказал, что мы его съели... но...

Они оба ещё потерпели, но внезапно расхохотались разом. Привлечённый звуком, дракон явился с крыльца (где он тайно и тщетно пытался отчистить скорлупу украденного яйца с подмётки) и замаячил за плечом Веды. Увидев его, пришлец мгновенно смех прекратил и с достоинством пригласил их – от имени всеобщей любимицы, «нашей общей знакомой» – повечерять в обществе, более широком, нежели то, в коем они сейчас имеют честь пребывать.

Они застали посёлок совершенно переменившимся – всюду кишели жители. Столько пёстрой шерсти Веде не доводилось видеть ни разу, хотя Пусик, которого она (мельком) вспомнила, в младенчестве размотал не один клубок, купленный нарочно для него, что ничуть не шокировало продавцов, которых НН непременно оповещала, для какой цели

приобретается дорогой товар.

Улицы мягко колебались, похожие на коробку для рукоделия с напрочь перепутанными нитками, в которые забралась мышь. Многие леопарды были в кожаных тиснёных портупеях с широкими поясами, ладно перехватывавшими их атлетические в большинстве фигуры. К поясам крепились многочисленные предметы: по-видимому, род кортиков в кожаных же ножнах, что-то вроде портняжных варварского вида ножниц с колпачками на страшных, крестообразно сходящихся остриях, и небольшие, с Ведину ладонь, треугольные лопаточки.

– Как вам гостеприимство нашей страннolюбивой тётушки? – Мимоходом спросил молодой пастор, всё время занимавший, в особенности, акулу презабавным разговором по поводу ксенофобии.

В манере его вести перестрелку неоконченными репликами и всегдашней готовности рассмеяться (хотя после обоюдного веселья по поводу Участи заезжего критика он ни разу этого не сделал), не чувствовалось специфического обаяния, которым отличалась Сари, но с ним в целом было занимательно.

– Всё хорошо.– Серьёзно и в тон ему отвечала переимчивая акула, кивком благодаря посторонившегося леопарда, подстригавшего ветровой заслон. Рядом стояла жена (в тоненьких и лёгких ремешках портупеи), очевидно, давно просившая его об этом.

– Особенно, – продолжала акула, – санузел. Краны, ручки, полотенцедержатель и прочие детали очень удобны.

– Ах. – Воскликнул пастор с закипевшими смехом глазами, – жаль, Сари не слышит. Вы уж повторите это при ней, будьте ласковы. Она так старалась, приводя всё упомянутое в порядок!

– Непременно. – Пообещала Веда. – Хотя и предпочла бы в этом отношении следовать местным обычаям.

При этих словах леопард (не тот, что подравнивал изгородь, а другой, моложе и крупнее, посреди улицы в толчее, с мышцами, ходившими под короткой шерстью, как яблоки), стягивая нарамники, поднял морду и посмотрел на Веду. Жители, в общем, не обращали особого внимания на пришлецов, исключая ручеёк вежливых отрывистых замечаний, когда, уступая дорогу, они неуловимо подавались в сторону на задних лапах с кожаными перевязками над коленом, или приветствий, когда с ними здоровался провожатый гостей.

– Да, наши лопатки, завещанные нам, согласно священным текстам, прародителями из Далёкого Неба, очень милы. – Подхватил смешливый пастор с обычной подавленной готовностью разулыбаться. – Надеюсь, – он склонил к Веде удлинённую морду, с мужественными подушечками, ошетиенными пучками усов, – в вашем замечании истой путешественницы нет ничего иронического?

– Ни в коем разе. – Категорически отмела Веда Львовна, глазами здороваясь с распортуpeeнным леопардом. Тот, уже

успевший присесть на ближайшее крылечко, медленно встал, поклонился, комкая в лапе связку ремней.— Напротив того, в ваших обыкновениях есть нечто... м-м, как бы сказать?

— Поучительное и в то же время трогательное? — Поискав слово и, оправляя белый воротничок свой, предположил попутчик.— Кстати, мы пришли.— Тотчас прибавил он, делая пригласительный жест лапой и не дав времени согласиться, либо отвергнуть предложенное.

«Пришли» означало, оказывается, что они остановились возле ветрового заслона из кипарисов, точь-в-точь такого, как всюду в посёлке, разве что чуть выше и с более широкими воротами, так и приглашавшего войти, тем паче, что Орс, представлявший дотоле мутный золотой шарик, оживился, катясь к Западу, и пригрел неожиданно крепко плечи Веды Львовны.

В основательном овальном дворике первое, что останавливало взгляд, было отсутствие дерева. Тёплая прохлада утоптанной хвои, коей присыпали землю под ногами, делала ненужными почётные табуретки. Здесь общались и неспешно переходили с места на место, изредка задирая мощные морды к ласковому вечернему небу и то ложась на передние лапы, то лениво осаживаясь на задние, двенадцать или около того жителей.

Никто не глазел на гостей, не перешёптывался и на пару минут, пока пастор вступил в краткие переговоры с од-

ним, двумя из присутствующих, Всеволод и Веда оказались предоставленными самим себе.

Обсуждались организационные моменты, прозвучали слова вроде «...поспели к трапезе?» и успокоительное «в порядке», причём пастор говорил на суржике из сурийских и местных слов

Сбоку разговаривали два леопарда на родном языке с преобладанием лиричных согласных сочетаний, где преобладал звук «м», но, заметив, что гостя прислушивается, сейчас же из расхожих приличий перешли на сурийский, которым они владели очень чисто.

– ...Последнее испытание.— Говорил один из собеседующих, с полуслова оставивший мурлыкающий говор, ради родного языка акулы.— Металл. Лабиринт со множеством механических ловушек. Представляете, Гоби?

Тот, к кому обращались и слушавший с обманчивой леницей, а на деле напряжённо внимательно, что и вообще, заметила Веда и подтверждаю я, свойственно леопардам, подковкой выгнул подвижную верхнюю губу в знак того, что он представляет.

– Изошрённых ловушек, заметь, милый, как и всё в этой душегубке. Вот-с. В конце этого лабиринта, набитого смертью – а звание офицера у них получает лишь тот, кто испытан именно этою дамой – выход, преграждаемый гигантским, в рост прехорошенькой леолюдочки (оба хихикнули) кувшин, но, увы, тяжелее этой предполагаемой прельстительной

особы раз этак в четыреста, ибо, Гоби, отлит он из сплава, известного лишь им и уж, поверь, секрет они прячут у себя посреди Отца-Океана даже от своих дражайших наставников в... ну, там, где штаб-квартира этих господ. Да, и... Да? Полагаю, м... там преобладает медь, этот металл-предатель, носящий в себе отрицательные эманации. Толком не знаю. Важно не это, а то, что тут испытуемому остаётся после всех совершённых им чудес ловкости и ума одна только грубая физическая сила. Как, скажем, у Сахиры...

Тут оба обернулись на громадного леопарда с усмешками, на которые тот добродушно огрызнулся. Сверкнув глазом куда-то возле туфелек Веды, потёртых у носков, и тем дав знать, что не мешает гостье удовлетворять своё праздное любопытство, а попросту подслушивать чужой разговор, рассказывающий о металле спокойно и, как ни в чём не бывало, продолжал:

— ...Физическая сила и... (тут он употребил родное слово и, видимо, слегка затруднился переводом, потому что в этом месте так и остался пропуск). Нужно схватить кувшин за горлышко и сдвинуть, отшвырнуть его с пути. Не так уж, впрочем, страшно для силача вроде Сахиры (снова ухмылки) либо... (тут снова вставилось непере译имое словечко). И человек, поверь, может справиться — особенно, ежели он воспитанник этих господ, и после того, как он преодолел коридоры с разверзающимися трещинами под ногами, ведущими в Ад, о чём там предпочитают не знать, и всеми этими клю-

ющими птицами и ядом на стенах, ну, и прочим. Но дело в том, что кувшин, напоминающий обворожительную особу, раскалён докрасна. Весь, Гоби, включая горлышко, за которое, естественно, удобнее всего схватиться испытываемому – не нам с тобой, Гоби, и слава Орсу. Как хорошо, Гоби, что не нам. На горлышке по металлу тщательнейше вычеканен некий узорчик, и, когда – ты следишь, Гоби? – когда будущий офицер возьмётся за пылающее горлышко, на ладонях у него останется характерный оттиск. На обеих ладонях, а они так же чувствительны у людей, как и наши. Тогда офицер, выйдя из коридора, говорю тебе, не нуждается более ни в каких подтверждающих бумагах, а ведь ты знаешь, до чего они любят *бумагу*...

Говоривший, не разжимая пасти, издал волнообразный звук, который вполне можно было принять за смешок, а Гоби пробурчал что-то невнятное и утвердительное.

– Довольно всякому глянуть на его руки и станет ясно, что перед ним – офицер... притом, офицер с колоритнейшей биографией. Они всегда и всюду распознают его, владей он хоть формулой семидесяти двух превращений, так как избавиться от этого украшения, в сущности, нету ни малейшей возможности... исключая, конечно, случай самокалечения, предполагающий необыкновеннейшую из ряда вон выступающую силу характера и, заметь, это только предположение, – такой же силы желание избавиться от клейма.

Тут Веда, учуяв, что рассказ подошёл к развязке и что

собеседники на мгновение, прежде чем перейти к иной теме, погрузились в мрачное раздумье, видимо, о предположительной Участи, ожидающей претерпевшего такое ужасное испытание, воспользовалась паузой, как приоткрытой дверью в чужой дом.

Она ритуально кашлянула, хотя в горлышке у неё было чисто, и еле слышно, зато отчётливо, произнесла:

– Трудно представить, что кому-то захотелось бы избавиться от знаков, удостоверяющих равно его высокое звание и мужество.

Леопард-рассказчик мигом и чрезвычайно предупредительно откликнувшийся на робкую попытку акулы вступить в разговор всем движением своего прямого корпуса, молвил:

– Молодая госпожа, ах, поверьте, разные бывают Судьбы.

– Что это?

– Участь. – Галантно перевёл леопард, почтительно подходя к Веде ближе, в то время, как Гоби, вежливо буркнувший что-то гостям, так же неторопливо отошёл и принялся расхаживать с заложенными за спину лапами, ни с кем не вступая в разговор.

– Но вы же не будете отрицать, – обрадованная общительностью умного и неожиданного собеседника, подхватила акула, – что наличие такого рисунка...

– Такого клейма, да...

– ...Такого клейма всегда свидетельствовало бы и совершенно недвусмысленно о качествах весьма незаурядных?

– Не буду. – Любезно молвил леопард, едва позволив Веде Львовне договорить и немедленно, чуть повыся приятнейший баритон, осведомился:

– Смею ли предположить, что молодая госпожа, так же как сдержанный её спутник, доверены заботам проходимца, вот уже несколько времени позабывшего о своих обязанностях?

Пастор, давно уже завершивший свои переговоры и терпеливо ожидавший в деликатном отдалении, пока Веда завязывала симпатичное знакомство, бесстрастно мурлыкнул:

– Те-те, полегче, местный житель, выражайтесь о духовном лице.

Поименованный таким образом осклабился.

– Ты ещё пока не духовное лицо. – И он добавил обращение, которого Веда не уловила и которое было, наверное, именем любезного проводника.

– Ах, да, – поворачиваясь к нему, просительно сказала акула, – как мне к вам обращаться?

(– Он даже не представился молодой госпоже. – В усы себе проурчал поведавший историю о последнем испытании.)

Не обратив на иронизирующего бюргера и взгляда, пастор откликнулся:

– Зовите меня Григорием.

(И «местный житель», и даже Гоби, в тихой задумчивости мерявший хвою тяжёлыми мягкими шагами, издали тот, похожий на смех, звук, который был уже знаком пришлецам.)

– Так, Григорий... – Повторила акула и глянула через пле-

чо на друга Гоби.

– Шанаэль. – Церемонно представился тот. – Моё имя собственное не так трудно произносимо, как имя этого будущего духовного лица.

Веда назвала себя и Всеволода, хранившего молчание и ограничившегося, впрочем, почтительным поклоном.

– Веда... Не угодно ли, чтобы я называл вас с отчеством, ибо таково вежливое обыкновение вашего отчества? – Без тени иронии осведомился Шанаэль, не столь осанистый, как Сахира, зевавший довольно основательно у выхода со двора с немалым риском дать прибежище в своей пасти белой крупной бабочке, залетевшей сюда.

– Не угодно. – Ответила Веда. – Вы и сами трижды называли меня «молодой», если это только не формула вежливого обращения.

Шанаэль разулыбался.

– О нет. – Молвил он. – Хотя вежливость – штука хорошая.

Он глянул на Григория. Тот неулыбчиво мяукнул:

– Всё готово.

Веде показалось, что пастор-иронист чем-то недоволен.

– Так пойдёмте, – жизнерадостно проворковал тот, кто пожалел неведомого офицера. – Если придём прежде, чем нужно, нас не осудят, но опоздание пахнет смертью.

Леопарды плавно текли мимо, и, оказавшись в упругих волнах шерсти и мускулов, Веда безмолвно попросила Ша-

наэля, который тотчас сделал лапой окружающий жест, сразу расчистивший вокруг них достаточное для продолжения интимной беседы пространство, и наклонил к ней усы.

– Что это у вас?

Всеволод и Григорий, очутившиеся сзади и оттеснённые красавцем и силачом Сахирой, послушно шли в толпе. Веда ещё раньше заметила свёрнутую руликом и заткнутую за портупею Шанаэля газету. Тот извлёк её и, прежде чем передать акуле, расправил листы. Он собрался уже развернуть заглавную страницу, как Веда забрала газету.

Шли по белой улочке, выметенной до блеска, так что заметно оживившийся Орс смог поиграть на отлакированных камнях. Рассматривая примятую на тёплом боку Шанаэля газету, вывернутую на третьей странице, акула увидела, что до неё читательское внимание или одно из колющих орудий оставило рваный след на заметке в середине, между большой статьёй о местном футбольном чемпионате и поздравительной телеграммой основателю ветеринарной клиники. В заголовке излюбленным газетами побережья шрифтом Комик Санс было набрано:

Сокрытое делается явным

Из статьи в четыре столбца Веда извлекла следующие сведения, приводимые мной с некоторыми сокращениями:

«Мы помним кровавое событие на Юго-Западной границе нашей Родины, совершившееся девять суток тому. Наша газета первой сообщила удручающие подробности... Без

излишней скромности полагаем, что первыми же сообщаем о логическом завершении печального дела. Достовернейший источник дал нам понять, что нынче вечером с известного лица будет снята неприкосновенность и лицо это пригласят дать некоторые разъяснения. Так как мы всецело преданы закону, разумеется, называть имя убийцы мы не станем. Имя же лица, лишённого неприкосновенности, мы публикуем с огромным удовлетворением. Это никто иной, как...»

На этой строчке бумага была надорвана. Подняв голову, Веда, читавшая с увлечением, оглянулась и увидела, что идут они по другой улице, срезавшей прежнюю под углом. Окружавший её ландшафт не переменялся: дома, укрытые деревьями от вечернего зноя, и уложенная между нагорьями маленькая долина двигались с нею. Леопарды ушли далеко вперёд, а пастор и дракон, перекидывавшиеся отдельными, не слышными ей словами, телепались позади. Кажется, она узнала спину Гоби, возникшую среди домов, но быть уверенной в том, что это спина Гоби, она, конечно, не могла.

Рядом и чуть позади неслышно шествовал Шанаэль, беспечно мурлыкающий песенку с замедленным ритмом. Он оберегал читающую акулу, чтобы та не спотыкалась, ибо длинные пряди волос Веды, свесившиеся на газету, эта нелепая в жаркое время года причёска, скрывала от неё, Впрочем, совершенно ровную дорогу, споткнуться на которой мудро. Тем не менее, забота его, выражавшаяся в его походке и деликатном подглядыванье под каблочки Вединых туфель,

была очевидна.

Складывая газету (других статей она читать не стала), акула принялась к неподвижному воздуху. Еле ощущаемый запах, непривычный в городе и пугающе привлекательный, почудился ей. Вдалеке что-то негромко шумело – река, наверное, и кто-то переговаривался на языке Ловарни.

Поглядев на кружащихся комаров, которые выглядели крупнее и манёвреннее знакомых комаров из Кропивника, и, сделав тщетную попытку изловить одного, Веда передала газету леопарду.

Газета была принята им так, будто Веда безвозмездно преподнесла ему лист бесценного манускрипта.

– Ждут ночи, чтобы укусить.– Возвращая газету на место, сказал он.

Веда вновь хлопнула себя по плечу. Она и Шанаэль обменялись взглядом тех, кто долго шёл рядом по одной дороге. Громкий звук, наподобие мычания, донёсся сквозь деревья. Оборван коротким то ли грохотом, то ли рыком. Что-то зашумело, топот по траве утонул в ровном гуле очевидной уже речки, и стало тихо, как под землёй.

Орс легонько дёрнулся, покатился к нагорью и был поглощён крохотным облаком, немедленно им рассеянным.

– Там, в газете какая-то напыщенная статейка. Что-то вроде убийства... Здесь, неподалёку, возле дороги на Север. Я не поняла толком, эти провинциальные газеты... Знаете, пишут как в разговорнике для годаньских туристов. Далеко

ещё? – Обратилась акула к всегда галантному Шанаэлю.

– Нет, недалеко. Госпожа утомлена? Ах, убийство. Да, да.

– Я не устала.

– Вон за теми домами. Очевидно, нас ждут, но не всё ещё готово, сообщил наш будущий пастыр.

Говоря это, Шанаэль сверкнул глазом за плечо себе, где на расстоянии, которое покрыть бегом можно за минуту, трусил неутомимый Григорий и неспешно шагал Всеволод.

– Да, убийство. К слову, сделалось это дурное недалеко... вы изволили миновать это место... недавно, я полагаю. Госпожа мужественна, и маленькие её ножки готовы ещё топ-топ в нашей трущобе?

– Говорю, я совсем не устала. Однако, пойдём скорее, раз запоздалость пахнет так нехорошо, как говорил мне один лукавый из местных.

– Нет нужды. Шанаэль не простит себе, если вы собьёте в кровь ножки.

– Значит, и впрямь, что-то случилось.

Шанаэль многозначительно коснулся лапой смятого газетного рулика, тёршегося под кожаными ножнами, глядел же он вперёд, и взгляд его скользнул по взгорью.

– Оглянитесь на вашего товарища, он тоже неутомим. – Как-то странно посоветовал Шанаэль, продолжая глядеть в том же направлении.

Сбоку под кипарисами вынырнула на одну секунду жёлтая в пестрину гибкая спина.

Не оглянувшись, Веда указала на другую сторону улицы, где дома сидели реже, а кроны погустели и зелёными облаками реяли низко в воздухе.

– Большой город.

– О нет. – Откликнулся леопард и, дерзко усмехнувшись, молвил сам себе:

– Когда страха нет, нет и прочего.

– Прочего?

Он негромко воскликнул что-то про скверную привычку болтать сам с собою и объяснил:

– Нету страха, нету и прочих девяти грехов, так как они есть его простое следствие. Сделалось так, молодая госпожа, что, вообразите, в этой скромной и дикой местности возле самой насыпи железной дороги находят мертвеца, притом непреложно делается ясно, что в лицо ему разрядили из двух стволов превосходнейшее охотничье – обратите внимание – охотничье ружьецо. Ну-те-с, те, кому поручили это, немедленно разузнают расписание поездов и зачем они проследовали мимо в последние три дня – три дня, стало быть, назад, разрядили охотничье ружьё и, представьте, немедленно понимают, что ничего таким образом не прояснится. Любопытно и то, что от мертвеца и далее по насыпи будто грядочка такая, кусты пониже размётаны – словом, и неумному ясно, что тело волочили к насыпи. А те, кому поручено, как вы догадываетесь, как раз-таки до ужаса умны. Пройдя вдоль оставленного волока находят и вовсе ни с чем несооб-

разное: яму у опушки леса, под сосною, и яму преглубокую, а по бокам набросана земля. Кто-то вырыл мёртвое тело из-под сосны и проволока, либо оставил такие следы – до железного полотна, так что из окошечек поезда можно увидеть лежащего (что и произошло). Решили, что зверь...

Шанаэль улыбнулся.

– ...выкопал тело, чтобы поживиться им. Хорошо-с. Но кто его тогда закопал? Следствие, предчувствуя неудачу – ибо внешний вид умершего свидетельствовал, что человек он был пришлый и, грубо говоря, бродяга – всё же прилежнейше опрашивает жителей двух деревень – одной, по левую руку, другой – по правую от леса. И тут их ждал полнейший успех.

В деревне справа от леса сей секунд опознают мертвеца и массу всего полезного узнаёт следствие за кратчайшее время. Жители, точнее, жительницы правой деревни очень энергично сообщают, что третьего дня точно к деревне прибился прохожий и – тут следует многословное описание, даже уже во многом излишнее, но сводимое к важнейшим моментам.

Пришлый был старый, дружелюбный и опрятный человек с неровно обстриженной обильною бородою. Босой. (Обувь свою он, как выяснили позднее жительницы, нёс в мешочке.) Поначалу жители, не любящие бродяг и всяких сомнительных лиц, категорически отказали этому человеку в тех некоторых просьбах, которые он им представил. Но уже на сле-

дующий день с утра переночевавший в лесу пришлец переделал в деревне столько разнообразной работы, что к вечеру женщины из деревни наперебой предлагали ему ночлег и не только просьбы его удовлетворили (немного еды и кусочек мыла), но и пылко соревновались между собою за этого старика. Работу он, как уяснило следствие, делал чисто и умело, а денежного вознаграждения брать не хотел, настаивая на получении платы, заявленной им ранее. Женщины несколько надоели следствию, разнообразно и долго понося своих мужей и упоминая залатанные плетни, подправленные крыши и даже сшитую якобы стариком пару обуви так часто, что у следствия закололо в ушах и зарябило в глазах.

Особенною и самую ценною приметой послужила рубашка бродяги. Так как он отрёкся от оплаты и даже в предложенном ему для ночёвки доме не лёг в горнице, а устроился в сенях, то расстроенные этим женщины почти насильно совлекли с него очень старую и зашитую повсюду рубашку, надев на него совсем почти новую, в синюю клеточку, старомодную и очень крепкую рубашку с прекрасными, картоном подшитыми манжетами, оставшуюся у одной вдовы от убитого некогда на войне мужа. Это он взял. Рубашку с негодованием опознали на фото, предложенным им умными людьми, ибо она была вдрызг изодрана, с полуоторванным воротом и изгажена вся зелёными пятнами от сочных луговых трав вдоль насыпи, которые его, кстати, умоляли скосить.

Погоревав по поводу рубашки, свидетельницы показали

также, что ушёл он утром другого дня, напутствуемый приглашениями по числу дворов. Заставили они его поклясться Небом и Землёй, что, идучи обратно, он зайдёт к ним и доделает всю ту работу, которую ему предназначат. И он, смеясь, соглашался со всем и поклялся, ибо уж очень они на него насели.

Далее предстояло заняться левой деревней. Здесь следствие поначалу ждал неуспех. Мертвеца жители не опознали и вообще такого они не видели. Заодно они рассказали, что, напротив, видели они кой-что другое.

Три дня назад, как заявлено и подтверждено, в околицу въехала иностранная красивая машина с сурийскими гражданами. Граждан было, сдаётся, четверо. Что они сурийцы, было установлено жителями немедленно по тем переговорам, кои граждане вели меж собою и с жителями деревни. Согласно помянутому уже предубеждению против лиц, вызывающих сомнения, граждан в деревню не пригласили, и, увы, даже не пустили их переночевать. Граждане не обиделись, а один из них даже громко заявил это не вполне понятным голосом, высунясь из оконца более, нежели по пояс. Остальные путешественники ограничились громким же хохотом на разные лады и забрали в оконце высунувшегося. Отъехали они, короче, в лес и там, очевидно, и переночевали. Жители деревни, поставив на место вилы и один топор, также удалились и разошлись по домам.

Далее? Ну, вот, что было далее. На другой день, ровно по-

средине, жители слышали с луга, примыкающего к наиболее глухой части леса, шум, как бы от множества колесниц, будто бы едущих взад и вперёд, треск и разные голоса. Что за голоса, не сказали: не расслышали.

Показание левой деревни подтвердилось после выезда следствия на предполагаемое ристалище колесниц. Были обнаружены: множественные следы от шин, в сущности, чуть ли не полностью примятая этими шинами сочной травой (следствие с сожалением констатировало это, разглядывая зелёные пятна на коленях форменных брюк), кое-где бурые пятна и свежепротопанную тропиночку в глухой непролази, выведшую их, ко всеобщей радости, на край леса меж кой-где поломанных кустов, за которые как будто хватались, чтобы удержаться от падения к глубокой яме, ещё чёрной и свежей внутри и обложенной уже посохшими буграми земли с вывороченными клубками корней.

Засим решили для чего-нибудь изыскать тех четверых граждан, на тот случай, ежели бы им пожелалось дать какие-либо ценные пояснения относительно обозначенного отрезка времени. Сделать это оказалось до смешного просто, так как сумрачные жители левой деревни, хоть и как-то не весело и сухо вато, всё же описали граждан, в частности, и высунувшегося гражданина на переднем сиденье.

Увы! Отысканные граждане – их точно оказалось четверо – не смогли пролить, ну, хоть самую чуточку, света на событие. Одного даже пришлось, извинившись, тут же

отпустить. Он был занят по горло и сам просил его извинить. Обещавшись, едва справившись с неотложными делами, снова прибыть и, чем возможно, помочь, он отбыл.

Потом начались необыкновенные вещи. Остальные трое, по отбытии четвёртого, пребывали в каком-то удручённом состоянии и, сердясь, говорили, что они люди тоже занятые. Их, в конце концов, тоже отпустили, умоляя что-нибудь припомнить и, кстати, не отлучаться далеко, так как дело спешное и кровавое. В то время газеты Юго-Западного Побережья и даже уже некоторые другие наперебой писали о происшествии и, к понятному возмущению троих граждан, где-то раздобылись их именами, которые к чему-то перечисляли в каждой такой заметке.

И тут трое граждан припомнили, как их просили, кой-что и из их совокупных воспоминаний, а также присовокупленных показаний правой и левой деревни сложилась следующая картина: в полдень дня такого-то лета Последнего Времени четверо едущих в машине по лугу, увидели идущего опушкой леса босого гражданина. Выглядел он ужасно и, вероятно, был нетрезв. Кроме того, он «зарос по самые глаза», как несколько раз показал один из троих, обрётших память граждан. Четверо сидящих в машине окликнули его, чтобы узнать, который сейчас час дня. Он сначала не отвечал, потом ответил им что-то ужасное.

(Что именно? – Позволил себе любопытствовать один из затаивших дыхание следователей. Но ответа вспоминаю-

щий не дал, ограничившись тем, что повторить услышанное он, как отец семейства, не вправе. Следовательно не настаивал.)

Засим событие развернулось прямо и попросту драматическое. Идущий обородатевший человек («я даже усумнился, человек ли он», – вставил отец семейства) выхватил винтовку и прицелился в него. (В кого? – Тут же спросил любознательный следователь. После молчания отец семейства сказал, что ему показалось, что именно в него. Впрочем, он не настаивает. Возможно, он даже немного испугался. За детей, – пояснил он.)

Четверо в машине, не предвидя такого гнусного оборота, растерявшись, принялись кричать и высовывать руки из машины, призывая безумца хранить спокойствие. (Уехать, – тут же пояснил ценный свидетель, – мы не решились. Ведь тут неподалёку деревня, и мы опасались, как бы осатаневший бедняга не натворил каких-нибудь непоправимых дел.) Один из четверых даже, рискуя быть застреленным на месте, ловко выпрыгнул из машины и пошёл к несчастному обладателю винтовки, которую тот продолжал держать нацеленной. (Но уже не на меня, – поспешил пояснить семейственный этот человек, – а на того, кто двигался по лугу, продолжая призывы образумиться и не волноваться.)

Потом, вспоминая, содрогнувшись, свидетель, что-то так быстро сделалось, что упомянуть всё в необходимом порядке затруднительно. Человек с винтовкою прыгнул и, настигнув

побежавшего в естественном порыве самосохранения гражданина, повалил его, винтовка как-то так заметалась и выстрелила, вероятно, ибо заросший и незадачливый негодяй упал, поражённый. (-Так-то вот, – закончил свидетель. – Кто с мечом придёт...)

Следователь поблагодарил свидетеля и опросил двух оставшихся. Сличив их рассказы, он с лёгкостью установил, что они сходятся без малейшей помехи. Заканчивались все три рассказа одинаково – как по слабости человеческой, они испугались, что на них подумают, будто они убили бродягу и, отнеся его под сосну, похоронили там, винтовку же выбросили в речку.

Ну, вот винтовка. Ну, хорошо. На руках, стало быть, следователя скопились три безупречных рассказа, а трое граждан запоговаривали о том, что существует и Закон о Клевете. Для чего, позвольте спросить, он существует? (Имена их, если помните, пропечатали во всех газетах.) А тут ещё за границу по срочнейшему делу отъехал четвёртый высунувшийся гражданин, который, кстати, никаких рассказов никому не предоставил. И уехал, поди-ка, так случилось, что о те поры, когда следователь решил всё-таки ещё раз деликатно его расспросить, не припомнил ли он чего в этом деле со стрельбою.

Едва он отъехал, как вновь совершились непостижимые, неподвластные обычной пошловатой логике жизни, дела. Явился, вообразите, к нашему уже привыкшему к чудесам

следователю один из свидетелей (не тот, что назвался отцом семейства, а другой) и, весь дрожа, негодуя и даже, как помешалось следователю, приплакивая, заявил, что он намерен понести наказание и строжайшее наказание, но – как подчеркнул он – за свою вину. А за чужие провинности он наказания нести не намерен. Изумлённый следователь оживлённо потребовал пояснений и получил их, но не тотчас, а после того, как свидетель ещё раз повторил, что желает отвечать лишь за себя, а до других ему и дела вовсе никакого нету.

И заговорил так, что перо следователя так и застрочило по бумаге, изредка оставаясь воздетым, когда свидетель, глотая уже явно слёзы, подыскивал нужное слово.

С его слов сложилась ещё одна картина. Ехали четверо в машине и увидели идущего по опушке леса какого-то старика. (Тут, значит, всё, как прежде.) Когда увидели, высушившийся и ещё один, именно отец семейства, стали старика окликать, выкрикивая всякое нехорошее. (Тут тоже совпало с предыдущими рассказами, ибо рассказчик отказался повторить, даже примерно, в чём заключалась соль этих окриков.) Старик на крики внимания не обратил, а продолжал идти, не замедляя и не ускоряя нескорого своего шага. Был он бос. (Совпадение.) Был бородат. (Опять.) Кажется, нёс мешочек на плече. (И вот в точку.) Сдалось свидетелю, что он посмеивался, но ручаться за волнительность последующего не может. (Ну, это не важно.)

Прокатив по лугу за стариком несколько времени, двое –

высунувшийся и отец семейства – предложили «оттеснить деда и погонять». За достоверность слов свидетель поручился. Он сам категорически и жесточайше воспротивился, но, как сидел на заднем сиденье, вмешаться существенно не мог. Когда старика оттеснили от леса, тот остановился, затем пошёл далее лугом, в траве. Машина несколько раз (сколько, свидетель не мог сказать) объехала вокруг, заставляя путника приостанавливаться. При этом Высунувшийся высунулся с проклятою винтовкой и приказал деду бежать вперёд. (Он кричал: «Вперёд!» – взволнованно повторил свидетель.) Действия это не возымело, и путник продолжал своим мерным старческим и вполне бодрым ходом двигать, хотя и вперёд, но неудовлетворительно для пребывающих в удивительном веселье и приподнятом настроении Высунувшегося со вставшим и перелезшим на переднее сиденье Отцом Семейства. (Прямо сумасшедшие, – сказал вздрагивающий всем телом при одном воспоминании свидетель, тщетно пытавшийся их урезонить.) Высунувшийся вцепился одною рукою в баранку и водитель, то ли не совладав с таким вмешательством, то ли поддерживая намерение неистовствующего Высунувшегося (тут сказать точно не могу, – потупясь, шепнул свидетель), двинул машину и двинул именно, как требовал Высунувшийся – вперёд. Старик упал. Высунувшийся с ужасным треском раскрыл дверцу и выскочил, потрясая винтовкой. Следом – Отец Семейства. Упавшего подняли, руки ему скрутили и привязали сзади к машине. Вернувшись

в машину, двое уже сами вцепились в баранку, и машина поехала очень скоро, петляя по лугу. Высунувшийся, по словам свидетеля, приговаривал одно только слово и, увы, это было то самое проклятое – «вперёд».

По многочисленным просьбам свидетеля, машину остановили. Подбежали. Привязанный никому не отвечал, и свидетель крикнул, что совершилось плохое. Его опять же слушать не стали. Высунувшийся всё показывал винтовку, а затем разрядил оба ствола в лоб привязанному. Свидетеля же держал за руки Отец Семейства, хохоча и повторяя, что он, де свидетель, зануда. Далее, относительно похорон, всё совпало с прежним повествованием.

Обруганный занудою охотно и очень быстро подписал новый рассказ и повторил, что жаждет понести наказание за своё преступление, каковое заключается в молчании.

И, что бы вы думали? Вслед за этим занудою является к следователю другой свидетель (не Отец Семейства) и, заявив, правда, без слёз, что хочет ясности, а отвечать за кое-кого не намерен, едва ли не в слово в слово повторяет уже слышанное следователем от Зануды. Как ехали, увидели и прочее, до момента, когда он пытался остановить Высунувшегося и Отца Семейства и далее, включительно до желания рассказчика быть наказанным за молчание.

Нуте-с. Тут следователь уж прямо начинает ждать, что Отец Семейства явится. И дождался! Тот приходит и в лоб спрашивает ошеломлённого своей интуицией следователя,

сколько же можно ждать, когда правда откроется? И виновные понесут наказание? И всё, по пунктам, тютель-в-тютель, настолько, что в какую-то минуту следователь (который уже и не записывал, а просто сидел и внимательно слушал, вертя перо в пальцах) шепнул:

– В лузу.

– Что? – Спросил Отец Семейства.

И рассказал всё остальное, добавив, что утратил всяческую надежду образумить негодяев, именно после крика «Вперёд!» (Да, да, – воскликнул следящий за ходом истории следователь), но что судить их трудно, ибо не ведали, что творят.

– Как дети.– Прибавил свидетель.

Его же он просит судить по совести за вопиющий грех молчания. Следователь не задал дополнительно вопросов, только мимоходом попросил уточнить, кто кричал «Вперёд!» и кивнул. Зато свидетель, подписавшись, где следовало, настойчиво спросил, почему не допрошен Высунувшийся. (Он назвал его по имени, немного пониженным голосом.) Следователь удивлённо ответил, что допросить того невозможно.

– Отъехал.

– Ах, отъехал.– С горечью повторил Отец Семейства и, качая головой, удалился, молвив что-то совсем уж тихо.

– Да, тихо. А во вчерашней газете, – завершая свой рассказ об убийце, добавил Шанаэль и указал на свои ножны, –

жители Юго-Западного Побережья прочли, что с убийцы снята неприкосновенность.

– Удивительная история.— Заметила Веда. – Ведь коснуться его нельзя, так как его нету.

– Никоим образом. – Подтвердил, поднимая губу в улыбке, леопард.

– Но вот, что за штука. – Проговорила Веда, увлекаемая Шанаэлем в проулочек, где нежнейшие тени от простых, не из крыш торчащих, неизвестных деревьев проступали на старой брусчатке.

– Да? – Откликнулся он.

– Что, следствие выяснило, почему мертвец оказался у нас?

– О нет.— Ответил леопард. – Сюда. Свежеет, вы не находите?

– Да, хорошо.

– Но они, само собой, будучи очень умными людьми, не раз задавали себе этот вопрос, подобно вам, моя дорогая.

– Сюда?

– Но само собою напрашивается ответ, что выкопало тело и притащило к дороге существо неразумное. И это, не правда ли, было весьма разумно подумать так. Так или иначе оно невольно послужило правосудию. Но если – ведь и это предполагалось – выкопал бродягу багажник, его следовало изыскать, дабы привлечь к ответственности за незаявление о находке.

Леопард сжал лапу в кулак.

– Ах, я не подумала.

– А коль скоро этот никому неизвестный багажник также потщился о Возмездии, то было бы обидно и как-то нехорошо обидеть его.

– Да, да.

– Вот и написали, где надо, что зверь, заботясь о пропитании, изъял тело и бросил, убедившись, что оно несъедобно.

– Они умные люди.

– Вы совершенно правы, дорогая.

– И что же они...

Леопард закивал.

– Приходили. Обязательно приходили и, уверяю вас, повели себя в наивысшей мере с тактом. И это, несмотря на то, что Шумер – а он нелюдим у нас, увы – по стариковской грубости – повёл себя как раз-таки неумно.

– Это привратник?

– Верно, верно. Рычать, знаете, и будто он ни слова не понимает... Чуть он не навредил нам с этим своим бормотанием об оккупантах и щенках, ну и... Он старик. Мы любим старых леолодей, ибо они вместилище информации, иногда редчайшей. Но и эти молодые люди, вероятно, тоже, так как они с таким, знаете, пониманием, с таким почтением... Не то, чтобы Шумер оттаял, как вы выражаетесь, но, ворча и огрызаясь, всё же отступил и правильно сделал. Я лично побеседовал с одним из этих парней не без приятности. Ра-

зумный и почтительный малый, без предрассудков. Он мне даже сказал, – наклонясь и обдавая Веду великолепным запахом чистой шерсти, со смешком прошептал Шанаэль, – что он из рода, по преданию ихнему семейному, Позже При-соединившихся. Должно быть, он думал завоевать этим себе доверие, и он зря старался, я и так поверил ему, почти, как самому себе.

– Самому себе не всегда веришь.– Отрезала акула.

– Ну, так принято говорить. А род пернатых змеев – это вам не шутка, они, (он сказал, но я и сам это знаю), существуют сугубо, гм, в виде человеков.

– Людей.

– Людей, простите.

– Не тот ли это был, который терпеливо собрал все те рассказы о происшедшем?

– Именно-с. – Обрадованно сообщил леопард.– Он мне, собственно, всё это кратенько и обрисовал, насчёт высывания из окошка и прочего.

Веда засмеялась. Сзади послышался шум на аллее, и долетели голоса. Шанаэль глянул через плечо.

– А вот и наши товарищи догнали нас. Хотя этот ваш Всеволод, смею заметить, ни разу не сократил дистанцию менее, чем на расстояние, которое покрыть бегом можно человеку за шестьдесят секунд.

Он мягко погудел с замкнутыми зубами – это был скрытый смех.

– Я не заметила.

– Вы ему дороги, Веда, очень дороги. Он мрачноват и не спускает цепкого взгляда с каблучков вашей обуви, вам это известно?

Веда сделала неопределённое движение плечом.

– Кроме того, – настаивал леопард, хотя Веда не поддерживала тему, – он готов к возвращению каждую секунду.

– Вы хотите сказать, к преображению.

– Да, извините. Это так называется?

– Да. Но...

– У него всё это время, – объяснил Шанаэль, – глаза такие...

– Не человека?

Леопард кивнул.

– Он ошибается. – Широко улыбаясь, проговорил он. – Но никто не сердится, честное слово. Он думает не о себе и вообще, столько всяких историй, слухов... Я бы на его месте, – сухо прибавил Шанаэль, – точно так же вёл бы себя, ну, почти. Хотя я немного, э...

– Старше?

– Ну, да.

Аллея ткнулась в пустырь под коричнево-зелёным пятнистым взгорьем. Пустырёк был бы совершеннейшим близняшкой того, где поселились Веда со Всеволодом, но строений – человеческого или таких, как в Ловарне – не замечалось. Их и не было. Была полувыцветшая трава, пучками

гнездившаяся до мелового невысокого утёса с краю, и по ней разложены, как показалось Веде, округлые винного цвета камни. Станный сладкий запах здесь стоял, как вода, и пронёсшийся порыв ветра с нагорья, хлестнув хвостом по траве, прямо-таки выбил, как пыль из ковра, волнующую воздушную струю навстречу шедшим. Где-то здесь звякнул маленький колокольчик. Веде почему-то вспомнились две строчки:

Как вихорь, свистнул острый меч...

Уж голова слетела с плеч.

Приглядевшись, она убедилась, что это не камни, а зарезанные и частью освежёванные быки. Тут же кто на четырёх лапах, кто, выпрямившись и шурша в траве окольцованными хвостами, сновали хозяева. Всеволод, вставший за плечом акулы, тоже разглядывал пустырёк. Подошёл Гоби, а пастор, на которого выразительно и с неизбывной иронией глянул Шанаэль, не покинувший Веду, кашлянул, сказал:

– Повечеряете с нами?

И Орс канул за взгорье, наполнив оттуда голубой зной пустыря рассеянным и тусклым сиянием.

– Благодарим.– Отвечал Всеволод.

Акула оправила волосы и, скручивая их жгутом за воротник, вежливо кивнула на две стороны – Шанаэлю и пастору, и на другую – шедшим к ним от быков леопардам.

– Охотно.– Молвила она.

Шанаэль, сдержанно поклонившись, покинул их, а занялся ими неизвестный леопард без портупей, с деликатно по-

тупленным к бедру кортиком.

– Вам приготовлено, – проговорил он, кланяясь Веде, – вверх по реке... недалеко. Тут против течения и не очень глубоко, надеюсь, госпожа не рассердится за некоторое неудобство.

– Ей это сущие пустяки. – Шепнул, удаляясь к центру поляны, Шанаэль.

Леопард обратился к Всеволоду:

– А вам – на холме, четверть часа лёту в Юго-Восточном направлении. ...Господин увидит с высоты очень легко.

Веда спустилась к реке за меловым утёсом. Никто не провожал её, сочтя это бестактным. Возле утёса в лиловых цветах, она оглянулась: суесящиеся в золотом сумраке леопарды двигались, как фигурки из тёплого, незастывшего металла.

Бросившись в прозрачную, довольно быструю речку с плоского белого камня, столь заметного, что она почла его за ориентир, Веда обратилась, осторожно поплыла против течения в тяжёлой пресной воде. Скоро она добралась до места – чахлого лесочка у излучины. Здесь вода окрасилась розовым, и жгучий аромат стал почти нестерпимым. У самой воды покоился большой винный камень. Выставив плавник наружу и избегая отмели, впрочем, мало опасной при недурной глубине, она плавно преодолела ставшее норовистым течение и, подплыв к камню, выставила из воды острое рыло...

Дракон, держа курс в указанном направлении, не через пятнадцать, правда, но уже через двадцать минут быстрого

полёта, глянул с высоты – он, как всегда, забрался выше, чем надо бы.

Стрела белой дороги и Ловарня, выглядевшая даже под прицелом его острых глаз всего лишь большой ухоженной рощей, остались правее, западнее.

Орс встретил его за взгорьем и шариком покатился под мерно вздымающимся правым крылом. Жёлтый холмик с красною точкой помещался между синим лаптем озера и безлюдным табачным полем. Снижаясь, он ощутил запах белых звёздочек табака, такой тревожный, когда волна рассеяла его жарким ветерком. И другой запах примешался к нему, и повлёк этот запах дракона вниз, к жёлтому холму.

И они ели, и насытились. Красные волны заката, в который поиграл павший уж окончательно за горизонт Орс, застлали небо. Пришёл вечер.

– Вкусно, черти.– Пробормотала Надежда Наркиссовна, с красивым хрустом разгрызя огурец.

Оставив ужин на столе, она встала за оливковым маслом. Белая, заметно округлившаяся Бриджентис висела в окне кухни.

Сегодня днём доставили на квартиру застеклённый стеллаж. Внутри на стенке приклеена цветной облаткой записочка:

На пробу.

Твой Н. Я.

Надежда Наркиссовна принялась – пахло деревом и до-

рогим лаком.

Пужинав, она обратилась, не став мыть посуду, и долго сидела тесно на подоконнике между горшком с кактусом и камнем, на котором в такие ночи отчётливо проступало изображение.

Дракон размышлял, где бы ему сесть. Меловой утёс выступал далеко внизу из мрака, окутавшего Ловарню, маленьким, изрезанным тенями треугольником. По мере движения треугольник рушился, истёсанный игрой ночи, и снова восстанавливался. Было около десяти вечера. Не то, чтобы дракону было лень пройти пешком вокруг подножия на пустырь, просто он желал сэкономить время. Пели лягушки в низовьях реки, чьи замедленные струи прорезались, как выпущенный в форму металл. Светили тысячи мерцалок. Бриджентис зашла за громаду леса пять минут назад, как раз, когда он снялся с побелевшего холма.

Ветер, невовремя проснувшийся за стеною нагорья, перекатил несколько белоснежных гигантских костей, одна показилась с холма и припуталась в кустах остростеблой дикой травы. Сорвавшийся на полушаге в полёт, дракон сперва завис в десяти метрах над мутной, в россыпи мелких камней, ложбиной. Глаза дракона хорошо освещали пологие ступени ландшафта в мозгу реющего, как небольшой город, летучего существа. Перекатив узлы мышц под тяжёлой бронёй, выступающей килем грудины и втянутого брюха, он вздёрнул себя сразу свечкою в ночное, пронзительно разглядывающее

землю небо. Купол свободного воздуха поднял его, ставшего невесомым, над затаившейся дорогой.

Плескала река. Дракон подумал... подумал и углы, замыкающие его пасть, изогнулись кверху. Стихли, учув чудовище, ночные певуны, и лишь нежное и равнодушное стрекотанье сверчков аккуратно сопровождало теперь движущуюся в небе тяжёлую, чернее ночи, тень, то затмевающую мерцалки, то вдруг по контуру озаряемую тонким сиянием. Остромордый, с распростёртыми углами крыльев, он неслышно плыл в пустыню.

Ночной полёт был не в диковинку Всеволоду, и всё же он хранил беспокойное бодрствование каждой мысли, хотя драконы предпочитают покой в полёте. Мысли их – как мерцалки, и каждая догорает до конца. Сел он, поразмыслив, на пустыре, миновав лиловый запах, источаемый цветами Ловарни с наступлением вечера. И сразу услышал шаги – там, вдалеке. Обращаясь, он прошёл несколько шагов с головою дракона, хотя такое было не слишком приятно.

Спускаясь к городу, она увидела чёрный силуэт, зависший в небе над утёсом, и остановилась. Громадные белые остовы быков просвечивались насквозь сильным светом мерцалок. Затем она слышала шаги.

Глаза их встретились в темноте, и она хотела сказать ему, но передумала...

Красота ночи была нестерпимой, ныли от усталости ноги. Вместе сошли на улицу, которую днем так украшали те-

ни. Холод поднимался от камней, молча двигались мимо деревья.

Тихо-претихо было в Ловарне, но через десяток шагов оба разом обернулись. Дорогу позади в этом десятке пересекла низкая густая тень. Впереди почти тотчас мелькнула ещё одна.

В придорожных кустах негромко заворчало. Они остановились.

– Как дела? – Поздоровался Шанаэль.

В один голос идущие ответили:

– Спасибо.

Леопард лежал на ветке в метре над землёй. Его лапа и хвост свешивались. Тёмные охвостья листвы пятнали его морду.

– Теперь, – мигая горевшими ровным ночным огнём камнями глаз, проговорил он, – по чашечке лёгкого и укрепляющего вина, и – на покой.

Он что-то довольно проурчал на высокой ноте, что было чуть комически при его росте и комплекции. Веде вспомнились пёстрые наглаженные простыни и даже увидела она, как, расправляясь в сумерках, легко ложится такая простыня на узкую низенькую постель.

– Кому куда, – холодно молвила акула, – а я сворачиваюсь.

Шанаэль повернул чёрный утюг головы в сторону её спутника, и глаза его, вспыхнув ироническим огнём, перегорели в почтительные тихие огоньки. Как бы говоря: «Ну, чего

тебе, слюняй, вот тебе и разрешение», он смотрел в упор на Всеволода. Они померялись взглядами. Глаза дракона неестественно ярко светились в темноте. Внезапно они сделались обыкновенными серыми человеческими глазами.

– Проводите госпожу, – запросто молвил леопард, пронаблюдав метаморфозу, – и сейчас, милости прошу. Посидим, сделаемся. У меня имеется биллиардик. – Заманчиво снижая голос, предлагал он.

Веда фыркнула, как потревоженный молодым конюхом боевой конь.

– Может, и лопаточку ему одолжите, чтобы за мной прикопал. – Отфыркавшись, процедила она и, развернувшись спиной в нечесаных золотых прядях, застучала каблучками, отмеривая ночную улицу.

Мужчины с пиететом следили, как тают в темноте звуки и золото. Опомнясь, Всеволод слабо и негромко крикнул вслед:

– Ты уверена, что тебе не...

Ответа ночь не дала. Шанаэль, не глядя на дракона, спрыгнул с дерева нарочито неуклюже и размял лапы.

Заострение меча.

Два вялых шага на четырёх лапах и перед носом дракона мелькнула пёстрая лента – леопардов хвост. Шанаэль без шуток исчез. Смылся он так, что ни одно зеркальце в сплош-

ной, залитой светом Бриджентис листве, и не подумало шелохнуться. Всеволод полез следом, листья надавали ему пощёчин и бездушно проехала за ухом тёплая ветка.

Стоял он во дворике. Впереди чернела пригласительно распахнутая дверь в дом. Он двадцать секунд разглядывал черноту, склонив дважды голову со свесившейся по прихоти ветки прядью – сначала на левое плечо, потом на правое плечо. С лёгкой улыбкой, врезанной в лицо и застывшей, он шагнул в тёмные сени. Четырёхугольник другой закрытой двери обведён светом. Всеволод не сразу подошёл к нему, и улыбка не покидала его губ.

В комнате, куда он вошёл, в углу стоял одноногий столик с большим коричневым чайником – его носик по-птичьи поприветствовал Всеволода – и двумя чашками без ручек и крохотными донцами. Чашки наполнял, повернувшись ко входу сгорбленной спиной, Шанаэль. Портупея лежала на полу, свернувшись. В сжатой комком лапе массивное птицеобразное тело чайника выглядело хрупким. На запястье другой лапы осталась кожаная перевязка с поблёскивающими вкрапленными камушками.

Шанаэль, не оборачиваясь, пригласил:

– Заходите, заходите.

И, повернувшись, подошёл к дракону с двумя чашками, говоря:

– Ай, старый дурак, одичал, забыл о вежливости. Там же кусты. Всё заросло к...

И он завершил извинительные речи крепчайшим ругательством, подходящим, скорее, к вкушению сурового суррийского лакомства – огненной воды – нежели старого вина. Аромат и, впрямь, был, что надо – пахло весною, но в тоже время и какой-то томящей затхлостью: плоды бродили вместе с паутиной.

Всеволод взял у хозяина чашку, которую тот протягивал, держа на трёх пальцах под донце.

Шанаэль следил за тем, как дракон держит чашку, потом показал куда-то глазами, и Всеволод, согласившись, снял с плеча ромбовидный, с глубоко втиснутой печатью жилок, свежий листочек. Поискал, куда бросить, и положил на край столика.

Посреди горницы на растущем из пола и спиленном на удобном уровне дереве находился обещанный бильярдик, традиционных формы и цвета, может, только бирюзовое сукно более высокого качества. В центре его окружности сложенная кучка светящихся шаров терпеливо ждала удара.

– Сделаемся? – Предложил Шанаэль, простирая свободную лапу чуть торжественно, и в этом Всеволод угадал завязатого и отпетого игрока. Взяв из стоячка рядом два мазика, Шанаэль осмотрел их, как гигантские палочки для еды, и вернул в стоячок.

Подойдя к стене – Всеволод, вдыхая запах из чашки, остался на месте – леопард снял с ковра пару других – с тонкой резьбою и неприметным утолщением для ладони.

Всеволод одобрительно кивнул хозяину, принял острейший и очень лёгкий, прямо-таки невесомый мазик, и, заметив, что Шанаэль уже примерил себе место, обошёл с чашкою и мазиком бильярд, так что дверь оказалась напротив. Шанаэль, заняв место, опять отошёл и вернулся, держа кузовок с мелом. Отпивая из чашки, он посмотрел на противника с бесстрастной враждебностью бильярдиста.

– Неплохо.

Это относилось к содержимому чашки.

Всеволод, не смакуя, сделал два больших глотка и сказал искренно:

– Да...

Взвешивая в ладони мазик, он снова глянул на хозяина.

– Кость. – Буркнул тот.

Он церемонно и отрешённо предложил гостю разбить игру. Всеволод уместил чашку на ветке, торчащей из стены, поблагодарил, приложив руку с инструментом из кости к плечу, и шары, светясь и вспыхивая, разлетелись по круглому небу бильярда. Отойдя от стола, как положено, и рассматривая, как легла игра, оба встретились глазами.

– Это то, о чём я сейчас подумал? – Осклабясь и подымая руку с мазиком, которым он что-то начертил в воздухе, кротко молвил леопард.

– Похоже на вопрос во время любовного свидания.

Шанаэль потёр лоб тылом лапы с инструментом, остриё указывало на дверь.

– Есть многое, – подумав, заметил он, – что похоже на любовное свидание, но не являющееся им... Как бы совсем наоборот.

Они некоторое время безмолвно препирались, соревнуясь в формулах билиардной вежливости. Сдавшись и нацеливаясь, Всеволод сделал первый, второй и третий заход.

– Так о чём вы подумали? – Осведомился Шанаэль, всецело сосредоточенный на глупо подрагивающем возле сеточки шаре.

– Чтение мыслей запрещено законом.

Шанаэль некоторое время не отвечал, щёлкающие звуки следовали один за другим.

– Только не здесь.

Он держал оружие двумя лапами.

Игроки изучили недокатившийся шар и понимающе кивнули друг другу с той интимностью, которую рождает борьба.

– Как, по-вашему, на что это похоже? – Передавая ход, спросил хозяин.

– Вы предлагаете мне игру в загадки?

Шанаэль поглаживал мазик, лежащий на плече.

– Что ж, это древняя и почтенная игра, ничуть не менее почтенная и древняя, чем та, в которой мой гость, как видно, неплох.

Всеволод прошёл два шага вдоль обода стола, вернулся и откликнулся:

– Похоже на небо с мерцалками.

Он пожал плечом:

– А можете вы представить, чтобы это выглядело иначе?

– Биллиард?

– Да, биллиард.

– Нет, не могу.

Дракон отдал игру.

– А, между тем, – проворчал сосредоточенный Шанаэль, – это могло бы иметь и другую форму, и другой цвет.

В такт словам он, словно вилокю котлеты, трогал шары и даже прильнул к сукну носом, водя горящими глазами.

– Да?

– Зелёный луг, к примеру... Прямоугольник выкошенного луга, вскормившего дюжину могучих быков.

– И клетки...

– Что? – Переспросил леопард.

Всеволод объяснил:

– Бормочу под нос.

– А...

– Нет, не могу.

– Что?

– Представить.

Всеволод смотрел на сложившуюся из шаров ковшеобразную фигуру.

– Значит, вы подумали...

Всеволод примеривался, натурально, школьник, и, когда

фигуры не стало, вспомнил, что не удовлетворил любопытство хозяина.

– Что вы можете разорвать мне горло, а я не успею...

Шанаэль согласно кивнул мазиком.

– Дракон был бы неманеврен и даже нелеп в маленьком помещении.

Всеволод кивнул, как кивают лукавые дети – глубоко, чуть не стукнув подбородком.

– Вы проверили, в порядке ли ваш костюм или это знак согласия?

Шанаэль опустил мазик на плечо себе.

– Вот это фраза точно для любовного свидания.

Леопард потянулся другой лапой за мазиком, и тот свистнул отточенным концом в лоб Всеволода и пролетел почему-то у левого его уха. Что-то насмешливо звякнуло.

Оба помолчали. Леопард зевнул. Всеволод обернулся, опираясь мазиком на край стола.

Белое копьё покачивалось в стекле, по которому разошлась мишенью тонкая вязь трещин. Рядом, нетронутая, тускло сияла Бриджентис. Профиль Всеволода, повернувшего по-совиному шею, был обращён к неполному серебряному овалу.

В уютном воздухе комнаты ещё трепетал след стрелы.

Всеволод снова повернулся к напарнику. Тот смотрел на дракона, не отрываясь и не смигивая янтарными глазами.

– Как вы могли так рисковать?

Леопард пожал пёстрыми могучими плечами – зверёк пробежал под ковром.

– Я был почти уверен...

Это он проворчал едва слышно, рокошующий звук вышел из груди, а не из горла.

Всеволод отошёл и выдернул красивую подлую штуку из стекла. Леопард прыжком обогнул стол и поднялся на лапы за плечом Всеволода. Он принял игрушку и бросил её под бильярд.

– Не хочу пользоваться затупленным. – Стыдливо объяснил он свой поступок. – Вы ещё обставите меня.

Бриджентис уходила из окна. Половина светящегося портрета высывалась из-за рамы. Леопард танцующим шагом приблизился и взял с ковра новый мазик.

– Завтра стекло вставят. – Пообещал он, будто Всеволод спросил его об этом.

– Дурно. – Холодно сказал дракон.

– Я был уверен. – Подходя, уверял Шанаэль. – Кинемся?

Они молча обошли бильярд, потоптались с наивной мужской серьёзностью, сопутствующей окончанию игры.

– Вы сказали «почти». – Занудно повторил дракон.

– Я пошутил. – Волоча хвост, клятвенно молвил провинившийся хозяин. – А то... Разве бы я?..

Всеволод одним мановением брови и движением рта отверг внеурочный, не подобающий ему ход.

Шанаэль потупился на бирюзовый круг, где сложилась пя-

тиугольная фигура. Мазик заходил у него под локтем древком косы.

Пять углов канули, и Всеволод приступил к осенённой предлинным хвостом композиции, которая была оттеснена кающимся леопардом к верхнему невыгодному куполу.

Разрушив в четыре славных тыка хвост, дракон отступил. Теперь за его спиной оказалась дверь и подбородок Бриджентис в окне. Леопард отошёл к столику и наполнил чашки.

– Выпьем.

Он протянул чашку Всеволоду.

– Человек манёвреннее дракона в тесном-то помещении. – Жестом прося обождать и не пить, толковал он. – И я полагаю, вы ни на секундочку, ни на двадцать секунд, – серьёзно сказал он, – не поверили, что я бы мог всерьёз рисковать, не зная, кто... не зная, что вы...

Он заткнулся от избытка переживаний. Потянулся приложить лапу к косматому щиту груди, но, устыдясь, опустил вдоль бока, где на шерсти примятость от портупей. Комок лапы сжимался и разжимался. Внезапно он глянул, как до того однажды, в глаза человеку и без передышки другим, весёлым голосом провозгласил:

– За старого Ярру, который сегодня умер, а с ним все-все старые счёты.

Он указал чашкою на окно, засим в потолок, глухой в этом помещении и превосходно оштукатуренный. Посре-

ди – скромная лепнина, для семейной в три лампочки люстры.

Они сдвинули чашки, но Всеволод отвёл свою, не чокаясь, и леопард с довольным видом кивнул. Он не донёс сосуд до пасти и быстро спросил:

– Кто вас научил?

И присосался к чашке. Слышно было, как вино булькнуло в его глотке.

– Разное в жизни... – Ответил Всеволод, глотнув. – Случился перерыв в занятиях, обеспечивающих жизнь... вот и научился от безделья.

– Когда были безработным? – С пониманием спросил Шанаэль.

Он катал пустую чашку в лапах, будто намеревался запустить её в голову собеседника.

– Да.

Леопард ушёл к столику и с нескрываемым огорчением встряхнул чайник – тот опустел. Крышечка сердито прыгнула.

– Почему вы не спросили?

– Ярра? Это, верно, Орс – на вашем родном языке.

Леопард осклабился, шерсть неторопливо встала щёткою у него на загривке.

– Это старое название.

– Я так и сказал. Да?

– Ну, да.

Они вернулись к бильярду, где тройка шаров в центре ждала их возвращения.

– Небо сегодня замирает. Далёкое Небо тоже. – Говорил Шанаэль, глядя машинально, как Всеволод ставит недопитую чашку на пол, выпрямляется и примеривается. – В этот летний томительный день всё движется медленнее. Мерцалки, металки и другие тела.

Он усмехнулся.

– Быки, например. Некоторые и вовсе замедляют ход.

– Быки?

Шанаэль принял очередь.

Удар, и шар закачался у сеточки.

– Орс, к примеру. Наш Орс.

– Так вы объясняете плохой удар? – Поинтересовался Всеволод.

– Завтра, – не обращая внимания на ехидство, сказал Шанаэль и оперся локтем на мазик, – родится новый Ярра, молодой... сродни всему молодому... вот, как вы... Он будет страшно силён, он будет страшен.

– Так выпьем за него.

Всеволод нагнулся за своей собственностью, показал недопитую чашку.

– Ни в коем разе. – Облизав нос и губы, объяснил леопард. – За него выпьем завтра.

– Значит, я доживу до завтра в деревне, где целятся в голову.

Глаза Шанаэля потемнели.

– Спросите у быков по поводу плохих ударов. И не дерзите так больше.

Леопард проникновенно глядел, как Всеволод, запрокинув голову, вылил в глотку вино.

– Вы дороги нам. Вы и госпожа.

Всеволод отнёс чашку на столик. Листок пожелтел и скукожился, багровея на глазах.

– Не сомневаюсь. – Любезно заметил гость. Возвращаясь, он провёл пальцем по стеклу. – И сейчас возле нашей хижины несут дежурство отборнейшие из хозяев.

Он посмотрел на опустевший бирюзовый круг.

– Вроде Сахиры.

– Ей ничто не угрожает, зачем же охранять её?

– От меня, например.

Леопард коротко огрызнулся на шутку.

– Желаете продолжить? – Сухо спросил он, кивая на бильярд.

– Конечно.

– Я имею в виду загадки.

– И это тоже. – Покладисто заверил Всеволод.

В то время, как происходил разговор, небо над Ловарней изменилось и продолжало меняться: густо синее, он почернело, потом стало ещё чернее, если можно так выразиться, и это была правда. Чуть скошенный купол мира – я, кажется рассказывала вам, как устроен мир? – стал заметно блёкнуть

к тому страшно далёкому отсюда месту, где сходилась углами поверхность восьмигранника.

Что-то происходило за пределами мира. То, что снаружи не видно в зашторенной комнате.

В Ловарне шумела река, вольный рокот доносился из-за взгорья. Бриджентис ушла из окна, где беседовали гость и хозяин. Она знала всё, нет секретов от любящего сердца, и плыла в небе, размышляя. Но о чём её мысли, конечно, не знает никто.

– Сегодня что-то интересное случится. – Сказал Шанаэль. – Знаете?

По комнате рассеялся свет, не имеющий видимого источника. Всеволод предположил, что он исходит от шерсти леопарда, но это был обман зрения.

– Если я скажу «нет», меня, несомненно, просветят. – Любезно отозвался Всеволод.

– Я чувствую, вы слегка пошучиваете. – Пожурил его Шанаэль. – Всё же я скажу вам, я, старый и назойливый.

Но он, если и собирался, не успел. За окном что-то гулко упало. Звук был выразителен и, пожалуй, ужасен, от него сжалось бы всякое сердце.

Леопард поглядел в окно, покинутое Бриджентис.

– Яблоко упало. Яблони у нас хорошие, дают сорт Белое Сердце. – Сообщил он и, сжав кулак, показал его Всеволоду. – Вот такие. Куснёшь, как в зубы дали, такое крепкое. Он рассмеялся.

– На что это похоже?

– В смысле?

– Ну, этот звук в ночи... Всякое такое?

– Как если бы Бриджентис упала с неба. – Подумав, сказал дракон. – Более ничего придумать не могу.

– Верно. – Согласился, смеясь, Шанаэль. Он вообще повеселел. – Я не про то, что вы не можете. Но было бы это крайне нежелательно, крайне. А на что похоже, когда обыкновенный человек утверждает, что видел Бога?

– Соврал? – Предположил Всеволод.

Удары следовали своим чередом, и как раз сейчас игроки поменялись. Всеволод отметил, что леопард не посмотрел на него, когда проходил мимо.

– Или, быть может, ему показалось просто? Зачем же сразу «соврал»? – Вдохнул леопард. Глаза его впились в мерно двигавшийся поперёк локтя дракона мазик, скользнули выше по руке... добрались до глаз дракона. – Снова ваша очередь, сильный вы человек.

– Я знаю. Нет, если бы показалось, он бы знал наверняка.

– Значит, не показалось?

– Что?

– Тому человеку.

– Это мог бы быть человек из Ловарни?

Леопард неласково ощерился и промолчал.

– И к чему бы ему так странно врать? – Вскользь промахиваясь, добавил Всеволод к своей, как видно, бестактной

реплике.

Шанаэль, довольный промахом гостя, отпустил едкое словцо, глаза его подобрели.

– Мы без предрассудков. – Закончил он, принимая ход.

Игра была сделана. Они дружески похлопали друг друга. леопард гостя по плечу, Всеволод хозяина – по предплечью.

– Спасибо, что составили компанию. – Благодарил хозяин, провожая гостя к выходу.

Он ещё похвалил качества Всеволода-игрока, и они затоптались у порога.

– Но как бы тот бедолага мог убедить, что ему не поблазнилось? – В раздумье сказал леопард.

– Да, как? – Вежливо отозвался Всеволод.

Леопард помедлил.

– Пустяк. Двумя словами.

Он наклонился к уху Всеволода, возле которого недавно свистнул мазик, и что-то нашептал.

Затем он почти вытолкнул Всеволода, или у дракона создавалось такое впечатление.

Посмеиваясь, гость Шанаэля миновал дворик и, по выражению Веды, «двинулся» по главной улице. Скоро он услышал лёгкий шаг позади, у левого плеча.

Негромкий голос – он не сразу узнал этот голос – спросил:

– Что тебе показалось?

– Простите? – Ответил Всеволод, оборачиваясь, но тень настигла его и в полосах света Бриджентис он увидел, что

ть не прячется и превратилась в пастыря Григория.

Тёмный и тихий пастырь был мало узнаваем, смеха в его глазах никто бы не сыскал, и высокий лоб Григория мучительно белел. Пестринки выглядели искажившими лоб морщинами.

– Тебе что-то показалось, ведь так? Ты напуган, но не бойся – тебе показалось.

Они шли молча.

– Кого ты видел? – Властно спросил молодой пастырь.

– Того, Кого видел. – С насмешкой бросил дракон. – Я сам найду дорогу, ступай.

– Но тебе показалось. Так? – Не смутившись хамским тоном, приставал ночной прохожий.

Всеволод остановился, вгляделся в напряжённую морду зверя и отчётливо проговорил:

– Меч заострён.

Тот отшатнулся с приоткрытой пастью. Светящиеся угольки прикрылись веками, Григорий успел скрыть выражение своих глаз.

– Пустяки. – Опомнившись, отмахнулся он и с шипящим в глазах смехом уставился на Всеволода.

Тот дёрнул плечом и пошёл прочь. Пастырь в смятении шагнул туда-сюда и бросился следом. Кошка видела в темноте, как удаляются покачивающиеся плечи. Потом услышала:

– Это был он.

Всеволод прислушался. Шелест одежд был ответом, и тре-

вожрый голос размышлял вслух:

– И великий праведник поверил и уже ступил было со столпа на огненную колесницу, присланную для него. Знаешь, кто прислал колесницу на самом деле? Кого он увидел? Праведник-то?

– Меч заострён.

– Ты уверен? Не слишком ты мнишь о себе?

Бриджентис плыла над дорогой совсем низко. Всеволод, отвечая, каждый раз смотрел на неё.

– Право, ты мнишь о себе.

Лёгкий смешок задрожал в темноте, но осёкся: смеявшийся хотел удержаться.

– К тебе, ящерице в человеческой шкуре, Великий пришёл. Да ты безумен.

Темнота молчала. Наконец, голос посетовал:

– Я понял. Ты – хороший человек. Но ты упрям, ты – про-стодушен.

Шаги Всеволода и кошаья поступь пастыря были едва слышны.

– Не знаю, каков я. Знаю, что приходил Он, про которого ты спрашивал.

– Ты не видел Его?

– Не видел..

– Откуда же твоя уверенность, дракон?

Всеволод вспомнил кое-что и тоже подавил лёгкий смешок.

– Я видел Его сердцем, искуситель.

Началась, тянулась и воцарилась тишина. Всеволод подумал, что Гришка отстал и он остался один.

Вкрадчивый голос снова возник:

– И всё же ты заблуждаешься.

Всеволод молчал..

– Что ты скажешь мне ещё, упрямец?

– Меч заострён.

Надоеда-пастырь отвязался, потерялся в темноте. Всеволод слышал прыжок мягкого тяжёлого тела, проблеяла калитка, и Ловарня, и без того тихонькая, канула уже в абсолютную, ничем не нарушаемую тишину. Под деревьями мигали огоньки, сопровождая дракона.

У пустыря он подождал. Вроде такой же огонёк сиял под меловым утёсом, но только Всеволод взгляделся, как пропал огонёк.

Пёстрые простыни.

Всеволод подумал про них, совсем как Веда, чуть более часа назад, но не с алчным нетерпением, с нежностью, пожалуй.

Его порция пеструшек ожидала в гостинной, погружённой во мрак, как и весь дом под меловым утёсом, как и вся Ловарня, огоньки которой гасли за его спиной, пока он шёл по выбеленному и мокрому от света Бриджентис пустырьку.

За час перед рассветом акула открыла глаза во вздрагивающей от гаснущего сна темноте и поняла, что происходит

что-то и происходит уже давно.

Неслышно она оказалась у окна, сначала спустив ноги в мутное пятно уходящей Бриджентис, устроившееся на циновке у кровати.

Что она намеревалась углядеть, неизвестно: окно её комнаты выходило на Запад, окно дракона Южнее. Синий зверь маленьких гор на чёрном небе был мёртв. Во всяком случае, он был спокоен. Всякое лето из ночи в ночь эта часть горизонта трепещет, как мясо на сковородке, изводясь от великой силы Заката, действующей всю ночь безотказней лампы в комнате, где читают старые, очень старые книги. Но сейчас Запад чернел, а горная седловина терялась в этой черноте. Зато с Юго-Востока и сверху небо оживало, двигаясь тёмными волнами медленно и верно.

Приближался час великой синевы, пронзительной синевы, когда подобает спать, чтобы не видеть этого неестественного цвета, настолько чистого синего цвета, что воспроизвести его обычными средствами никому не удавалось.

Рождённая акулой не была слишком чувствительна к воздушной стихии, холодная рассудительность весьма часто, и даже весьма часто, заменяла ей обычную для пылких детей земли и огня интуицию. Впрочем, она полагала, что в тех случаях, когда ищут опоры в этом неосязаемом словечке, речь идёт об избытке предрассудков, смешанных с плохим воспитанием. Поэтому и не страдала, когда Надежда Наркиссовна называла её «рыбёшкой» и «студнем, задвинутым

на третью полку». Сдержанность и умение разбираться в своих ощущениях в ту минуту, когда иные почли бы такое занятие кощунством, на самом деле, нельзя считать недостатком.

Сейчас это свойство выразилось вот в чём: глядя светлыми морозными глазами в наполнявшееся синим светом окно на долину, чудеснейшее из всех мест на свете, Веда сказала себе, что всё это очень мило, но хотелось бы ей, Орс подери, знать, что здесь замышляется.

И она в этот волшебный час сделала то, что всегда делала, когда ей казалось, что её намерены сбить с толка, а именно – рассеянно и неторопливо перебрала все свои впечатления последних двенадцати часов, сначала в произвольном порядке, потом выстраивая их в той или иной последовательности. Это у неё называлось – «поразмывать хорошенько». (А Надежда Наркиссовна отзывалась об этой привычке, как о ловле блох в кошачьей шерсти. Сама она, к слову, ни разу этим не занималась – я о ловле).

И вот после нескольких минут размышлений (небо просто-таки полыхало синевой) она кивнула сама себе, ибо она всё теперь узнала.

Среди её мыслей мелькнула и та, что касалась юго-западного окна. Она решила, что из него видно больше материала, располагающего к размышлениям.

В гостиной, на маленьком раздвижном диванчике, точь-в-точь как тот, который стоял в гостиной у Надежды Наркиссовны, сидел и тот, кто, согласно предположениям этой осо-

бы, мог бы уместиться внутри, то есть, в диванчике.

Дракон не зажёл света, удовольствуясь гаснущим светом Бриджентис либо по другим причинам. И никаких пёстрых простыней: они были расстелены на узкой кровати в комнате, отведённой дракону. Боже мой, вид у них был таков, будто кто-то только что поднялся с постели. Но это было странно. Дело в том, что дракон не ложился в ту ночь с тех пор, как вернулся после игры в бильярд. Возможно, он страдал бессонницей, вполне извинительной для человека, проделавшего длительный путь. Иногда так бывает.

Он не шевельнулся, ни разу, видимо, избрав удобную позу, и смотрел перед собою в темноту.

За час перед рассветом его взгляд переместился в окно, и открывшееся зрелище, оставившее нечувствительной акулу, заставило его подняться и подойти, чтобы лучше насладиться им.

Может показаться удивительным, но, постояв у окна, Всеволод занялся тем же, что и Веда. Ещё любопытнее, что он пришёл к тому же умозаключению. Правда, как он распорядился своими мыслями, мне лично неизвестно. Его далёкие предки вышли из бури, рождённые громом и самой удачной из молний под удары ветра. Так они сами думали. Сообщаю этот архивный факт биологии лишь для того, чтобы оправдаться: никто и никогда не смог проследить ход мыслей дракона. Но это, кстати, неважно. Важно то, что результат у юго-западного окна был тот же, что у расположенного юго-запад-

ней. И, между прочим, преимуществ у Всеволода, вопреки предположению и всегда вообще слегка завистливой акулы, не было.

Зато он сделал и кое-что ещё. Он принял решение.

Небо, слегка скособоченное над Ловарней, принялось за свою обычную работу: оно сперва подвыцвело, лишившись режущей глаз синевы, трогательно заголубело, побледнело и до того увлеклось, что сделалось почти прозрачным: крупные звёзды смотрели сквозь запылённое окно.

И вот, над Востоком, за присыпанной мукою дорогой, показался огненный перевёрнутый полумесяц Оorsa, и наблюдатели в окошках вздрогнули. Сияние, мгновенно разлившееся по готовенькому небу, предвещало страшно жаркий день.

Красный диск, едва ли не в два раза больше вчерашнего, покатился, почти под прямым углом вверх, потом чуть срезал и застыл, теряя свою яркую окраску. Бриджентис, потушив голубые глаза, висела забытой театральной маской над пустырьём, где трапезовали вчера хозяева. Отсюда вынесли все декорации, кроме утёса, похожего на горку школьного мела в углу квадрата выцветшей травы.

Первой мыслью дракона после того, как он всем существом преклонился перед этим величием, была та, что нужно немедленно занять ванную комнату.

Он развернулся на сбитых подошвах и со скоростью пули промчался в эту славную комнатку, мигом заперев изнутри

крашеную в голубой цвет дверь.

Немедленно засим он услышал шлёпанье босых ног, затем дверь с силою рванули и после секундного затишья заколотили кулаками небольшого размера.

Всеволод, сидя на краю птицеобразной ванны, благодушно улыбнулся и открыл оба крана.

Послышались новые удары, свидетельствующие, что снаружи повернулись к двери спиной и колотят пятками.

Всеволод чуть умерил водяные потоки и кашлянул. Стало тихо.

– Дорогая, я в отчаянье, но... – Негромко и отчётливо произнёс он.

В ответ, после паузы, было сказано несколько слов, которые я не процитирую. Смысл сводился к тому, что Веда надеется, что происходящее не затянется надолго.

Всеволод поднялся и, приблизившись, положил ладони на дверь.

– Дорогая, я и забыл спросить, нужна ли тебе ванная. – Громко сказал он, губами касаясь замка.

Он услышал некий звук, произведённый с той стороны в том же месте. Затем послышались удаляющиеся шлепки и громкий хлопок двери.

Когда у вас длинные-предлинные волосы, к тому же растрепавшиеся от долгой дороги, это, несомненно, очень полезно. Они слегка заслоняют лицо, скрадывая некоторые недостатки оно́го, например, чуточку жестковатую линию

от лба к подбородку и равнодушный взгляд. Вдобавок никто не может заглянуть вам в лицо, если вы этого не хотите. Всё это, конечно, прекрасно. Но в нашем восьмиугольном мире совершенство редкость. Посему обладание подобными преимуществами сопряжено и с определённым неудобством. Чтобы вымыть и расчесать этокое сокровище (а это, увы, неизбежно, если вы не хотите быть исключённой из числа цивилизованных багажников), необходимо Волевое Усилие.

В обычной, домашней и мирной жизни таким Усилием являлась Надежда Наркиссовна, которая, бросив один-другой взгляд в сторону хорошо заслонённой дочери, заводила разговор о каком-то кирпиче, который может внезапно свалиться на голову и как будто неудобно, ежели голова нечиста. В таких случаях Веда обычно удивлялась и спрашивала, кому это может быть неудобно, ибо, ей это достоверно известно из источников, такой человек вознёсся бы сразу в горние высоты и, вряд ли, ему могли быть интересны пустяки и суета сует. Но большею частью Веда после таких слов отмалчивалась, пока Надежда Наркиссовна не скажет попросту: «Доченька, вымой перед смертью один раз голову». И тогда Веда шла и делала Волевое Усилие, благодарная за то, что Надежда Наркиссовна не злоупотребляла своим красноречием так уж часто.

А волосы следовало вымыть, ибо в довершение к тому, что они перепутались в отвратительные клубки и вместо того, чтобы оттенять глубину глаз акулы нагло лезли в эти са-

мые глаза, они ещё и слиплись почему-то, издавая сладкий, тревожный и совершенно излишний (Веда смутно это ощущала) для цивилизованного существа аромат.

Вот почему, наткнувшись на запертую дверь, Веда пришла в нешуточную ярость: ей столько стоило послушаться Волевого Усилия, что теперь, удалившись снова в спальню, она гневалась с каждой минутой всё сильнее, воображая, как она будет распутывать волосы, наклоняясь над ванной и прислушиваясь к водяным потокам, греющим всё несноснее. Воображение иногда вещь совершенно излишняя. В довершение, дракон принялся насвистывать в ванне и против воли Веда прислушивалась, и то, что она не могла узнать мелодию, бесило её до неистовства.

В конце концов, она её узнала и заскрежетала зубами – это не шутка.

Всеволод, свершив всё, что намеревался – по-видимому, он держал своё воображение, если оно было у него, в узде, – прибрал ванную, ополоснул её и не выключая кранов, аккуратно раскрыл маленькое окошечко почти под потолком, для пара. Подтянувшись на руках, он вылез через него и неслышно спрыгнул в глухой палисадничек, сплошь заросший лиловыми цветами.

Веда, злобно размышляя на краю кровати о том, зачем насвистывать в ванной и, тем более, эту песню, услышала, как что-то легонько стукнуло в полуприкрытую ставенку.

Подняв голову, она, сквозь отвратительные лохмы, бла-

гоухавшие с каждой секундой всё навязчивее, увидела, как ставень приоткрылся, и голос Всеволода, чья тень тоже проникла в комнату и легла к ногам Веды, сообщил:

– Дорогая, если тебе нужна ванна... Она тебе нужна?

Веда вскочила, как рыба, ставшая на хвост, и, зажав в кулаках космы, подбежала к открытому окну. Под ним стоял Всеволод в наглухо застёгнутой рубашке и отёртых на коленях джинсах, умытый и свежий, выставив подбородок, чьё упрямство было сглажено чудесным утром и отменным, бодрым настроением. Он ласково ей улыбнулся. От подобной улыбки у иной дамы в руке растаяло бы мороженое. Но он знал, с кем свела его Участь на берегу озера и на подобное, конечно же, не рассчитывал. Гипотетическое ледяное угощение в кулаке Веды вполне сохранило свои качества.

Акула бросила взгляд на его влажные, расчёсанные на пробор волосы и коротко что-то прорычала.

– Что? – Угожливо переспросил дракон. – Ну, не буду тебя задерживать.

И он поспешно пошёл вдоль дома, сказав, прежде чем смыться окончательно:

– Я тут, во дворе.

Веда хлопнула ставней так, что дрогнули стены, и поплелась в ванную. Зловеще посмотрев на закрытое паровое оконце, она склонилась над бортиком ванны, уже набравшейся до краёв. Не закрывая глаз и не задерживая дыхания, окунулась по плечи. Волосы струей поплыли в воде.

Вода тотчас сделалась красной, затем густо-бурой. Протянув наощупь руку, Веда выдернула пробку и зловеще сощурилась на милый предмет: на неё невинно глянула крохотная целлулоидная уточка.

Выпустив воду, Веда выжала себе на голову полфлакона шампуня, заимствованного ею с полочки. Она тёрла и без устали выжимала волосы, пока в ванну не потекла обыкновенная прозрачная вода. Надо отдать должное Веде Львовне – хоть и с запозданием, но тут явно было задействовано Волевое Усилие, притом, недурное. (Следует это запомнить... в смысле, это я себе, вас я не собираюсь утруждать.)

Когда она убедилась, что в волосах не осталось ни полкапельки сладко пахнущего вещества, она, торжествуя, замотала голову жёстким, но приятным полотенцем, мстительно обернулась на уточку и с чувством собственного достоинства вернулась в свою спальню, побывав зачем-то сначала в спальне дракона.

Сев перед открытым окном, откуда врывались волны ночной прохлады, сохранившейся на клумбах с лиловыми цветами, и поднятые с земли Орсом, она, содрогнувшись, представила, как будет расчёсывать волосы. Тотчас её посетила новая мысль, она стянула одним движением полотенце и тогда только улыбнулась своей мысли под тяжёлой ароматной завесой.

Заодно она, не шевельнувшись, очень приветливо окликнула Всеволода.

Тот явился немедленно и с улыбкой спросил, облакачиваясь на подоконник:

– Как тебе спалось сегодня?

Веда заверила, что отлично и потрогала кармашек халата, который нашла в спальне и сикось-накось набросила на себя.

– А тебе?

– Я чувствую, что выспался.

– Отлично. Я тут взяла твой гребешок, ничего?

С этими словами Веда показала гребешок, поднесла к волосам и дёрнула гребешок вниз. От него отлетело, по первому счёту, три или четыре зубца. Всеволод проводил их взглядом...

– Конечно, конечно.

– Надеюсь, у тебя нет перхоти.

Всеволод сказал, что он тоже надеется, и под треск – зубцы так и брызнули – хотел уйти, но задержался.

– Если хочешь, я... – Неопределённо предложил он. – М-м...

Веда бешено замотала волосами, напоминающими на этом этапе некое хозяйственное орудие, обитающее в кладовке.

– Дотрагиваться до моей головы может только уравновешенное мыслящее существо.

Всеволод помялся.

– А я... М-м?

Веда подняла гребешок и повертела им.

– Смотри, до чего ты довёл предмет личной гигиены. Поэтому, он принадлежит уравновешенному мыслящему существу?

Всеволод, возможно, ответил бы на этот вопрос, но в глубине дома что-то звякнуло. Постучали, конечно же, во входную дверь.

– Как прошёл вечер? – Заносся гребешочек над особо спутанной прядью, приветливо спросила Веда.

Стук раздался вновь.

– Превосходно. – Отчитался Всеволод, и не взглянув на весело поскакавшие по полу зубцы. – Хозяин метнул мне в лоб заострённый предмет из неизвестного сплава с ускорением до десяти километров в минуту.

Больше не стучали. Веда встала с постели и, раздирая на ходу колтун, подошла, оперлась на подоконник.

– Я смотрю, у тебя на лбу ничего такого нету.

– Да. – Согласился Всеволод.

– Тогда зачем ты упомянул об этом обстоятельстве? Здравствуй, здравствуй, Григорий.

Улыбающаяся морда маячила за плечом Всеволода.

– Да так, просто. Доброе утро, батюшка.

Леопард с обыкновенным своим смехом, кипящим в суженных этим смехом зелёных глазах, весело поздоровался, тут же с обаятельным смущением запротестовав, что он, де, ещё далеко, ой как далеко, не имеет права на такое почётное обращение. Веда смеялась, держа позабытый гребешок

в отставленной руке и рукой отодвигая с глаз подсыхающие и светлеющие волосы. Поймав взгляд Всеволода, она с силой провела гребешком сверху донизу, и пастор внезапно умолк, глядя на упрыгавший под кровать зубчик.

– Я, между прочим, – после заминки молвил он, – с вопросом. Тётушка Сари велит спросить, сколько яиц варить гостям к завтраку.

– Что за бестактный вопрос? – Возмутилась Веда. – Разве такое спрашивают? Пусть варит побольше, не скупясь. И передайте ей, что вы прочли недоумённое чувство в моих глазах.

– Два. – Сказал Всеволод.

– Нет, да это возмутительно. – Не унималась Веда. – Ни за что не поверю, чтобы воспитанная Сари поднимала с утра шум из-за каких-то яиц.

Веда уставилась на леопарда осуждающе. Тот как будто смутился.

– Если честно, она мне такое не поручала. – Признался он.

– То-то же. – Удовлетворённо заметила Веда. – Тайное всегда становится явным, запомните на будущее, служитель культа.

– Она варит, как всегда. – Сообщил сконфуженный Григорий. – Из общего счёта. А я просто хотел обзавестись приличным предлогом, чтобы пожелать вам доброго дня. Это ваше первое утро в городе.

– Очень любезно и учтиво. – Молвил дракон тоже доволь-

но любезно и учтиво.

Григорий обрадовался. Он, подойдя ближе, засыпал их приветливыми расспросами, шутил, сообщил массу забавных сведений об истории и особенностях местности. Веда даже очень охотно слушала, круша гребешок. Пастор умолк, с восхищением глядя на акулу.

– Такая длинная шерсть. – Проговорил он, умиляясь. – Длинная шерсть.

Веда энергично кивнула.

– Да уж, вы тут не можете, как я посмотрю, похвалиться длинной шерстью.

Всеволод кашлянул. Веда отковыряла пальцем качающийся зубчик и положила его на карниз.

– А вот вы бы посмотрели на кропивнянского батюшку. – Продолжала Веда, самодовольно приглаживая волосы двумя ладонями. – Что бы вы сказали, хотела бы я послушать.

Она разобрала волосы пальцами и остриём гребешка, морщась, провела пробор.

Леопард призадумался.

– Кропивник, я слышал об этом посёлке. Это что, там крапивы много?

Веда возразила, возясь с рядочком, который наощупь не показался ей ровным:

– Отчего же? Это совсем от другого слова.

– Да?

Вид у леопарда был заинтересованный.

– От слов *кропить* и *кропило*. – Растолковала Веда.

– Это ведь и *крапива* от того же слова. – Задумчиво заметил Григорий и спохватился. – Затеял филологический спор до завтрака. Пойдёмте, господа! Ежли, конечно, – опять спохватился он, глядя, как Веда убирает волосы, – вы готовы.

Веда показала ему изрядный пучок волос, вспыхнувший по свету золотом.

– Линяю.

Григорий подошёл ближе и, облокотясь на карниз, выразительно двинул бровями.

– Госпожа может осчастливить деревенского парня... если бы он решился попросить у неё драгоценный сувенир...

Веда хихикнула.

– Но он не осмелится.– Заверила она.– Не настолько же он нахал. К тому же, свои очёски лучше сжечь во избежание использования их для магических ритуалов.

– Это суеверие. – Пасторски подняв лапу, пожурил Григорий.

– Или ещё в еду попадёт. Впрочем...

И Веда, положив клок на ладонь, надула щёки. Золотистый клубок подхватился и, мелькнув на свету, исчез за лиловой клумбой.

– Птицам на гнёзда. – Объяснила она.– Хватит на завалященькое гнёздышко, и довольно с меня добрых дел на первую половину дня.

– Вы уже сделали доброе дело и не одно. – Серьёзно сказал

пастор.

Не ответив на вопросительную усмешку акулы, он, мельком оглядев её, опять предложил, что, ежели можно, то, чтобы уже пойти, так как Сари не любит, когда опаздывают к приёму пищи.

Веда заторопилась и уронила гребешок. С кряхтением наклонившись за ним и снова показавшись в окне, она укорила Всеволода:

– Ты мог бы поднять.

– Извини, пожалуйста.

Леопард, с лёгкой улыбкой переведя взгляд с неё на дракона, вполголоса заметил:

– Господин находится по эту сторону окна.

– Я припоминаю одного-двух из своих знакомых, кому это не помешало бы. Это ведь элементарная вежливость. – Снова отнеслась акула ко Всеволоду.

– Сам не знаю, что на меня нашло.

– Неповоротлив ты для дракона.

– Такое больше не повторится.

– То-то же.

– Для этого надо обладать быстротою огня. – Пробормотал леопард.

Веда продолжала ворчать. Она села на край кровати и принялась обуваться, рассматривая свои туфельки. Собеседники по ту сторону окна тактично отошли и продолжали обмениваться утренними впечатлениями.

Стукнула дверь. Глянув в окно, они убедились, что Веда вышла из комнаты, затем опять открылась и закрылась дверь. Они слышали, как она спустилась с крыльца, и направились ей навстречу в обход дома.

Пустырь весь влажно сиял, и виднелась Ловарня, с крышами в ночной росе. Деревня казалась спящей, но что-то, быть может, лёгкие звуки шагов или запах готовящейся еды, убеждали, что это не так.

Всеволод подошёл к Веде и, предлагая акуле руку, негромко сказал:

– Мне так неловко.

– Пустяки.

Веда делала резкие движения, одёргивая на себе платье, которое, по-видимому, натягивалось на ходу.

Всеволод настаивал:

– Нет, нет... глупо вышло. Мне бы следовало извиниться по-мирийски.

Веда подняла на него кроткие глаза и улыбнулась уголками губ. Леопард, трусивший с заложенными за спину лапами, воскликнул:

– Господин знает древнее гиперборейское наречие?

– Нет, но...

Веда вмешалась:

– Он только учит.

Леопард, сочтя слова дамы приглашением и шедший до того чуть позади Всеволода, догнал Веду и, приветливо

кивнув ей, обратился к дракону:

– Пусть господин не расстраивается. Мирийский диалог не труден для гиперборейца. Он сходен с родным языком господина – те же неуловимые изменения слова, делающие его иногда неузнаваемым.

– Это обнадёживает.

– Да, и к тому же, мёртвый язык весьма лаконичен... теперь здесь говорят куда красочней.

Веда, что-то припомнив, вытащила из кармана гребешок и подала его Всеволоду, для чего ей пришлось высвободить свою руку.

– Мне, в свою очередь, неловко. – Сказала она. – Я немножко его попортила...

Всеволод поглядел на гребешок, который теперь мог похвалиться крайней лаконичностью устройства и нагло показывал владельцу два зубца по краям.

– Пустяки.– Повторил дракон словечко акулы и забрал свою собственность.

– Он такой ломкий.

– О да.

– Он у тебя, верно, с военного училища. – Грустно заметила Веда.– Милые реликвии прошлого дороги нам, даже если прошлое ничего из себя не представляет.

Так как она не понижала голос, вежливый пастырь убедился, что не является лишним в интимном разговоре.

– Госпожа полагает, что прошлое не имеет значения?

До них теперь доносились голоса, и над двориками в нескольких местах поднялся дымок, тонкими столбиками устремившийся к небу.

– Ну, не то, чтобы... знаете, на этот счёт столько всяких поговорок. Слышали, кто прошлое помянет... и всякое такое.

– Тому глаз вон, если не ошибаюсь. – Подхватил пастырь. – Но у этого присловья есть продолжение, по-моему.

– Да... А кто забудет, тому два.

Леопард тихонько засмеялся.

– До чего кровожадны новые языки. – Пролепетал он. – В старых ничего подобного нет, уверяю вас. Я и сам, представьте, иногда изумляюсь. Недавно кто-то мне сказал, что насилие – часть жизни.

– Если я на это согласна.

– Это вторая часть поговорки? – Подняв брови, проговорил пастырь.

Но акуле, похоже, наскучил разговор. Поглядев почему-то на Всеволода, воспользовавшегося тем, что его спутники отвлеклись, и упрятавшего гребешок в карман джинсов, она молвила:

– Мы только пылинки, танцующие на жгучем космическом ветру.

Леопард заулыбался.

– Госпожа в хорошем настроении, я рад. А вы, Всеволод? Тот подтвердил, что он тоже рад.

– Мы все ничтожны. – Не унималась акула, которую гибель гребешка привела в обычное для всякого разрушителя возбуждение. – Исписанные клочки бумаги в огне страсти, сжигающей тех двоих.

И она указала на небо, где единственная дневная мерцалка двигалась низко над землёй. Бриджентис слиняла, поспешно скатившись за взгорье.

Они втроём шли по главной улице, где обольстительная ночная прохлада, хранимая могучими кронами на крышах, обещала умиротворение, завтрак и неторопливые мысли. Акула и дракон заметили, что невольно пропустили вперёд своего проводника – он на полшага по-хозяйски опережал их. В одном из дворов за низким ветровым заслоном из негусто сросшихся кустиков можжевельника Веда увидела катающегося на спине котёнка. Он ловил свои задние лапы. Всеволод тоже увидел его.

– Напоминает мне одного нашего старого знакомого.

– Это он и есть. – Оглянувшись, засвидетельствовал Григорий.

– У вас плоховато с количеством котят.

Всеволод с упрёком посмотрел на Веду. Пастырь смиренно вздохнул.

– Мудрость мира помнит о милосердии.

– Другими словами, у вас мало места.

В ответ пастырь смущённо повёл плечами и соорудил грустную рожу. Глаза его выпустили несколько искорок.

– Ежли госпожа укажет, что делать, мы будем благодарны.

– И не подумаю. – Отрезала Веда. – Я ведь не мудрость мира.

Всеволод спокойно сказал:

– Не говорите в таком тоне с Ведой Львовной.

Григорий опешил и, приложив лапу к сутане, разразился извинениями. Всеволод молчал, слушая, затем, когда леопард смолк, отчеканил:

– Забудем это, батюшка.

Чей-то громкий голос воскликнул:

– Ни в коем разе!

И чья-то лапа чувствительно хлопнула пастыря по плечу. Шанаэль, сердечно поздоровавшись с Ведой и раскланявшись со Всеволодом, сурово обратился к пастырю:

– Навлечь гнев дракона – не лучшая шутка, и, тем паче, когда шутит будущее духовное лицо.

Но упомянутое лицо, обменявшись взглядом с той, что не была мудростью мира, внезапно расхохоталось. Шанаэль и Всеволод к хохоту не присоединились, а тоже переглянулись. У этих брутальных господ в глазах изобразились вопрос и облегчение.

– Розы хороши у вас. – Веда изрекла банальность так, что все мужчины почли себя приобщёнными к запретной тайне. (Ну, недаром же ей приходили денежные переводы из пары издательств, правда, не слишком регулярно.)

Шанаэль уставился на её гладкий золотистый затылок

со связанными в тугой узел волосами, ибо она предоставила для обозрения всем троим именно эту часть своего существа.

– Да, да... – Растерянно пророкотал своим превосходным басом Шанаэль.

Веда обернулась. Портупея на старом леопарде блестяла, смазанная качественным веществом естественного происхождения. Скрещённые ремни обрисовали мускулистую грудь и тонкий стан мохнатого атлета.

– Да, и шипов у них нет. – Промурлыкал озорной пастырь. Шанаэль метнул на него огненный взгляд и быстро обратился к Веде:

– Я не знаю названия, но я спрошу для вас.

– Разве я спросила название? – Удивилась Веда, снова отворачиваясь, на сей раз к пастырю и строя этому последнему глазки.

Григорий сложил лапы ковшичком на груди.

– Люди всегда интересуются названиями, которые они сами и сочинили. – Проговорил он, обнаглев от явного ободрения и видя в акуле защитницу от сердитого Шанаэля.

– Впрочем, я и сама его знаю.

– Ах... – Вырвалось у Шанаэля.

Похоже, он не знал, что и думать. Сдвинув брови, матёрый красавец пытался разгадать, что за игру затеяла молодёжь и не норовят ли выставить его дураком.

– Я спросила.

– У Гарамы? – Ляпнул дрогнувшим басом Шанаэль. – Вы виделись с Гарамой?..

Веда посмотрела на него долгим взглядом – ледяной во-
дицей плеснула. Издалека раздался гневный голос:

– Шило застряло? Долго ждать? У меня всё стынет.

Потом последовало рычание, и Веда, вытянув мизинчик
в сторону звука, объяснила:

– Вот у кого я спросила.

Шанаэль, старавшийся взглядами, один грознее другого,
выпытать у будущего духовного лица какие-то сведения, от-
вёл глаза.

– А. Ну, да. Да.

Он поклонился.

– Вы не перестаёте меня восхищать, молодая госпожа.

Шанаэль услышал мелкий смешок. Пастор, трясаясь
от смеха, кашлянул и прошептал:

– Как бы *вам*, дорогой Шанаэль, не навлечь гнева...

И он умолк, вполне справившись с приступом веселья,
и упрятал смех, по своему обыкновению, в глубину глаз.

Шанаэль больше не обращал на него внимания. Убедив-
шись, что и, в самом деле, тут заговор и какой-то вздор на-
тощак, он без церемоний заторопил всех.

Подводя всю компанию – Григорий, впрочем, отстал воз-
ле одного из двориков – к знакомому пустому плетню, он ед-
ва ли не затолкал их в дом, прокричав:

– Вот они, Сари, делай с ними, что хочешь.

Дождавшись появления в мягчайшей полутьме и прохладе чистой горницы притворно сердитой хозяйки в синем платье, он исчез.

Позавтракали пёстрыми яйцами, каждое в размер половинки Вединого мизинца, сваренными, как оказалось, действительно в неограниченном количестве.

– Благодарю вас. – Сказал Всеволод, когда трапеза объективно закончилась.

Он спросил взглядом разрешения у хозяйки, поднялся и сразу задел плечом корзинку, плетёную из ивовых прутьев. Корзину подвесили на сук дерева котятка по указанию Сари, если бы паче чаяния еды, не дай Орсе, стыд какой, не хватило бы. Вот уж что не грозило гостям Ловарни, так это голод. В корзине высилась груда яиц, достаточная, чтобы засыпать Пусика, окажись он в этом кошачьем раю, до ушей.

Всеволод успел придержать корзину. Веда выудила из корзины хорошенькое яичко и благодушно предложила Всеволоду:

– Стукнемся!

Сари принялась уговаривать дракона присесть. Когда речь заходила о питании гостей, ирония напрочь ей изменяла, даже интонация менялась до неузнаваемости.

– Скушайте. Вы так мало кушаете. – Сурово рычала она. – Из-за вас и госпожа голодной останется. За компанию, как говорится.

Всеволод не знал, что и сказать. Он отрицательно качнул

головой и приложив руку к груди, отказывался от добавки.

Веда горестно вздохнула и достав ещё одно яйцо, сама стукнула один снаряд об другой.

– Стыд какой. – Разбивая яйцо и вмиг очистив, пробормотала Веда. – Ещё ломается...

Запихнув яйцо целиком в рот, она продолжала честить дракона, но не слишком внятно. Всеволод, внимавший нотации, деликатно переспросил:

– Виноват?

Сари тоже вопросительно посмотрела на трапезовавшую, вытаскивая из корзины одно яйцо за другим и выкладывая их на деревянное блюдо. По ободку блюда вилась вырезанная надпись. Всеволод, даже не вчитываясь, узнал формулу из того заклинания, которое они с Ведой вспоминали по дороге.

Веда перекатила яйцо со щеки на щёку и вполне отчётливо объяснила:

– Ему стыдно, что он у вас в курятнике набедокурил, как лиса.

Она тщательно смела пёстрые скорлупки в ладонь и забросила в другую корзиночку, под стол. Горка скорлупок навела на мысль о всемирном заговоре веснушек и крапинок. Акуле же они напомнили гигантский комок океанической пены.

Всеволод выглядел смутившимся. Сари похлопала его ладонью по запястью, нарочно чуть выпустив когти.

– А теперь яиц налопался, вот ему и не в тему. У него же, наверное совесть есть.

Всеволод, и точно скушавший во время завтрака несколько более означенного им количества под упорнейшие уговоры хозяйки, смутился ещё заметнее.

Сари смеялась. Внезапно она посерьёзнела.

– Шутки шутками, милая, но пора о деле подумать.

– Да, да. – Подтвердила Веда, уписывая оставшиеся яйца с похвальной скоростью. – У меня есть дело. К Гараме.

Сари приятно удивилась:

– Вот умница. По правде, я беспокоилась... Но ты не производила впечатления дурочки, которая будет артачиться по пустякам. Я уже с ним договорилась, у него есть время. Немного – он всегда, видите ли, занят – но вот его дословное рычание, вернее, то, что он называет рычанием, – с лёгкой усмешкой вставила Сари, – «тащи сюда башмаки, Сари, и поживее».

То, что она сказала, изображая Гараму, вовсе не походило на рычание, а, скорее, на птичий писк. При слове «башмаки» Всеволод заметно вздрогнул, непроизвольно глянув под ноги. Намертво приклеенная к подошве скорлупа, видно, тревожила его совесть, которая у него, точно, была.

Веда, сидевшая с ногами на почётном табурете, тоже посмотрела вниз, – на брошенные кое-как свои туфельки.

Сари кивнула.

– Именно. В такой обуви много дел не наделаешь. А Га-

рама очень неплохо работает с кожей. Ему вряд ли доводилось, – продолжала она, не обращая внимания на то, что двое её гостей переглянулись, – шить человеческую обувь, хотя, – вновь последовала недобрая усмешка, – он врёт, будто не раз сапожничал там...

(Она сделала движение головой, прянув ушами, очевидно, на Большую Дорогу).

– Всё же что-то соорудить он сумеет, надеюсь. – Закончила она. – Так что натягивай свои скорлупки, киска, и я отведу тебя.

– А...

Сари взглянула на Всеволода:

– Вряд ли вам будет интересно битый час сидеть и смотреть, как учёный леопард сооружает пару женской обуви.

– Почему же? – Мягко воспротивился Всеволод.

– Есть многое, что ему интересно. – Перевела Веда. – Ты ведь это хотел сказать?

Сара улыбнулась. Всеволод стоически переждал шквал глупого смеха и снова заговорил:

– Но если у вас иные планы относительно вашего нахлебника...

(– Как ты красно умеешь выражаться. – Пробормотала Веда.)

Сари ответила дракону, всё ещё улыбаясь:

– Он не укусит её за ножку.

Они все трое помолчали, собираясь с мыслями.

– О, я вовсе не... – Начал Всеволод, и, похоже, это было всё, что он собирался сказать.

Сари вдруг прямо-таки прыснула.

– Если бы вы увидели Гараму...

Она повела их, и пальцем не позволив притронуться к посуде.

В мастерской Гарамы пахло быками и кровью. На сучьях дерева не было подушечек, с них сплошь свисали мастерски обработанные кожи. В углу свалены рога. Между ветвей мерцало зеркало обещалки. Леопард-альбинос, неохотно спрыгнувший заради гостей с ветки, ещё более неохотно промямлил что-то вроде *день добрый* и при этом покосился на властно маячившую за спинами пришлецов Сари.

С отвращением оглядев неметеный пол, она ласково приказала:

– Займись барышней.

Гарама сердито сверкнул на неё стёклышком вроде того, какие носят часовщики, и невнятно ответил. Фраза, однако, была длинна.

Сари огрызнулась с оттяжкой и сладко переспросила:

– Что, прости?..

Слушая, как изъясняется Гарама, Веда подумала, что у Сари недурные подражательные способности.

Гарама чуть слышно фыркнул, но хвост его вяло лежал на полу.

– Я не хотел бы, – промолвил он, вперяясь розоватыми

глазами в трухлявый, щедро повитый паутиной сучок над плечом Всеволода, – быть неучтивым в присутствии гостей, но вот эта безмерно уважаемая мною госпожа... гм, безмерно... да, вот она *знает*, что моё время... навалили на меня... строго расчислено... куча дел в связи... страшно занят...

Он умолк, двигая стёклышком.

– Ты всё сказал, Гарама? – Обнадёживающе спросила Сари. – Потому что, если не всё, то моё время поджигает.

Леопард безнадёжно молчал, ковыряя когтем задней лапы немытый пол. Всем видом он говорил, что отвечать он не будет, ибо и вообще такие вопросы задавать не следует.

– Ты неучтив.

– Я ведь сказал...

– Но *мы* не сердимся. – Фамильярно заявила Сари и заговорила вполголоса, внушительно. – Вообрази, Гарама, если, конечно, твоё воображение не похоже на какое-нибудь запущенное местечко, где давно следовало бы хорошенько прибраться...

Она обвела взглядом трогательное запустение, свидетельствующее о неустанной работе мысли. Гарама что-то мыкнул.

– ...что перед тобой не гости. А полноправные, – тут она невольно произнесла слово на родном языке, но тут же поправилась, – жители Ловарни. Ты бы им тоже сказал, что у тебя куча дел, – премерзкое выражение, кстати, сразу хватаешься за бок, где лопаточка, – и что у тебя нет времени?

– Я не сказал, что у меня нет... Оно *расчислено*.

Сари перебила и, повышая голос, повторила:

– Ты бы так сказал?

Гарама вздохнул и, опустившись на все четыре лапы, устался на туфельки. Хвост его лежал белым полукольцом.

Сари покровительственно разглядывала его макушку.

– Ну, я пошла. – Легко сообщила она и обняла Всеволода за талию.

– А для вас, мой друг, у меня кое-что есть.

Веда медленно взглянула на неё, не поворачивая головы.

– Ах, Сари... Сари...

Та довольно хихикнула.

– У вас нечистые мысли, подружка.

Прикрыв морду синим рукавом, она шепнула:

– Поможете мне покормить перепёлок? Я сегодня иду на дальнее поле.

Белые уши Гарама почти сошлись на затылке. Он закинул голову и сказал сам себе во всеуслышанье:

– Фантастическая конструкция.

Хвост шлёпнул об пол и свернулся, как змея среди камней.

Всеволод прошептал, наклонясь к Сари:

– Охотно. А это очень дальнее поле?

Гарама встал на задние лапы, вернее, он полусидел, как кот, уверенный, что дотянется до бутерброда.

– Пожалте мне... нет. Обе... Да.

Веда вышла из туфелек и дружелюбно заметила Всеволоду, которому Сари разъясняла топографию перепелиных ферм:

– Ты уж покормил курочек.

Сари с укоризной посмотрела на перебившую её объяснения Веду и нарочито официально подытожила:

– Надо поднести тяжёлые баки с едой. Обыкновенно это делает кто-нибудь из мужчин посильнее. Но сегодня молодёжь, как нарочно, на учениях, а Шанаэль и другие заняты.

Она выпустила стан дракона, и он поплёлся за ней к выходу, не переглянувшись с Ведой. На пороге Сари провела отставленным мохнатым мизинчиком по притолоке и покачала головой. Вдвоём они ушли.

Гарама сгрёб туфельки Веды и, не глядя на владелицу, прыгнул на свою ветку, на которой висела обещалка.

– Вас изумляет нелепость человеческой ноги? – Спросила Веда, но мимоходом.

Она рассматривала обещалку Гарамы в ветвях.

В качестве десктопа на его Обещалке было размещено изображение Лестницы. Величайший памятник древних народов металки сейчас был освещён застывшим в зените Орсом.

Леопард сдвинул капюшон и обернулся: он был из тех, кто не любит, когда стоят над душой. Он хмуро посмотрел на Веду.

– Не помешаю? – сказала она.

Леопард еле кивнул и, сунув лапу в мерцающее белое небо над Лестницей, вытащил записывающее устройство. Он тотчас сунул его в рукав плаща, но Веда успела рассмотреть, что оно сделано в виде щучки.

Леопард отвернулся от Обещалки, так что заскрипела ветка, и устоялся на Веду. За его плечом из Долины Лестницы исчезли знаки других входов Обещалки и остались только мельтешащие фигурки людей. Сегодня у Лестницы, далеко-далеко на пустынном побережье Джамбудвипы был, видно, день экскурсий со скидкой. Один за другим садились вертолётники, а по реке шёл косяк крупных блестящих рыб – кто-то предпочитал передвигаться в своём втором облике.

– Пожалуйста, сформулируйте в двух фразах то, о чём хотите меня спросить. – Попросил леопард. Он слегка гнусавил.

– В двух?

Лестница, возле которой фотографировалась целая группа быков, иллюстрируя фантастические размеры сооружения, померкла. Обещалка растворила сооружение, через неё была видна ветка домашнего дерева. В развилке помещался горшочек с цветущим кактусом.

С грохотом дверь открылась – в ту минуту, когда Гарама открыл пасть то ли, чтобы зевнуть, то ли, чтобы ответить. Сари всунула улыбающуюся морду.

– Когда он догадается предложить тебе сесть, не забудь

вооружиться носовым платком... а потом ты его выбросишь.

Гарама вздохнул и захлопнул пасть с тоскливым видом. Дверь закрылась со звуком язвительного хохотка Сари.

Гарама повернулся на ветке и сверху вниз обозрел помещение, досадливо отстраняя бычью кожу, свисавшую ему на уши.

– Секундочку... – Протянул он и тяжело спрыгнул, предварительно сунув башмаки в обещалку, между ступеней Лестницы.

Пейзаж всосал обувь беспрекословно. С бычьей шкуры капнула капля крови на блёклый экран и растеклась в бликах Оrsa.

Гарама пару раз заботливо прошмыгнул по своему заваленному и завешанному помещению, не даря визитёршу ни единым взглядом. Свернув пару шкур, он обмахнул сооружение тряпкой и ответил сразу всем критикам:

– Причём тут нелепость. Наши предки воевали в кожаных сапогах. Тут чисто. Не обращайтесь внимания на...

Он посмотрел на дверь и потом впервые глянул в глаза Веды.

Она забралась на шкуры и подняла глаза на обещалку.

– У мерцалок давеча лучи тянулись к северу, – леопард вспрыгнул на ветку. – Стало быть, придёт ветер с севера.– Добавил он, поворачиваясь к Веде белой спиной.

Акула поняла, что это – светский разговор.

– А что за сапоги? – Спросила она, подбирая на диванчик

ноги.

В обещалке возник корешок книги, затем книга повернулась лицом и раскрылась.

Пока перелистывались страницы, на которых мелькали всякие схемы, нарисованные разноцветными чернилами, Веда, мало интересуясь профессиональным процессом, оглядывала мастерскую. За ветвями в углу она увидела изрядную горку скорлупы и брошенный веник. Зелёный цветик, пробившийся сквозь его прутья, свидетельствовал, возможно, о быстроте роста местных растений. Венчик его засматривал, как лукавый маленький Орс. На одном из сучьев примостилась жестяная, очень тонкой работы пепельничка: умелые пальцы вмонтировали её между сучков так, чтобы, не отвлекаясь, можно было дотянуться. Судя по всему, она без труда вынималась; тем не менее, проделывалось это через значительные промежутки времени. Кто его знает, как двигалось время в Ловарне? Возможно, Бриджентис, которой для этого были щедро предоставлены хозяином возможности. Купол крыши вокруг мощного ствола не изобличал той заботливой хозяйственности, с коей были сработаны все вещи Ловарни. Попросту он не ремонтировался давно.

Бесцеремонно закинув голову и шевеля босыми пальцами ног, Веда узрела среди верхних, чуть оперённых чахловатою листвой ветвей, сковороду, ниже у самого пола пристроился верстак. Повернувшись на нежно скрипнувших шкурах, холодно любопытная акула нашла взглядом на стене висев-

шие в ряд портупей всех размеров. Одного такого стороннего и неумного взгляда было довольно, чтобы убедиться, что они новёшенькие. Что-то коробилось под наброшенную рогожей, как будто это было нечто острое и в большом количестве.

Вдруг Веда почувствовала на себе такой же острый и внимательный взгляд. Не сразу она поняла, что это индифферентный владелец и распорядитель мастерской смотрит на неё. Смотрел он именно на шевелящиеся пальцы. Убедившись, что его внимание перехвачено, он не стушевался и отвернулся к обещалке, где открылась страница не с диаграммами, а с картинкой, вроде группового портрета.

– Похоже. – Пробурчал он по-сурийски, но посетительница так и не поняла, к чему относится реплика – к упомянутой части её персоны или к странице.

Страницу он, правда, не медля, залистнул. Вновь запрыгали иллюстрации технического порядка, относящиеся сугубо к сапожному искусству. Хвост обвил сук дерева. (Или это сук обвился вокруг хвоста? Движения Гарамы отличались такой замедленностью, что сразу и не разберёшь.)

– Это что за картина?

– Всякое... – Рассеянно откликнулся Гарам.

Рассеянность не выглядела наигранной. Как раз в ту секунду текущая страница без рисунков послушно увеличилась – расплылись, занимая выпуклое зеркало обещалки, слова, нанесённые киноварью и ещё более яркой жёлтой

краской. Лист носил следы огня и воды, с маленькой прорехой у нижнего края.

– Так что насчёт сапог? – Осведомилась погромче Веда.

Гарама дёрнул ушами, давая знать, что слышит. (Или же он испытывал раздражение, как всякий, кого отвлекают в момент полной сосредоточенности.)

– Ну... – Прогнусавил он, поворачивая из номинальной вежливости морду в полупрофиль. Язык его ходил между зубов, помогая мыслям.

– Тогда было другое мировоззрение... – Проговорил он, невероятно затягивая гласные, споткнувшись почти на всех согласных, отчего речь его делалась труднодоступной.

Более он ничего не прибавил.

Всему, что говорено было в Ловарне, Веда внимала вдумчиво, – по выражению НН, применяемому к бедному Пу-сику, когда он отыскивал в открытом буфете какую-нибудь металлическую плоскую баночку и сидел над нею. Размышлял ли он над тем, что главное в баночке – это содержимое? Кто знает. Не следует приписывать другим собственные мысли. Слово, употреблённое Гарамой, кое-что напомнило Веде. У него есть мировоззрение, сказала НН однажды, застав кота бдящим над баночкой.

Ведь и у Веды было мировоззрение. Да, вообразите себе, – и у Веды было мировоззрение. А поскольку она сурийка до мозга костей – хотя она и не верила, что костями можно

всерьёз думать – то впитала в себя, как губочка на сирийской среднестатистической кухне, всё, что ей предложили.

К тому же, она – кропивнянка, а кропивняне верны принципам своего посёлка, выработанным за много тысячелетий.

Если вам неудобно тратить драгоценные минуты своей двойной жизни на отвлечённые предметы, то примерно полстранички извольте пропустить. Но, вот честное слово – кропивнянская философия достойна внимания уже хотя бы потому, что на материке Гиперборея вообще почти никто не занимался этим видом деятельности, а всю необходимую философию поставляли с материка Джамбудвипа. Так-то оно так, но исключение необходимо, чтобы подтверждать правило. В Кропивнике издавна водилась только философия местного производства. Насчёт её достоинств, это каждый сам рассудит, но одно объективно – это лаконизм.

И, подобно тому, как издавна существуют четыре материка, так и мировоззрение посёлка опиралось на четыре небольших свитка с драгоценными иероглифами.

Первый гласил, что «если нет мужчины в доме...» Несмотря на то, что у принципа было такое внушительное начало, конца у него не имелось. Во всяком случае, никто его не слышал.

Поэтому никто, как полагала Веда, и не знал, что он означает. Смысл, вероятно, был утрачен в Далёкие Времена, но жители хранили оставшееся, как подобает культурным существам, в надежде, что Грядущее прольёт свет на этот

памятник цивилизации.

Надпись на втором свитке (или краеугольном камне) утверждала, что кошка соседа не вполне сыта, а точнее, принцип заключался в том, что соседи по умолчанию и с неизвестными целями систематически морят свою кошку голодом.

Конечно, это напрямую не говорилось. Существовали правила. Звучало это так:

– Ваша кошечка залезла к нам на балкон и кричала...

Тут полагалось сделать паузу и добавить добрым голосом:

– Знаете, она ТА-АК проголодалась.

А в глазах разрешалось высветить следующий текст:

– Некоторые люди заводят животное и не заботятся о нём.

Стыд и позор! И как земля таких носит! Тю на вас!

Что же касается самих кропивнянских кошек, то их никто никогда не спрашивал, почему они любят покушать за чужой счёт.

Третий свиток являлся основополагающим и пиктограммы на нём слагались в следующую формулу:

– Я не знаю, что он там говорит...

Этот сгусток смыслов служил преамбулой: сурийка или суриец прибегали к этому заклинанию всякий раз, когда слышали нечто, неподвластное их разуму и воображению.

Четвёртым пунктом был у каждого и у каждой свой собственный.

Был он, конечно, и у Веды.

– Ах, мировоззрение. – Протянула она с неопределённым выражением, в котором не слышалось ни осуждения, ни одобрения.

Показав таким образом, что это ей не в диковинку, Веда решила более не продолжать расспросов на сей счёт. Она справедливо заключила, что, наверное, речь идёт о каком-то варианте кропивнянской премудрости или же о чём-то ещё более премудром и плохо понятном для самого Гарамы.

Тот прекратил чтение, и книга захлопнулась, повертелась и, мелькнув корешком, утонула в глуби обещалки. Возвращалось изображение Лестницы, залитое, как пруд, закатным светом. Туристов поубавилось, вокруг верхушки парила большая серая птица.

– Вы, значит, не достаёте их оттуда?

Гарама раскрутил хвост и свесил его.

– Не-а. – Проворчал он. – А зачем? – С неожиданной суровостью спросил он.

– Ну, просто.

– Я б тогда тут завалился вот по сих.

Леопард провёл кончиком хвоста у глаз, задев стёклышко. Сунув лапу в обещалку, он извлёк оттуда с еле слышным чпоканьем башмаки Веды.

– Страшно забавно смотреть на обрез. – Заметила Веда, глядя, как он спускается с башмаками, прыгая с ветки на ветку.

– Обрез? – Переспросил он, посмотрев почему-то на рогожу в углу, и несколько тревожно поднял стёклышко на Веду.

Он сидел на полу, прижимая башмаки белой тонкой лапой к груди.

– Да, когда книга лежит к вам обрезом. – Пояснила Веда. – И вы не видите ни что написано на корешке... и переплёта не видите. Думаешь, мало ли это что... вдруг в ней неизвестное что-то... новое заклинание... Ну, или она – хряп – раскроется и выпрыгнет кавалер.

Леопард, только кончиками ушей показавший, что не намерен вслушиваться в бесцельную болтовню, и прибиравший наскоро рабочую ветку, сверкнул стёклышком.

– Что-с? – Изумлённо переспросил он, выдав себя: был он умницей и ничего не пропускал, оказывается.

– Это моя мама так говорит. – Разъяснила Веда. – Из книжки, говорит она, кавалер не выпрыгнет, дорогая.

Гарама помедлил, обдумывая ответ с такой неприкрытой сосредоточенностью, что сделался очень мил.

Ничего не сказав по поводу услышанного, он уселся на ветке в традиционной позе всех портняжек и сапожников, с иглою, которую он выдернул из кожаного лоскута, прикреплённого к стволу, и обдул любовно, поставив торчком пучки усов.

Веда мигом заскучала. Дракон где-то кормил курочек, пребывая в обществе разговорчивой и тароватой на шуточку Сари. Гриша, небось, болтает с будущими прихожанками.

Котятта играют.

Поглядывая на сторбленную в профессиональном смире-
нии спину хозяина, она пересела так, чтобы видеть его мор-
ду, склонённую к тувфельке, которую он с истовой ловкостью
вертел в лапах. Даже стёклышка не видно, только жёлтый нос
и прониотиненные усы. Комки пальцев на подобранных ла-
пах сжимались и разжимались.

– Здорово шьёте. Быстро. – Сказала Веда, но никакой ре-
акции на её слова не воспоследовало.

Она ещё поскучала, закидывая голову, но в неряшливых
дырах потолка мельтешило что-то голубенькое, а время Бри-
джентис ещё не пришло.

– А сейчас какое мировоззрение? – Зевнув и окончательно
утратив надежду на возобновление беседы, лениво про-
молвила она.

Гарама поёрзал с иглоу в зубах, что-то сказал. Веда в по-
лушка прислушалась. Леопард вытащил иглу и, воткнув её
в подмётку, не вполне членораздельно проговорил:

– Я говорю, пусть пламень
вашего сердца пылает
состраданием, и одним
только
состраданием, так...

Веда подождала, но леопард заткнулся и вытащил иг-
лу, неожиданно легко пронзившую башмак насквозь. Веда
невольно поморщилась и почесала щиколотку.

Надежда Наркиссовна, проснувшись до рассвета в своём тесном гнёздышке на подоконнике, ухитрилась сладко потянуться. Спрыгнув на кухонный диванчик уголком, она свернулась вновь и провела чудеснейшие минут сорок, пока срез холма в окне не пожелтел, как оплывающее и не тающее импортное масло. Тогда она обратилась, потянувшись ещё раз и без особого трагизма посмотрела на невымытую посуду. Ворча что-то про то, что нужна посуда, которую можно было бы съесть после еды, она вымыла её с притворной покорностью и опасным блеском в глазах. (Она не пренебрегла этим блеском даже наедине со своим вторым я и даже, может быть, именно наедине).

После этого она, удовлетворённо сопя и скалясь, охотно расчесала свои шёлковые послушные волосы и, полюбовавшись в ванной на зубную щётку Веды, отправилась на дикий пляж, предварительно приняв облик сервала, так как всё равно придётся перелезть через ограду парка – калитку отворяли только в пять – а летом она предпочитала носить юбку.

– Одиннадцать. – Спокойно сказала Сари, посмотрев из-под лапы в синем, как небо, рукаве вверх.

Небо синим не было. Как вкусный чад над большой скородой стоял сухой зной. Дальнее поле встретило их устрашающим боевым стрёкотом и треском. То была песнь дневных насекомых, по-видимому, не придававших значения тому, что они часть пищевой цепи, в которой ведущая роль

принадлежала перепёлкам.

Перепёлки молчали. Возможно, они охотились. Зловещим огоньком сигареты искрился Орс, что-то уж очень скоро поднимавшийся по блёклому небу, только у краёв нагорий переходящему в синий цвет, уступавший в насыщенности платью неумоимо шедшей впереди Сари.

Всеволод, повинуясь её жесту, сгрузил с плеч две плетёные сумки.

– Одиннадцать, одиннадцать. – Раздался в десятке шагов позади на узкой тропинке изменившийся голос. – Что за роковой час. – Продолжал насмешливо жаловаться голос. – Уже не утро, но день так молод и агрессивен.

Сердито воркуя и даже протестующе мяукнув, Григорий остановился и, глядя сузившимися зелёными глазами на обернувшегося дракона, прибавил:

– У меня такое чувство, будто...

Он заворчал, спуская с плеча ещё одну сумку.

– Да? – Утирая локтем взмокший лоб, вежливо отозвался Всеволод.

Леопард так неосторожно поставил наземь свой груз, что из плетёнки вывалился боком низкий и крутобокий термос с едой для перепёлок.

– Но, но!.. – Прикрикнула Сари, прямая и лёгкая после полуторачасового перехода.

Пастырь спешно присел, установил внушительный, даже на вид тяжёлый сосуд поровнее, на мелкие белые, как зубы,

камешки.

Его, занятого по горло – так он успел прошептать Всеволоду, сделав известный жест сильной лапой – Сари прихватила с собой уже на околице села, где он, впрочем, не с особо деловитым видом шёл, держа направление на восточные улицы.

Голос Сари не отличался властностью, но было в её чуть бесцеремонном приглашении что-то такое, от чего будущее духовное лицо совершенно стушеввалось и, тихо бурча в спину Всеволоду, что ему и туда, и сюда, а хвост-то один (и даже показал этот хвост из-под сутаны) поплелось вслед с сумкой, которую всучила ему эта удивительная особа.

– ...будто на меня охотятся. – Дообъяснил пастырь, фукая за воротничок.

– Перепёлки, что ли? – Съязвила Сари, зашедшая уже в жнивье по колена и цепко оглядывающая поле.

Орс потрескивал, точно кто-то в небе затянулся им. Казалось, вот-вот поплывёт над жёлтой травой с нечастыми бледно-зелёными островками тонкий дым.

– Цоки-цок. – Сказала она, не обращая внимания на страдания пастыря. – Цоки-цоки. Цок.

Жнивье молчало. Всеволод чувствовал за спиной полуторачасовое расстояние, отделяющее его от сапожной мастерской. По небу рывками продвигалось сухое рваное облачко. Как это и водится у облаков, залетевших на Юго-Запад, взялось оно, неведь откуда, и так же неведомо могло исчезнуть.

Григорий смотрел на облачко. Сильный и тонкий, он вряд ли испытывал ту усталость, которую показывал всем своим существом. Просто он был молод и, вероятно, избалован мирной жизнью, плавно, как пёстрое яйцо, катившейся между нагорьями. Так (или примерно так) подумал дракон.

Открыли термосы. В них оказалось жирное пшено, сваренное так круто, что лежало золотистыми, сочащимися, как иридий под собственной тяжестью, сплошными кусками. Сари ткнула в него лопаточкой из морёного, очень старого дерева, извлечённой ею из рукава. Лопаточка, как заметил дракон, была выточена в форме человеческой кисти с выпрямленными неестественно длинными пальцами. Неведомый резчик любовно передал даже чувственные узелки на суставах и браслет из линий ниже ладони, так называемых розелл, каждая из которых, как известно, символизирует тридцать орсолет, которые предстоит прожить.

Сари, нестерпимо синяя, поддевала куски пшена и кидала их в жнивье. На мгновение она остановилась, оправляя согнутую лапой платок на ушах. Она была так прекрасна, что дракон ощутил укол в сердце – нечасто увидишь такую цельную картинку.

Устало и равнодушно она вскользь поглядела на человека и леопарда, неустанно продолжая приговаривать деревенским голосом свой свистящий призыв. Поле молчало, но вдруг в один миг утихли насекомые. Жестокий Орс сверкал над головами работающей Сари и столбиками стоящих

других двух фигур.

– Цок. Цок. Цоки... – Сказала она, швырнув такой крупный шматок пшена, что в воздухе поплыл дурманящий запах сваренных в крови и жире зёрен.

Стрекотнуло у её лап в траве. Смолкло. Вылетела пёстрая жёсткая птичка, похожая на подброшенную игрушку, и скрылась у самых юбок кормилицы. За полминуты затихшее поле вспыхнуло яростными голосами маленьких птиц. И страшный смерч пёстрых тел взлетел, роем поднявшись над полем, свечкою покружил и накрыл Сари.

Повинуясь закону неожиданности, Всеволод отшатнулся и тут же шагнул к скрывшейся за неистовствующей живой массой птиц Сари, но, встревоженно оглянувшись на Григория, увидел, что тот успокоенно помотал башкою с лихо поднятыми ушами.. Для тревоги, стало быть, нет причины.

Ошарашенно глядя на злобно поющих птиц, страстно склёвывающих пшённую кашу, Всеволод так увлёкся, что не тотчас расслышал, как что-то сказал Григорий. Тот повторил:

– Крепкие узы...

Всеволод взглянул на лепящихся к Сари птиц, перевёл взгляд на подсинённую линию самого западного из холмов и произнёс глуховатым голосом:

– Любовь.

Он услышал за спиною тихий смешок.

Пастырь, встретив его отрешённый взгляд, серьёзно пояс-

нил со своим шутовским видом:

– Я не про перепёлок.

– Виноват?

– Вы слышали, быть может, про славного одного человека, которого наши восторженные предки именовали не более и не менее, как героем, и которого связывали столь крепкие узы, что это раз как-то едва не закончилось для него самым плачевным образом?

– Нет.

– Совсем не слышали?

– Нет, не слышал.

Пастырь протяжно вздохнул и помигал зелёными глазами, будто свет сделался уж совсем для него невыносим.

– Меж тем, – переводя взгляд на Сари, которой не было видно, только изредка взмахивали, показываясь, синие полы её платья, проговорил леопард, – он был ох сила человек. Благородный, знаете, такой. Однажды дрался доской от кровати, пока доска не сломалась. Знаете, чем его связали те, кто нарушил его уединение?

Всеволод увидел, что Григорий смотрит совершенно ясными глазами, и свет ему вовсе не во вред.

– Полагаю, – подбирая слова, вежливо ответил настырному приятелю-собеседнику дракон, – у тех, кто нарушил это... уединение, тоже были причины для волнения.

Пастырь усмехнулся.

– Ну... пожалуй. Связи и узы вообще вещь запутанная.

Ну, да. Интересно всё же. Так его связали, представьте, волосом той особы...

– Уединение с которой было нарушено? – Догадливо спросил дракон.

– Да, да! – Обрадованно поддержал Григорий. – Именно-с. Он замолчал, указывая почему-то на жёлтые травы, спутанные перепёлками, прибавил:

– И волоска этого он порвать не смог. Даже и сказано в старой песне о нём: умрёт, а не порвёт.

– Да, удивительно.

Далее произошло нечто невыразимое и, осмелюсь сказать, вопиющее. Всеволод медленно повернулся всем корпусом к пастырю, развлекавшему гостя любезною и занимательной беседой, и в упор посмотрел в зелёные, с прищуром глаза своими неопределённо светлыми, и взгляд этот был ледяным и вопросительным взглядом. Абсолютно ясно прочиталось в нём такое: «Любезный, вы говорите вздор, и вздор притом многозначительный, что и всегда мало приятно терпеливому и доброму собеседнику. Я тут на положении гостя, и я – человек учтивый, и потому вынужден слушать ваш многозначительный и оттого неучтивый вздор... Прошу прекратить, ежели вам будет угодно, избавить меня».

Словом, сделалось в знойный этот час что-то неладное и, мягко говоря, ненужное.

Пастырь ужасно, казалось, сконфузился и тревожно замигал потемневшими глазами, хотя и не тотчас отвёл их. Более

того, он опечалился (что было естественно).

Сари уходила, как небольшой смерч, вглубь поля, продолжая выкликать птиц, отзывавшихся яростным стрёкотом. Подпрыгивали из травы запоздавшие и с остервенением, с хлопаньем крыльев, врезались в кучу малу. Всеволод и Григорий, не обменявшись словом, подхватили на три четверти опустевшие термосы и потащились за нею в колющейся и цепляющейся траве. Поле медленно и верно пеклось, издавая сытый дух мяса и каши.

– Я покажу вам... – Заговорил пастырь. – Покажу что-то...

И, махнув лапой в противоположную сторону, немедленно зарысил в траве, не дождавшись дракона. Пёстрый затылок замелькал среди высохшей колючей поросли.

Всеволод, оглядев всё, что охватывал взгляд, то есть, гигантский квадрат поля, ограниченный с востока нагорьем, траченным теньями, как молю, и небольшую отсюда, похожую на вздыбленную зелёную волну, Ловарню, зашагал среди расступающейся мёртвой травы. За леопардом не оставалось тропинки, только проборчик разошедшихся в сторону стеблей.

Земля притаилась, насекомые затихли. Жара умирала. Сквозь далёкие тусклые рощицы двигался прохладный воздух. Поле приметно взгорбилось истлевающим древним драконом, поползло вверх.

Всеволод не терял из вида прыгающие уши Григория, раз-

водя хрупкую завесу выставленным локтем. Поле степной кобылкой выскочило на гладкую площадку. Леопард сидел на краю, при появлении Всеволода он не обернулся. Лапы сложены на животе. В такой позе он очень походил на багажника. Другие фигуры сначала показались дракону живыми, но в следующее мгновение он понял, что они из дерева, в половину человеческого роста, леопарду по уши. На троне сидела женщина, справа лежал на боку леопард. Слева леопард на задних лапах. Передние вытянуты, на них лежит спелёнатый человеческий младенец. Лицо сидящей на троне было величественное и отрешённое. Над фигурами висел в воздухе Орс с лучами и неполная Бриджентис из того же материала.

Всеволод сделал несколько шагов по утоптанной земле.

– Нравится? – Спросил, не оборачиваясь, леопард.

Всеволод подождал, пока тот обернётся.

– Это выдающееся произведение. – Он оставался там, где стоял, будто собираясь дать дёру. – Но вы, леопарды, до чего вы, оказывается, беспечный и легковёрный народ.

Пастырь встал на лапы.

– Леопарды не народ. – Подходя к дракону так, чтобы не поворачиваться затылком к фигурам, тоном профессора филологии, допивающего холодный кофе, сказал он. – В нашем языке, правда, есть устаревшее слово, примерно соответствующее по смыслу употреблённому вами. Я мог бы, принадлежа к предпоследнему поколению, даже притво-

риться, что не понял вас.

– Но вы не притворились.

– Нет.

Леопард скупно улыбнулся – усами.

– Спасибо.

– Всегда пожалуйста. Но почему вы использовали также слова легкоеверие и беспечность?

– Они так же устарели?

– О нет. Эти – нет.

– Хорошо. Но разве можно оставлять бесспорный шедевр под открытым небом, откуда, как известно, иногда идёт дождь и возле Большой Дороги, по которой идёт так много людей?

Григорий посмотрел в двух означенных направлениях. Не отводя глаз от сомкнутой травы, он ответил:

– Это всё равно, что беспокоиться, что оставляешь под дождём деревья.

– Но я смотрю...

– Да, у вас зоркий глаз. Краска сошла, но это произошло очень давно и не по вине дождя, уверяю. Что до Большой Дороги, то опасения, конечно, существуют.

– Да?

– Не за шедевр.

– Вот как.

– Кстати, благодарю вас за эту оценку, лестную для *народа* леопардов.

– Я отдал ей должное, только и всего.

– Не все это могут, представляете?

– Отдать должное? Да они слепы, вероятно.

Леопард кивнул.

– Можно и так сказать. А вот погодите – посмотрите на неё дней через десять, одиннадцать, когда Бриджентис начнёт прибывать.

– Думаю, что добавить было бы нечего.

– Говорю, не спешите. Сперва глянете... Выберемся ближе к ночи... Когда перепёлки спят – и Сари тоже.

Он хихикнул. Оба потёрли плечи одинаковым жестом, избавляясь от ощущения навязанного объятия, и разом обернулись. Но тишина окружала их.

Орс тихонько подбирался к деревянному шару над тронном и, наконец, юркнул за своё изображение.

Свет дня померк, в небе дрожал шар густой черноты, окружённой клоками тёмной гривы. Завитки волос женщины, струившиеся на подлокотник трона, затрепетали, будто сидящая повернула голову.

Пастырь превратился в серый силуэт. Всеволод поднял руку – мускулистая плоть сплющилась в двумерное изображение. Кисть казалась нарисованной на листке плохой бумаги, просвечивали кости – четыре суставчатые кости с когтями, один отставлен. Всеволод сжал пальцы в кулак и сморгнул – человеческая рука, еле видная в ослабевшем тающем свете, конвульсивно поднялась, защищая глаза от вспыхнув-

шего Орса.

День ожил, крылатый шарик Орса скользнул в голубизну. Фигуры были неподвижны, хотя и поражали своим жизнеподобием. Всеволод понял, что к выражению глаз женщины нельзя привыкнуть.

Всеволод и пёстрый Гриша обменялись нервными смешками. Попятившись, они нырнули в душную колкую траву.

– Я едва не улетел. – Заметил Всеволод.

– У меня, – со вздохом признался пастырь, – была другая, более скромная возможность.

Посмеиваясь, они добрались заново проделанной тропкой до околицы поля. Сари с утомлёнными глазами поправляла сбившийся платок. Без энтузиазма посмотрев на приятелей, она отвернулась. Опустевшие термосы дремали в траве. Без каши они оказались невесомыми. Засунув их в сумки, дракон и пастырь зашагали следом за непривычно молчаливой Сари.

Григорий шепнул спутнику, что «она всегда после перепёлок как в мёд опущенная».

Они вошли в город по одной из окраинных улочек, ведущих, по соображению дракона, строго на Северо-Запад. Беседа оживилась, как только всегдашняя прохлада Ловарни, верная городу, охладила лоб дракона и шерсть леопарда. Языки приятелей развязались, и Григорий в последний раз потрогал свой потускневший воротничок, похожий на подворотник мундира. Царила – не тишина, нет – тонкоголосый

шум лета, который дороже настоженному ожиданием слуху, чем покой укрепленной башни. «Всё хорошо, – сказал себе дракон. – Я...» Негромкие голоса, и всякая домашняя жизнь сместились западнее, к центру посёлка.

– Тихо... – Пробормотал пастырь.

Они вновь обменялись взглядами, и то восхитительное унижение, которому они подверглись совместно, так явно прочитал один во взгляде другого, что они не нашли ничего лучшего, как совместно разразиться тем, что именуется здоровым мужским хохотом.

Протестующий возглас отставшей Сари заставил их (не сразу) заткнуться.

– Весь ваш. – Прошептал пастырь.

Всеволод без слов протянул руку, по которой залихватски хлопнул лапою пастырь.

Сари, сворачивая за изгородь, цветущую крупными, неумело свёрнутыми из белой и розовой бумаги цветами, раздражённо распорядилась своим обычно звучным, а сейчас потускневшим голосом:

– Отнесите посуду.

Молодые господа замерли, показывая, что не верят ушам. Они обернулись. Всеволод извиняющимся тоном промолвил:

– Госпожа...

Григорий прибавил не очень громко:

– А как насчёт вымыть?

Сари яростно, по-кошачьи, заворчала и визгливо вскрикнула:

– С глаз моих... Вон!

Её синее платье, заметно подутратившее свежести после кормления перепёлок, мелькнуло, исчезая. За неплотным выющимся плетнём цветы, высунув жёлтые языки, безмолвствовали. Хлопнула дверь.

Всеволод и Григорий, пристыженные, но не без тайного облегчения, направились по улочке, возвышавшейся в конце, где она выводила на одну из четырёх прямых улиц.

Пастырь остановился и протянул лапу.

– Давайте...

Хоть Всеволод и сделал попытку отстоять доверенную тару, леопард настаивал:

– Так и быть, отнесу.

Он мотнул головой в сторону расшитого цветами плетня, который они миновали, и, понизив голос, добавил:

– Перепёлки плохо отстирываются. Лучше бы вам не попадаться ей сейчас на глаза – разорвёт.

Всеволод снял с плеча одну из сумок и, передавая её спутнику, услышал, вернее, разобрал в густой тишине городского полдня шаги. Он узнал их, конечно. Хотя узнать их, право, было мудрено. Походка, ритм которой был записан в его крови, изменилась. И это было объяснимо – та, чьей особенностью была эта небрежная поступь, бежала – и бежала очень скоро.

Ледяной пот прошиб дракона, когда он, замерев с сумкой в руке, прислушался к этому звуку бегущих ног. Выронив сумку, из которой, бешено закрутясь, выскочил обрадованный термос, Всеволод побежал по улочке. Изумлённый вскрик за спиною его не остановил, и в секунды этого бешеного бега он дико успел изумиться тому, что металлический сосуд, скача по щебню, не издаёт никаких ударов.

За три шага до кустов самшита, разросшихся вроде беседки без крыши и служивших аркою, забыв о правилах для гостей, он преобразился и драконом взмыл над ровными купами домов. Он увидел с небольшой высоты, подбирая когтистые лапы и тщетно дёргая правым крылом, на роговом выросте которого тряслась, не желая отцепиться, пустая сумка, всю широкую улицу, как резко качнувшуюся доску качелей и на одном конце качелей увидел он Веду (она бежала), на другом, ближе к арке – Шанаэля.

Раздумывая в течение двадцати секунд, он решился и с грохотом разлетевшейся брусчатки приземлился посреди этой улицы, головой к арке. Он увидел ничуть не запыхавшегося Шанаэля, и его мельком удивило то, что леопард стоит, заложив лапы за ремень португепи, но предаваться размышлениям он не стал, а издал рёв, от которого сильно заколыхались кроны над крышами.

Сев посреди улицы, он сделал ошибку, так как занял всё пространство от плетня до плетня, но это, при сложившихся так внезапно и мигом подтвердивших все его подозрения

обстоятельствах, было, пожалуй, к лучшему.

Шанаэль не проявил почти никаких чувств при виде бросившегося в город неизвестно откуда дракона. Если исключить малопонятное выражение, очень похожее на одобрение (Шанаэль вытащил одну лапу из-за портупей и тронул усы) леопард не шевельнулся, только прищурил глаза, когда новый грозный рёв выдрал из пространства шквал ветра и с треском посыпалась разбитая брусчатка, подброшенная в воздух во время атаки дракона.

Сари, выскочившая на крыльцо и сбежавшая во дворик, задрала голову и увидела пролетающего дракона. Она негромко сказала:

– Вах.

Григорий катился кувырком к арке. Он пинком отшвырнул термос, радостно заметавшийся перед ним, и отправил его в изгнание на обочину. Сари и это увидела и гневно рявкнула. Гришка прижал уши и тут же поставил торчком. Как ни грозен был окрик Сари, этой благодетельницы птиц, собирающей их яйца, он потонул, как мяуканье котёнка в страшном и продолжительном звуке, от которого затряслись двери и треснули толстые ветки, обнажив здоровую белую плоть без признаков тления.

Где-то радостно кричали дети, должно быть, два подростка, одному из которых так понравился почётный табурет.

Всего этого – не надо думать – что не слышал дракон. Он распростёр крылья, отчего сделался шум, будто осыпалась

железная кровля с двух домов, и, кроша несчастную брусчатку мерным шагом тяжёлых лап, двинул к Шанаэлю.

Я уже сказала, что дракон слышал всё. Внезапно он услышал и ещё кое-что, поняв, что слышит это уже некоторое время. Чей-то голос яростно вопил:

– Хвост!.. Дурак! Хво-ост!

Чудовище замерло в боевой позе и, изогнув шею, похожую на лебединую, только толще мачтового бревна и всю в бугристых болотных гребнях, посмотрел, как бы так сказать, за плечо себе...

Он узрел Веду – запыхавшуюся, ничуть не встревоженную и вряд ли способную к светским переговорам и вообще к любым переговорам по той причине, что она пребывала в страшном гневе.

Глаза акулы метали металлические снопы искр, она почему-то довольно высоко подняла подол платья, и вдобавок ошалевший дракон сразу увидел, что на ногах её новые, совершенно прелестные туфельки.

Она пронзительно повторила:

– Хвост! Убери хвост, медведь тебя задерит!

Она выше подняла подол и, перейдя на вразумляющие, но не более любезные интонации, прокричала:

– Ты мне сделал дыру! Дурр-рак. В платье дыру! Задвинь свою бандуру, чтоб тебя...

«Что?» – Подумал дракон и, остолбенело глядя на то, на что ему столь настойчиво предлагали посмотреть,

по нечаянности дохнул струёй огня.

Это вызвало у акулы сначала истошный визг, а затем, когда оба увидели, что огонь – благородный боевой огонь, тёмно-синий, с багровыми искрами – угодил, по счастью, в ямку, выбитую им в щебне, Веда в наступившей тишине громко произнесла несколько слов на родном ей сурийском языке... Всеволод, застывший на разорённой им улице, с глупо растопыренными руками (с плеча правой свисала кошёлка), отчётливо покраснел.

– Как... – Сказал он и, повернувшись, посмотрел на Шанаэля.

Тот, вытягивая вперёд лапы, отчего сделался до чрезвычайности похож на леопарда, держащего младенца, смотрел на Всеволода и тихо смеялся.. Он направился к дракону и, сцепив лапы, потряс ими – опять Всеволод увидел мелькнувшее во всём облике доброго хозяина удовольствие

– Отменно. – Проворчал негромко Шанаэль.

Веда, приблизившаяся новой походкой, пронзительно толковала про дыру и хвост. В арке показался белый воротничок и двигавшиеся от усилия понять уши.

В два слова всё разъяснилось. Веда, которой в мастерской Гарамы, отлично и скоро построили пару обуви, направилась на прогулку в город, напутствуемая скептическим сапожником «размять передки» и «вернуться, коль что не так», так как он всё, по мере надобности, исправит, а времени у него нет, и напрасно Сари думает, что оно есть.

Желая найти кого-нибудь из друзей, чтобы похвастаться, а, может быть, и узнать, где прохлаждался всё это время один её знакомый, она осуществила своё намерение, много интересного увидела и тут заметила заворачивающего вот на эту улицу Шанаэля, которого немедля узнала по великолепному окату атлетических плеч.

(— Ох. — При этих словах польщённо вымолвил указанный).

Она, сказала Веда, не захотела его окликать.

— Потому что это невежливо — орать на улице.

Веда так же упомянула, что мама её не похвалила бы, узнав, что дочь окликает на улице привлекательных особей мужского племени.

(— Мерси.— Вставил Шанаэль).

Шанаэль, по словам акулы, шёл вроде бы и неспешно, но чудным манером пропал из глаз, вот она и припустила следом, сколь могла, быстро.

Она выбежала на эту милую улицу, где особенно прохладно и хорошо...

Всеволод потерянно огляделся. Щебёнка курилась в нескольких местах, кроны деревьев выглядели помятыми, и милая улица, обильно убранная пожжёнными сучьями и бесформенным камнем, наводила на мысль о прошедшей здесь танковой колонне.

Она увидела Шанаэля, и тут вдруг всё загремело, загрохотало и...

Веда уничтожающе прервала свой рассказ и, подняв подбородок, принялась исследовать его, суя в дыру палец.

– И перед нами предстал дракон. – Неторопливо сказал Шанаэль, во всё время взволнованного повествования стоявший между рассказчицей и Всеволодом.

Он погладил свою портупею.

– Величественный и отрешённый в своём гневе, величественный и отрешённый.

Он кивнул Всеволоду и без улыбки, но с бесконечной добротой в глазах тихо добавил:

– Прекрасное зрелище. Давненько я не видал...

Он сделал паузу, опуская руку на кортик.

– Я испытал счастье. – Сказал он. – И страх. – Прибавил он, подумав.

Веда скрежетнула зубами так, что Шанаэль, впавший в странную задумчивость, подскочил.

– А я испытала, что мне суют в нос большой хвост.

Она обошла Шанаэля. Тот с лёгкой улыбкой беспокойно шевельнул хвостом.

– Прибирай свой огузок, когда в следующий раз захочешь полетать между деревьями. – Беззлобно сказала Веда, поднимая лицо к дракону.

Она вроде бы сделалась выше от злости. Или дело было в новых туфельках? Всеволод пролепетал что-то невразумительное, оглядывая разгромленную улицу и возвращаясь к лицу Веды, которое находилось ближе, чем обыкновенно.

Это, видимо, было объективным ощущением, потому что, когда она со всей силы ударила ладонью Всеволода по щеке, он автоматически отметил силу оплеухи.

(– Те-те.– Смущённо прокаркал старый Шанаэль.)

В арке за усиленно двигавшимися и в момент скандального происшествия чуть ли не сошедшимися на затылке пёстрыми ушами, показался синий платок, и после короткого вскрика пастора утащила из поля зрения чья-то сильная лапа.

Побледневший дракон без звука снёс унижение. Клок волос прилип к его лбу, и он невольно глянул в сторону Шанаэля.

Шанаэль смотрел тоже в сторону, пучки усов хранили неподвижность.

– Ладно, ладно. – Проворковал старый хрыч, щурясь от эстетического удовольствия при виде цветущей изгороди.

Поймав на себе, как растревоженную блоху, взгляд дракона, он вздохнул и повернулся к нему. Подойдя и насильно завладев локтем дракона, свободным от проклятой плетёнки, Шанаэль потащил его прочь, приговаривая что-то насчёт того, что неплохо освежиться, час такой, что им – и старому Шанаэлю тоже, представьте – нужно посидеть в кустах.

– Я лично знаю тут местечко... – Успокоительно бормотал леопард. – Ах, да бросьте вы...

Он твёрдую рукой, почти обняв Всеволода, снял с локтя его кошёлку и подозрительно оглядел.

– Узнаю Сари. – Буркнул он. – Чертовка. – Тише добавил он, и, размахнувшись, зашвырнул термос на обочину.

Сдержав напуганное движение Всеволода, он фыркнул:

– Обабились мы. Скоро на поводке нас водить станут.

Не обращая внимания на стоявшую руки-в-боки Веду, Шанаэль повёл нетвёрдо шагающего дракона. Оба нырнули в кинувшийся под ноги закоулок.

Веда злобно проорала:

– Он мне платье порвал!

Морда Шанаэля с упрёком высунулась из кустов, цветок сидел у него за ухом.

– Ш-ш-ш. – Сказал он. – Не надо так громко, дорогуша. Мало ли что подумают.

Он со смешком исчез, а Веда яростно хлопнула себя, где достала рука, и погрозила кустам.

Затем она повернулась и побежала к арке, стараясь не наступать на расколотые вдрызг плиты.

В эту минуту пастырь искал в кустах термос, а Сари, стоявшая тоже лапы-в-боки, била хвостом так, что вздымались струйки пыли.

– Хотела бы я знать... – Проговорила она и, заметив, что пастырь, шаривший в траве, поднял голову, рывкнула. – Ищи!

По улочке шла к ней скорым шагом Веда, подобравшая плетёнку. Ещё издали она крикнула:

– У вас иголочка найдётся?

Она показывала подол, при виде которого Сари прищёлкнула языком, а пастырь потупился.

– Он, и впрямь, глуповат. – Говорила Сари, снуя по горнице, причём, она даже не давала себе труда изобразить, будто печётся по хозяйству. Она тщательно, по своему обыкновению, подбирала слова.

Веда, сидя отнюдь не на табурете, а на полу, зашивала на себе платье, сопровождая труд таким проклятиями, что целомудренно отвернувшийся пастырь всякий раз содрогался.

– Да подсунь ты себе подушку. – Прикрикнула Сари, останавливаясь с клубком в лапах.

– Разве Создатель не позаботился о нас, людях? – Возразила Веда, занося иглу тем движением, которое она слямзила у Гарамы. – И разве самому тощему из нас не будет мягко, где бы ни сели? Это не вы, леопарды, с вашими тощими задами.

Пастырь кашлянул.

– Прикуси язычок. – Посоветовала Сари.

Поймав взгляд Веды, она зашептала:

– Разве ты не знаешь достоверной приметы, что тот, кто зашивает одежду на себе, может зашить свой ум?

– Госпоже это не грозит, как бы могущественна ни была эта примета. – Лъстиво заметил пастырь. – Её ум, как говорится, налицо.

Веда в это время исследовала качество починки. Григо-

рий отвёл глаза.

– Да уж виден невооружённым глазом. – Доброжелательно процедила Сари.

– Ах, ты, Орс-Бриджентис, я потеряла эту чёртову иглу! – Вскричала мастерица, опуская подол и вскакивая.

На улице послышался шум, в котором явственно различались шаги человека и мягкая поступь леопарда.

Сари посмотрела на дверь, потом на Веду и нахмурилась.

– Надо найти обязательно. – Сурово сказала она и опрометью, подобрав юбки, метнулась куда-то в угол.

Вошёл боком Сахира и, застенчиво поздоровавшись с Ведой, полез на сук дерева, подминая под себя вышитую подушку. Следом – Всеволод (выглядевший в достаточной мере освежённым) и говоривший что-то ему с негромкими хотками Шанаэль, держа комок лапы за портупеей.

Сари выскочила с веничком на длинной ручке и металлическим совком. Увидев Сахиру, она опешила:

– Эт что такое? А ну.

И погнала богатыря с ветки. Тот, что-то растерянно проворчав в своё оправдание, спрыгнул, зацепившись когтем за вышивку. Сари запричитала и, гневно глянув на вошедших, принялась бешено заметать чистейший паркет. На приветствие Шанаэля она не ответила и, грозно посапывая, повернулась синей юбкой.

Шанаэль, ничуть не обидевшись, всё внимание своих мудрых глаз переключил на акулу и, подходя, сказал:

– Надеюсь, что ущерб, нанесённый вашему одеянию, устранён.

Он вполоборота повернулся к Всеволоду, желая включить его в круг милости в виде Вединой улыбки.

– Ибо ущерб, нанесённый вашему настроению, я расцениваю как государственное преступление.

Глаза его нежно смеялись, портупая скрипнула, когда он вытащил лапу.

Сахира, изгнанный с дерева, неловко отступил и, поискав взглядом, куда ему деться, гигантским клубком свернулся по левую руку от входа.

– Э. – Протянула Сари, поднимая совок и тщательно изучая содержимое.

Шанаэль, которого она чувствительно толкнула, вежливо отступил, увлекая дракона и бровями показывая акуле на совок. Потом он закатил глаза. Сари выскочила, не глядя на них, на крыльцо, чтобы рассмотреть совок на свету.

Вошёл Гоби, оглянувшись на неё, и лёг, вытянув вперёд лапы, справа от входа, оглядывая горницу глубокопосаженными глазами с придирчивой небрежностью, как Сари – совок. Шанаэль ещё раз оглянулся на Сари и комически развёл лапами. Гоби негромко обратился к нему, видимо, имея в виду поведение хозяйки.

Веда же смотрела на дракона. Она подошла к нему и отряхнула ладонью его рукав. Всеволод посмотрел на рукав, на Веду и по лицу его скользнуло нечто, чрезвычайно

похожее на удивление, впрочем, скользнуло так быстро, что заметить этого никто не мог, кроме той, что подошла ещё ближе.

Веда подняла руку и приложила её к губам дракона ладонью, громко сказав:

– Досталось тебе, бедняга?

Она ещё приблизилась, что было почти невозможно. Шанаэль шевельнул усами и, отвернувшись, заговорил с некой поспешностью, обращаясь к Гоби. На крыльце ворчала Сари.

Акула обхватила шею дракона другой рукой и привстала на цыпочки, хотя новая обувь в этом отношении менее её утруждала. Руку с его губ она убрала. Глаза дракона сначала выразили вопрос, затем выражение переменялось. Его твёрдый рот дрогнул, и тут Веда, чей нос был близок к носу дракона, чуть отстранилась и сказала одними губами (это называется «проартикулировать») два слова.

Тотчас она отошла, едва не столкнувшись с торопившейся Сари, несшей веник на плече, как винтовку.

Шанаэль глянул через плечо и, убедившись, что диспозиция переменялась на первоначальную, сочувственно улыбнулся дракону. Он кавалерийски кашлянул и спросил:

– Вам понравился Гарама, госпожа?

(– Ничего не понимаю. – Заметила Сари, зашвыривая веник в угол, а совок на предназначенную для того ветку, где он повис, как маленький щит).

– Ну, да. – Заметила Веда. – Я забыла вас поблагодарить за туфли.

Шанаэль возразил:

– Я спросил про Гараму, а не про туфли. А что, он и впрямь что-то там сделал? Госпожа не имеет нареканий?

Он заботливо взглянул вниз.

– Я только что испробовала новые каблуки. – Сообщила Веда.

Шанаэль хмыкнул.

– Что касается Гарамы, он показался мне очень целеустремлённым. Сари, ох, простите. Вот она, я пришила её к подолу.

Сари строго покачала головой и, всплеснув лапами,хватила иглу.

– Да вы что? – Изумился Шанаэль, провожая взглядом Сари, яростно прыгавшую по дереву, чтобы вернуть иглу на место. – В чём же, простите, заключается целеустремлённость уважаемого Гарамы?

– Он вырезает восхитительные пепельницы из консервных банок. Этим занимался мой отец. И я знаю, сколько целеустремлённости для этого нужно.

– Вам пришлось смотреть по сторонам. – Горестно заметил Шанаэль. – В мастерской Гарамы! Сочувствую. Он не потрудился занять вас подобием беседы, это понятно.

– Вовсе нет. Мы разговаривали.

– Вот как? Он умеет... я хочу сказать, пасть у него не была

занята шилом?

И Шанаэль, довольный своей незатейливой и грубой шуткой, взглянул на Гоби. Заметив скромно сидящего в тени Григория, он вздрогнул от неожиданности. Тот поклонился ему из угла.

– О чём же вы разговаривали, ежели это не то, что вы хотели бы сохранить в тайне, госпожа? – Добродушно спросил Шанаэль, убедившись, что его шутка не насмешила никого, кроме Сахиры, который хихикнул грубым басом и тотчас утих.

Веда припомнила.

– Чаще всего он возвращался мыслью к каким-то существам, нелюдям и не животным... и не леопардам. Они из города на горной границе Сурии.

Шанаэль заинтересовался:

– Что за город?

– М... В точности не помню. Название чем-то похоже на имя вашего сапожника.

– Целеустремлённого сапожника. – Хмуро заметил Шанаэль. – А, Гоби? Сапожника, который затеял светскую беседу с красивейшей госпожой (простите, Всеволод), с госпожой, столь похожей на Затмевающую, что она могла бы сменить её на троне в тот час, когда...

Шанаэль как-то уж очень торжественно осёкся и, казалось, корил себя. Сунув лапу за португепю, он шмыгнул с извиняющимся видом заболтавшегося старика.

– Словом, Гарама *разговаривал*. – С чёрной иронией продолжал он. – А, Гоби?

Тот ничего не ответил. Шанаэль холодно взглянул в угол и спросил:

– Что же это за существа?

– О... Ну, у гоморрцев нет ни человеческой, ни иной души. Или же то, что у них есть, трудно назвать душой. У кого они наследовали эти штуки, трудно предположить. Возможно, это было что-то занесённое кометой в одно из её прежних посещений. Скорее всего, в самое первое.

(Когда Гарама, сопя и растягивая гласные, рассказал это, она спросила:

– Но ведь это – что бы оно ни было – живое?

Веда вспомнила, что Гараму утомили расспросы. Он устал на глазах.

– Да черт их знает. – Сухо молвил сапожник, но спохватился и, скрывая раздражение, выговорил. – Для чего вам знать, что у преступника внутри? Может, прикажете, монографию о них написать?

Он свирепо посмотрел. Вскочил и, уронив башмак, опираясь цокнувшими когтями в столешницу, прорычал:

– Это семя Люциферово, и довольно о них.

Он зацепил когтем страницу, надорвал и с огорчением взял книжку в лапы.)

Веда не пересказала этот разговор собравшемуся обществу, но и пары фразочек оказалось довольно, чтобы все при-

существующие примолкли.

Сари свесила хвост с ветки.

– Да он знаток. – Вскричал Шанаэль. – Вы положительно разговорили целеустремлённого Гараму своими ножками, госпожа. (Простите, Всеволод).

Веда, довольная, как всякая сурийка, которой удалось оказаться в центре внимания, вдруг заявила:

– Я пошутила насчёт целеустремлённости.

– Так, значит, он не делает пепельниц?

– Делает, но я имела в виду другое. У него Лестница на Рабочем Столе.

– Вы полагаете, это свидетельство мании величия? – Улыбнулся Шанаэль. – Кстати, по статистике, одно из любимых изображений жителей всех четырёх материков.

– Я так не думаю. – Сказала Веда. – В смысле, про манию. Просто я... её боюсь.

– Почему?

– Так. Очень большая, и неизвестно, кто её построил.

Веда была не права. Как раз-таки множество учёнейших людей на всех четырёх материках убеждены, что знают, кто её построил. Предположений имелось в наличии столько, сколько учёнейших людей – ну, примерно. Столько же мнений существовало относительно того, когда это произошло.

Лестница выходила за пределы атмосферы, находилась в наклонном положении, но ни разу ни один ураган не пошатнул её. Хотя со времён появления Высокой Культуры то

и дело кто-нибудь предлагал превентивно уничтожить её – как бы не упала и дел не наделала. То были, в основном, лица, профессионально озабоченные благом людей: среди них один царь, семь министров, два эстрадных певца и множество депутатов множества парламентов. Был и религиозный деятель, требовавший взорвать «идола», как он называл Лестницу, которая, по его мнению, подрывала идею Творения.

Его мнение бурно обсуждалось несколько лет, хотя, если честно, дискутирующие могли лучше потратить своё время. Материал, из которого состояла Лестница, был таков, что разрушить его не удалось за всю Историю ни одному любителю сувениров – а они и по сию пору приезжали сюда, в Долину, вооружённые почище отрядов специального назначения.

Давний Меморандум строго воспрещал попытки подняться по Лестнице, а зона разреженного воздуха, поддерживаемая специальными установками, служила убедительным доводом в пользу Меморандума.

Сурийцы очень гордились тем, когда осуществили первый выход в космос. В газетах тогда писали: «обыкновенный багажник одолел Древнего Колосса».

(Сурийцы, кстати, никогда и нигде не употребляли выражение «первый суриец в космосе», а только «первый багажник в космосе». Впрочем, большинство газет в мире отдали должное этой скромности, и только в одной годанской га-

зете написали, что «...вековая сурийская тьма соединилась с тьмой более древней».)

– Ах. – Заметил Шанаэль на замечание Веды по поводу Лестницы, но поспешил снова навести разговор на бедного, попавшего на зуб Гараму.

Веда распознала его происки и не стала сопротивляться.

– Да, и вообще, ваш сапожник, по-моему, занят какими-то исследованиями.

– Вы поражаете меня, госпожа. Вы – наблюдательны. А что за исследования?

Веда выгнула губы, она думала.

– Сдаётся мне, – произнесла она после небольшого молчания, – в области цветоводства. Пока он делал мне туфли, он всё время листал в обещалке книгу с цветами. Очень старый файл, как мне показалось.

– Да-а?

Шанаэль обвёл взглядом горницу, точно желая убедиться, что свидетели достойны этого сообщения.

– Что-то вроде... Ну, значит, свёрнуто такой трубочкой. И нарисованы цветы.

– И вы таких цветиков не видали?

– Очень странные. Кстати, Всеволод, Гарам, по-видимому, убеждён, что мы тут надолго задержимся, что не приводит его в восторг. Он настойчиво предупредил меня, чтобы я хорошо примерила туфли – вдумчиво – так он сказал – потому что в следующий раз он сможет принять меня только

недели через две.

– Хлопотун. – Буркнул Шанаэль. – Он так сказал?

– Ну, он, кажется. сказал «дней через десять, одиннадцать» и велел передать Сари...

Веда зажала себе рот, с ветки раздалось ворчание. Шанаэль рассмеялся.

– Нет, я другое... значит, если вам неудобно в его туфлях, вы – *вы* – должны терпеть и молчать?

Шанаэль зловеще засопел.

– Он и, впрямь, что-то замышляет. А, Гоби?

– Он что-то вычислял. – Вспомнила Веда. – У него карта Дальнего Неба. Здорово выглядит.

– А вы подумали, он делает новую пепельницу.

– Нет. – Сказала Веда. – Не делает.

– Что ж, Гарама не ударил, как говорите вы, люди, в грязь лицом. – Удовлетворённо вздохнул Шанаэль. – Сочту это предзнаменованием долгого и счастливого пребывания в Ловарне.

И он сделал лапой неопознанный из-за быстроты жест в воздухе. Сахира, смотревший ему в рот, опустил большую свою голову на лапы.

– Слава Орсу, Гарама вас не слышит. – Сказала Веда. – Я бы и, впрямь, не отказалась долго и счастливо пребывать, тем паче, в Ловарне.

Она вздохнула.

– Но, увы. – Заметил Всеволод. – Мы принуждены от-

быть... как можно, скорее.

Шанаэль, глядевший на Веду, вскользь взглянул на дракона, поклонился ему с выражением почтительного внимания и вновь посмотрел на Веду.

– Госпожа так внимательна к ничтожнейшему из своих слуг, к коим причисляю и себя.

– Вы мало цените учёных? – Возмутилась Веда.

– Миль пардон, – добродушно откликнулся старый атлет. – Это вы, э, по поводу цветоводства? – И, не дав Веде ответить, повертел лапой, на сей раз запросто, изображая что-то несложное. – К слову, боюсь, что глубокоуважаемый – и мною отныне, и *мною*, – Гарама не сыщет того, что занимает его воображение.

Он посмеивался.

– Отчего это не сыщет?

Всеволод оглядел горницу так, будто впервые видел.

– Вы что-нибудь потеряли? – Спросила его вполголоса Сари. – Скажите, я найду. В этом бедламе никто, кроме меня, не разберётся.

– Оттого, что это существует лишь в его воображении.

– Веда, ты ничего не оставила там, где мы ночевали? – Тихо спросил Всеволод.

Веда не повернулась к нему, а обратилась к Шанаэлю:

– Я понимаю, что вас беспокоит: магический ли *она* предмет? И если да, то как это понимать? Действует ли на такие предметы Закон Любви?

Шанаэль, не отвечая, печально спросил:

– Вы так-таки намерены покинуть нас?

Веда улыбнулась ему и только ему:

– Ага.

Шанаэль встревоженно и с какой-то горечью проговорил.

– В эти жаркие часы.

Он оглянулся на вход. Сахира поднял голову с лап.

– Неужто... и так внезапно? Не могу примириться с мыслью, что ваши величества уйдут от нас... подвергаясь опасностям большого пути, утомлённые, без чьей-либо помощи?

– Именно. – Согласилась Веда. – Но почему вы называете нас величествами? Мне не по себе, и даже холодок пробежал вот тут. А у тебя, Всеволод?

– Но это невозможно. – Твердил Шанаэль.

Голос его сделался глубже, Шанаэль выпустил на волю скрытую доселе силу.

– Тем не менее, мы уходим. – Подтвердил Всеволод и властно взглянул на леопарда. – Шанаэль, проводите нас.

– Уйти в мир, где так много зла... – Простонал Шанаэль, но глаза его спокойно блестели. – После того, как мы обрели... Государь, смиренно сообщая вам, это – невозможно. Этот риск неоправдан.

Веда хотела вмешаться, но её опередил Всеволод.

– Шанаэль, – мягко сказал он, – вы плохо начинаете служение – с непослушания.

– Но, сир! Сир!!

Затрепетавший Шанаэль простёр лапы, не смея подойти, и уронил голову.

– А здорово Подлётчик вас заловил. – Задумчиво подала голос Сари.

Шанаэль быстро повернулся к ней.

– Ваше величество не желает понять... – Пробормотал он и взглянул, глубоко опечаленный, на дракона.

– Тем не менее, – без малейшей иронии ответил Всеволод, – я ухожу с её величеством тотчас. Проводите вы нас или нет, не важно.

– В чём дело? – Спросила Веда, оглядываясь на Сари, сидящую на ветке.

– Вижу, что ваша верность лишь на словах. – Сурово закончил Всеволод.

Шанаэль дрогнул.

– Как угодно, государь. – Еле выговорил он. – Но мы не можем допустить...

– Ах, я поняла. – Сказала Веда. – *Измена*, Всеволод.

После этого страшного слова возникла на мгновение смятенная тишина, засим затрещавшая от множества действий и голосов.

– Враньё! – Крикнула Сари.

Шанаэль ощерил на неё клыки и провыл:

– Молчать в присутствии королевы!

Сахира потеснее свернулся, но Веда видела, что он весь напряжён, округлые гири мышц подрагивали под шерстью.

Гоби подавил зевок, прикрываясь лапой.

– Дурачьё! – Выкрикнула Веда.

Снова стало тихо.

Веда указала на дверь.

– Им заложники нужны, ведь так, *государь*?

Всеволод молчал.

– Нет! – Отчаянно крикнул Шанаэль. – Ради Оorsa и Бриджентис, не будьте так жестоки, бедное моё дитя!

– Чего это? – Спокойно спросила Веда. – Вот Гоби подтвердит.

Гоби неохотно поднялся на лапы.

– Никак нет, госпожа. – Вяло пробурчал он.

Шанаэль, казалось, успокоился.

– Умоляю вас выслушать. – Сказал он, и у акулы создавалось впечатление, будто старый леопард мысленно ступает по тонкому льду – до того тщательно он подбирал слова. – Сначала... В начале... ну, да, ну, да... Ведь наше одиночество должно быть как-то оплачено... гарантировано, в конце концов. Но произошло другое... К тому же, обстоятельства указывают на скорое и необратимое решение, и мы не можем расстаться с...

Он забормотал, вновь теряя нить:

– Когда мы увидели ваши величества в жаркий час, идущими так одиноко... Моё сердце...

И он вскрикнул, хватаясь за португепю:

– Во имя Той, что сотворила человека по образу и подо-

бию нашему! Поверьте мне, государь, ибо душа вашей спутницы уже да, да, поверила!

Веда кивнула.

– Да, я сразу догадалась.

Шанаэль зыркнул на ветку.

– Госпожа, – обратился он к Веде, – вы всё ещё не можете отказаться от мысли, что... царственное чадо... та штука... в общем, дурак и неуч Гарам прав – и, увы, прав, стократно: её нету.

– Клянусь Адом, в который я спускалась, – сказала Веда, – та штука *есть*. Но причём тут?

– При том, – вмешалась Сари, прыгая с ветки на паркет, – что через полмесяца тут не будет ни той штуки, за которой послали вас глубокомысленные монастырские кретины... и вообще ничего, ничегошеньки.

Веда помолчала и во второй раз спросила:

– В чём дело?

Шанаэль обрадованно поклонился ей и отверз уста, но вместо каких-либо объяснений раздалось кряхтение. Все посмотрели на Гоби, который, сидя на задних лапах, заговорил:

– Дело в том, что господин дракон необыкновенно опасен и может в один присест сжечь Ловарню. И всё же он никогда этого не сделает.

Гоби ни на кого не посмотрел. Шанаэль уронил лапы и прошептал:

– Это ошибка, мой друг.

Всеволод нашёл его взгляд и заметил:

– Так вот, как вы цените жизнь её величества.

Шанаэль в отчаянье прорычал что-то и жалобно мявкнул:

– Нет! Нет, государь! Это всё слова... и слова добрейшего старика!

Веда взглянула на дракона.

– Я становлюсь тебе обузой?

Всеволод услышал сдавленное шипение – это был Сахира. Богатырь припал на передние лапы и фукал, как перепуганный котёнок. Всеволод повернулся, и на миг его взгляду представился фантом, чудовищное видение.

Неизвестное разевало рыбью пасть, серые, текучие, как вода, лапы простёрлись... Тут же видение сгнуло, и на пол обрушилась, заняв горницу до самой стены, акула. Её плавник упирался в верхние сучья дерева. Она изогнулась, круша ветки и, раскрыв пасть, издала низкий тонуший вой, затем, невероятным усилием встав на хвост, захватила зубами ствол. Дерево закрипело, заболтались хозяйственные принадлежности на верхних ветках. Челюсти сошлись и разошлись. Упала подушечка с иголками. Дерево повисло в воздухе, купол беззвучно покрылся трещинами, как стекло. Акула дёрнулась, высвобождаясь, и ошетиленным зубьями боком проехала по стене, круша древесину.

Веда стояла у стены. Она пробормотала: «Увлелась».

Гоби посмотрел на могучий пень с обглоданными неров-

ными кусками коры, потом закинул голову и, шевеля усами, взгляделся в голубую дыру потолка. Обратившись всем корпусом в сторону Веды, отнюдь не с показной почтительностью проговорил:

– Это убедительно, ваше величество.

Сари измерила взглядом болтавшийся в воздухе по гипотенузе ствол, коротко взвыла и добавила:

– Бессовестная.

Она пнула лапой продолжавшего шипеть и пялиться Сахиру.

– Молчать! – Горестно рявкнул на неё Шанаэль.

Сари покачала головой, её глаза сузились лезвиями. Она устала эти лезвия в бывшую стену своей гостиной.

– Думаешь, я не знаю, что это за два слова ты ему сказала.

Веда пропустила реплику мимо ушей и принялась извиняться за причинённый убыток с известным самодовольством.

– Что это за два слова? – Недоумённо промолвил Шанаэль.

Сари подбоченилась.

– А ты бы больше, старый кот, зевал.

Она вздохнула.

– А всё-таки вам не уйти... Бессовестная, бессовестная сломала моего доброго Кусеньку.

Шанаэль зарычал на неё. Сари захихикала:

– Старая дуэнья может себе позволить, милый мой Шана-

эль.

Всеволод вопросительно взглянул на неё.

– Ловарня закрыта изнутри очень надёжно. – Ответила она вполне вежливо на этот взгляд. – И вы сами это сделали... государь.

– Я?

Сари, хмурясь, спросила у Шанаэля:

– Он ведь выиграл партию, ты сказал?

Шанаэль молчал. Собравшись с духом, он просительно напомнил:

– Сир, биллиард. Вы изволили вкатить, ежели помните... Помните?

– Ты играл на биллиарде?

Всеволод кивнул Веде.

– Ну, вы даёте. – Легкомысленно заметила Веда. – Ваше величество изумляет меня.

– Словом, мы под замком. – Добавила, скорее, в ответ на свои мысли Сари.

Тон у неё был безрадостный.

– Мы в безопасности... И на сей раз у нас есть... (она произнесла слово на родном языке, и все присутствующие склонились, глядя на гостей).

– Что?

– Заложники. – Весело сказала Сари. – Ты ведь другого не понимаешь, и мне придётся с тобой повозиться, чтобы ты стала, хоть немного, похожа на Ту, за Которую тебя прини-

мают легковёрные эти.

Шанаэль заворчал.

– А ведь Лео, сестричка моя, могла бы тебя предупредить.

Веда выгнула губы.

– Вот как... Могла бы... Глупейшая из моих подданных, ты, выжившая из кошачьего ума, раз она не предупредила, значит, не надо было.

– Гм. – Отозвалась Сари. – Ты не самая глупая из королев.

– Дзякую.

– Да не за что.

– А много ты их видела?

Сари холодно ответила:

– Вижу сейчас.

Слабый голос из тёмного угла позвал:

– Именем Неба...

Они все посмотрели на выкарабкивающегося из путаницы ветвей Григория. Вид у пастыря был помятый. Сари хмыкнула.

– Хвост на месте? – Грубо пошутила она.

Пастырь оглядел себя безумными глазами.

– Я служу не Ловарне.

– Это мы знаем. – Сказала Сари.

– И вот именем Того, Кому я служу, я требую пропуска для обрётённых.

– Ну, и дурак ты. – Легко ответила Сари и вдруг щёлкнула зубами. – Тебя, поп, не спросили.

Шанаэль оттащил её от прижавшего уши Григория. Сари отпихнула Шанаэля.

– Ты хоть понимаешь?

– Именем Неба. – Жалобно промяукал леопард в помятой рясе.

Сари фукнула на него и, пародируя, ответила:

– Именем Земли...

Она сказала своим голосом:

– Для того, о чём ты лепечешь, нужен знак, куда более серьёзный, чем бормотание предателя. Такой, чтобы Сари испугалась, понимэ?

Она тихо рассмеялась, потом громче. Скрипело погубленное дерево. Похоже, снаружи пролетел Северный Ветер собственной персоной. Шанаэль выглядел так, что Веде сделалось его жаль.

– Это ведь не ради нашего народа. – Умоляюще сказал он. Веда успокоительно закивала.

– Вы хороший человек, Шанаэль.

Она почувствовала, что у неё кружится голова. Отойдя на два шага, Веда прислонилась к стене.

Всеволод на неё не смотрел. Игрок в бильярд, похоже, припоминал расположение шаров на бирюзовом круге. Глаза его расширились, а широкие плечи передёрнуло.

Лёгкий шорох привлёк внимание Сари. Веда нечаянно раздавила плечом детскую земляных ос – их кувшинчики, как и всюду на побережье, притулились в самом неожидан-

ном месте, которое раньше закрывала ветка.

– От тебя одна грязь! – Серdito воскликнула Сари. – По-твоему, старая Сари для того создана, чтобы подтирать за глупой королевой?

Веда ошарашенно смотрела на разрушенные серые колыбельки. К счастью, они уже опустели – новые осы уже вылетели, да и время уже, лето разменяло второй месяц. Она присела и, взяв в горсть разбитые кувшинчики, перебирала их. Сквозь пальцы королевы сыпался пепел.

– Брось. – Проворчала Сари. – Испачкаешься.

Она осеклась. В пальцах Веды треснул кувшинчик, и среди осколков крохотной капсулы вместо розовых отсохших оболочек осиногo зародыша мелькнуло что-то белое.

– Что?

Веда бездумно развернула маленький, туго свёрнутый комок бумаги.

– Тут что-то написано. – Рассеянно заметила она. Голос звучал томно и устало.

Шанаэль с поклоном приблизился и склонился над плечом королевы. Вгляделся.

– Гм... Сейчас...

(– Сколько я тебе говорила, Шанаэль, что у тебя дальность. – Отыскивая веник, огрызнулась Сари).

Шанаэль вгляделся ещё и отступил.

– Алес.

Сари уронила веник.

– Что, что? – Спросила она и, кинувшись,хватила бумажку у Шанаэля.

Она долго смотрела на листок. Потом она выпустила его. Пастырь немедленно его подобрал.

Сари смотрела в сторону.

– В прошлом году я учила читать детей. – Как-то вяло сказала она.– Ума не приложу, как это тут оказалось.

Она искоса взглянула на Веду.

– Ты... – Начала она и замолчала.

Пастырь поднял листок в дрожащей лапе.

– Ты хотела, Сари... – Начал он и заткнулся: голос прозвучал слишком торжественно. – Ты сказала, что тебе...

Он заткнулся опять.

– А? – Залихватски вырвалось у него.

Сари стояла, открыв пасть. Внезапно она выбежала из дома.

Шанаэль опустевшими от горя и разочарования глазами проследил передвижения мелькнувшей синей фигуры. Потом вздохнул и подошёл к Всеволоду.

– Вы позволите вас проводить, государь?

Он потёр кулаком мохнатый лоб.

– Это всё, о чём я прошу.

Всеволод ответил на его взгляд.

– Нет. – Отрезал он. – Дурные замыслы, злые замыслы. Вы лишены этой милости, Шанаэль.

Он взял Веду за руку, помог ей встать и вывел её, кивнув

на прощанье пастырю. Гоби был неподвижен, как статуя. Сахира закрыл лапами глаза.

Во дворе лежала, вытянув лапы, Сари. Из горницы раздался тоскливый вой и был подхвачен в посёлке. Пока они шли улицами и переулками, отовсюду слышался этот звук, поднимавшийся к Орсу и превратившийся в странную, щекочущую нервы музыку.

В окне мастерской Веда увидела Гараму – он сидел на задних лапах, подняв передние, и выл, закрыв глаза.

– Спасибо за туфельки! – Крикнула в окно Веда.

Сапожник с испугу рухнул кверху лапами в дом.

На улице, носившей печальные следы знаменитой посадки дракона, Веда на минуту остановилась, дёрнув Всеволода за руку.

– Это всё, что у них осталось. – Благоговейно заметила она.

– Возможно, они переименуют улицу. – Был ответ.

Веда покачала головой.

– Вы зарываетесь, ваше величество.

В аллее под розами они увидели Шумера. Страж не лежал, как прочие. Припав на передние лапы, он злобно рычал, охлёстывая дорогу хвостом. Глаза его горели, как угли, верхняя губа вздёрнулась до предела. Всеволод остановился. Веда выдернула руку и, подойдя, шепнула:

– Алес, милый.

Страж зарычал громче, сжался в комок и, странно виль-

нув хвостом, уполз за розы.

Веда обернулась.

— Он уже не дождётся.

Они не оглядывались. На дороге машины не было.

— Эге. — Заметил Всеволод.

Веда стояла у придорожного куста, теребя ветки.

— Каков король, таковы и подданные. — Беспечно сказала она.

Ловарня с её жёлтыми лугами и густо-зелёной рощей города потускнела, хотя Орс с особенной яростью изливал на неё свой гнев.

Всеволод прошёлся туда-сюда.

— Кто эта Алес?

— Первое имя той, которую ты попираешь своими драными нечищеными ботинками... ой.

Веда подняла руку с капота лягушечки, постепенно проступившей под ветками.

Они принялись упиваться свободой. Нестерпимая жара, обступившая их, как взвод вернувшихся с пробежки тяжелооружённых пехотинцев, добавила к ней то прекрасное чувство неудобства, которое и должно сопровождать всякую истинную свободу.

К тому же, порыв Северного Ветра, хотя и остался незамеченным парой путешественников, оставил в дрожащем, как огоньки в глазах бедного Шанаэля, воздухе, длинный след до самых гор, снова возникших на Западе.

Веда, предусмотрительно связавшая волосы узлом ещё в уединённом домике на пустыре, страдала от жары меньше, чем вчера, в зарослях черники.

– Должно быть, я сама открою эту дверцу? – Надменно молвила она.

– Почему бы и нет? – Весело отозвался Всеволод.

Веда нахмурилась, потом протянула руку, но Всеволод в один миг оказался между нею и дверцей.

Заглянув в машину, Веда спросила:

– Вы испытывали мою кротость, ваше величество?

– Да нет же, это всего только глупая шутка.

– Вот как.

– Я, признаться, плохо соображаю от жары.

– Да?

– Да, я размышлял.

– Одно плохо вяжется с другим, мой друг. – Заметила Веда. – Эта жара...

– Я вдруг вспомнил что-то.

– Понимаю.

– Я забыл уплатить один долг.

Шляпа и хлыстик

– Это плохо, плохо. Тот, кто отправляется в путь, не должен иметь долгов.

– Вот и я так подумал, оттого и замешкался, дав глупый ответ вашему величеству.

Веда поморщилась.

– Нам следует прекратить эту игру, а то мне не по себе, как в ту минуту, когда добрый старый Гоби намекнул, что съест меня.

Всеволод не ответил, приглашая её занять подобающее место в машине.

– Но долг?

– Нам нужно проехать немного. – (Всеволод посмотрел на часы). – Минут пять, я полагаю... и я отлучусь, тоже ненадолго.

Веда ничего не ответила, они сели и поехали.

Ловарня тихонько провалилась в жару и принялась таять там, а машина остановилась. Веда, глядя в окошечко, сказала:

– Так ли уж нужно возвращать этот долг?

– Непременно нужно. – С улыбкой подтвердил Всеволод, всё ещё оставаясь в машине.

– Но, возможно, это только суеверие, вроде той приметы.

– Приметы?

Веда рассказала про иголку.

– Разве я утратила ум? – Добавила она.

– О нет.

– Я умна, следовательно?

– Да ты умнее Куколки! – Жарко вскричал Всеволод и осёкся. Он встревожился, не перебрал ли с грубой лестью.

Оказалось, что ничуть. Его спутница ничуть не смутилась.

– Вот видишь, – сказала она самодовольно. – Отныне не верь приметам. Не возвращай ты этого долга.

Всеволод не выглядел убеждённым. Веда подумала и беспечно прибавил:

– Вернёмся, тогда – ну, тогда...

– Вдруг я забуду тогда?

– Обещаю, что напомним.

– Всё же...

– Да и зачем его возвращать?

Не отвечая, дракон положил руку на дверцу.

Веда мельком взглянула на эту руку.

– Это не займёт много времени. – уверял Всеволод. – Я вернусь, и... больше не буду беспокоиться.

– А ты обеспокоен?

Он взглянул на неё засветившимися глазами.

– Немножко.

Последовало молчание, затем щёлкнула и приоткрылась дверца.

– Видишь ли, Веда, со мною произошло то, чего я не смогу забыть.

– Ты с кем-то целовался?

– Я испугался.

– Ты?

Всеволод взглядом поблагодарил за вопрос, хотя он прозвучал без всякого выражения.

– Да, и смертельно. Ведь это унижительно?

– Конечно. Пятна страха – мишень для врага. Не знаешь разве?

Всеволод в знак покорности склонил русую голову.

– Знаю. – Заверил он. – Потому я сейчас выйду и вернусь очень скоро.

– Но ведь ты испугался не больше, чем на двадцать секунд – я не ошибаюсь?

– Примерно.

– И ты испугался не за себя.

Всеволод промолчал.

– Это так?

– Пожалуй.

– Тогда не о чем говорить. Поезжай.

– Оставить это гнездо, полное скорпионов?

Веда кивнула и добавила:

– И ос.

– Это даже не сурийцы.

– Это, конечно, довод.

– Дурные замыслы, злые замыслы.

– Не у всех.

– Один, это верно.

– Хочешь, я выкуплю его у тебя?

Всеволод любезно наклонил голову.

– Это должно быть очень серьёзное предложение, чтобы я захотел его рассмотреть.

– Я заметила, как в этой стране ценятся слова. Всего одно позволило нам снова премило устроиться в этой немного душной машине. А я предлагаю вашему величеству целых два.

– Мы решили не играть в эту игру.

– Как скажешь. Выйди и возврати долг.

– Но...

– Ступай.

– Я готов рассмотреть обеспечение, предоставляемое вашим величеством.

– Как я уже сказала, это два слова.

– Хорошо, но я их услышу?

– Сначала скажи, что принимаешь условие сделки.

– Принимаю.

– Тогда мне нет нужды их повторять: это два слова, которые я сказала в гнезде, полном зла, когда бросилась на шею государю.

– А.

– Ты недоволен?

- Сделка совершилась.
- У тебя, быть может, есть ещё долги?
- Пока нет.
- Тогда едем.

Дверца захлопнулась. Спустя минуту Всеволод принялся смеяться. Дождаться от Веды заботливого вопроса, почему он смеётся, было долго, поэтому он объяснил:

- Я вспомнил, что ещё раз испугался там, в Ловарне.
- Это печально. Были свидетели?
- Один.
- Вернёмся?

Всеволод холодно ответил:

- За него заплачено.

(«Где же шлялись эти два дружка утром?» – Спросила у себя Веда.)

- Почему они приняли нас за тех, кого ждали?
- Мне они не показались глупыми.
- Я сказала, прекрати это! – Прикрикнула Веда и, понизив голос, спросила. – Ты что-нибудь видел там?
- Только перепёлок, жадных и не в меру любопытных. –

Приветливо ответил Всеволод, глядя на дорогу.

Веда кротко спросила:

- Тебе кажется, что ты продешевил?
- М-м...
- Я опечалена.
- Сделанного не вернёшь.

– Разве слова «надо сматываться» не прекрасны?

Всеволод на мгновение отнял руку от руля и сделал жест, свидетельствующий, что он совершенно согласен.

– А теперь и ты мог бы сказать мне слова два.

Машина дёрнулась и съехала с дороги. Их протащило по камням. Веду встряхнуло, и она затылком отсчитала на подголовнике, видимо, их число. Всеволод вывернул машину на дорогу, затылок остался прижатым к подголовнику.

– Насчёт того, куда нам сматываться дальше.

Всеволод повернулся к ней всем корпусом и внимательно взглянул в глаза Веды. Взгляд был долгий и почему-то вопросительный. Ответный был студён и безмятежен – в сущности, как всегда.

– Я не знаю. – Сказал он.

– Это целых три.

– Извини.

– Я не просила так много.

– Подтверждаю.

Машина катилась, как шлёпающий по воде камень, пушечный очень ловкой рукой.

– Как насчёт, чтобы извиниться?

– Виноват?

Веда похлопала себя по затылку.

– Я не поумнела, оттого, что кто-то не умеет водить.

– Ах, ну да... Извини, не знаю сам, как...

Он отнял руку от руля, но Веда сделала пальцами «те-те,

осторожненько», и рука утешилась.

– Потребуется крупномасштабная карта.

Он приподнял угол рта, так что обозначилась глубокая чёрточка.

– Такие штуки вообще не указываются на картах.

– Стало быть, пушистый офицер не шутил. А?

– Координирующие организации приняли решение не указывать Гоморру на политических картах мира.

– Когда они появились?

– После войны. Ты про координирующие организации?

– Шестьсот орсолет назад, значит, их не было.

– Да, тогда проще на это смотрели.

Она вытащила из кармана смятый листок и положила водителю на колени.

Он взглянул.

– Кто тебе это дал?

– Никто мне это не давал.

У него вырвался смешок.

– Цветовод... Ты?

– Он не все книги держит в обещалке. У него даже есть книжная полка, но этот файл не находился на полке.

– И ты?..

– Шить туфли так сложно, требуется максимум сосредоточенности.

Она полюбовалась туфелькой, поворачивая ногу.

Всеволод рассматривал листок, но взгляд его был поверх-

ностным и невнимательным. Веда задумчиво сообщала подробности преступления:

– Это очень толстая, очень красивая книга с розовым обрезом.

– Как ты догадалась, если она лежала к тебе обрезом?

– Ну, ты же сам сказал, я умная.

Веда зевнула и шевельнула карту кончиком туфельки.

– Не печалишься ли случаем? Не стоит, о дракон. Ибо печаль – ржавчина на мече.

– Ясненько. – Молвил дракон. – Нет, не печалюсь.

Некоторое время они пристально следили за шевелящейся картой. Всеволод задумчиво разглядывал «дворники» на ветровом стекле, которые неожиданно заработали. Затем раздался лёгкий стук – это туфелька встала, как подобает.

– Надо изучить карту. – Заговорил Всеволод, выключая «дворники».

Последовало молчание. Веда предложила:

– Не съехать ли нам с этой славной, хорошо пропылившейся дороги? У тебя это хорошо получается, если пообещать тебе два слова.

Ни слова не сказав, Всеволод так и сделал: выбрал местечко, где обочина обросла свежей зелёной щетинкой и невесомо свалил на неё оба левых колеса лягушечки. Среди неизменных розмариновых кустов, сразу облапивших стёкла, машина съехала на узкую грунтовую дорогу. Острый запах розмарина наполнил лёгкие складчины. Веда высунула нос

в окошко и зубами содрала веточку.

– Представляешь, мама недавно сорвала вот эту штуку для чая, а у неё за спиной кто-то спрашивает: это, мол, что?

И Веда расхохоталась, не выпуская из зубов ветку.

– Люди приезжие... – Неопределённо объяснил Всеволод такое невежество. – Откуда им знать.

Веда закивала и предложила без слов угощение. Всеволод деликатно откусил.

– Ты ведь знаешь, розмарин незаменим, когда не хотят, чтобы дети заводились. – Повела Веда.

Всеволод сдавленно раскашлялся.

– Теперь знаю. – Приведя в порядок связки, сухо признался он.

В воздухе запахло водой, дном и мокрыми, обсыхающими на Орсе камушками.

– Но тем, кто спросил, – задумчиво продолжала Веда, жуя сочные иголки розмарина, – наверное, это неважно. Мама сказала, что обернулась, а там стояли два красивых барана.

Они оказались на берегу крохотного прудика. Всеволод, возможно, размышлявший о баранах, едва остановил машину у самой воды, так что гладкое зеркальце разбилось о передние колёса.

Веда открыла ящичек для документов и из-под пары дражных лайковых перчаток вытащила красно-синий карандаш. Если у вас нету, непременно приобретите себе такой – великое изобретение багажников. У него носик красный и носик

синий смотрят на Север и Юг, как стрелки компаса.

Веда помуслила карандаш с одной стороны и ввинтила в пальцы Всеволода, разглаживающего на колене ту часть карты, где помещалась пограничная часть Суры.

Горный хребет напомнил ему сломанный Ведой Львовой гребешок. У северного зубца затёртое сгибом помещалось одно-единственное слово.

Это было то самое слово, которое обозначало небытие и которым жители Суры пользовались как филологическими вратами, чтобы изгнать то, что казалось им излишним в их понятной мирной жизни. Если бы они знали или подозревали, что озвученный ими адрес существует, вряд ли бы они это делали. Ибо они были мягкосердечны...

И вот небытие впечаталось в старую бумагу и каждая буква претендовала на место под солнцем, и по отдельности они были пустяком, но вместе они пустяком не были.

Сидевшие в машине молча рассматривали слово. Сказать, что они его перечитывали – смешно. Оно как-то сразу бросалось в глаза, будто клочок едкого дыма.

Значит, эта штука есть. И если учесть, что жители, к примеру Кропивника довольно часто пользовались адресной поговоркой, то они понарошку отправили туда немало народу.

Как бы ни были беспечны искатели кота, им стало не по себе. В машине похолодало. Тем не менее, Всеволод заговорил, как о деле решённом:

– Если поедем по прямой, то вот река и лес.

Веда повторила:

– Поедем.

В её голосе оставалось ожидание, что вот-вот всё прояснится. Она чуть ли не с надеждой взглянула на Всеволода, но взгляд наткнулся на профиль дракона. Острый нос с подбородком выглядели на фоне горных хребтов и квадратов полей как логическое дополнение к ландшафту.

– За этим лесом теперь скопление крупных заводов. – Заговорил он, даже не заметив, что разочаровал Веду. – Производят лучший шоколад в Гиперборее.

– А ты откуда знаешь?

– Там ещё завод по производству асфальта. И лучше бы нам вернуться немного южнее и воспользоваться старым шоссе.

– А это что?

– Деревня Полканово.

Всеволод увидел, что у него есть карандаш и перевернул его, целясь в пункт назначения.

Веда схватила его за руку.

– По прямой отметь красным.

– Ты думаешь? – Сомневаясь, спросил дракон.

– Так виднее.

– Но красный цвет на карте...

– Тебя опять беспокоят приметы?

Во избежание новых оскорблений, он быстро и очень чисто начертил основной маршрут, а потом, вопросительно

глянув на Веду, кружной – синим концом. Веда уставилась на треугольник, в центре которого расплылся речной приток, будто карта криво подмигивала ей.

В Полканово они прибыли ночью. Сдержанно бранились собаки – так, обсуждая события, густо лают только крупные серьёзные и опасные псы.

Утром выяснилось, что пепельно-розовая Бриджентис висит в очень большом нарядно неряшливом селе. Кто-то шёл по улице. Они выбрались из машины.

Высокий человек в шафрановой гимнастёрке, вольно раскинутой на шее, в узких брюках, в длиннейших сапогах до середины бедра (их вообще-то было два, стройных и мускулистых) постёгивал себя на ходу хлыстиком. До бровей надвинута серая широкополая шляпа из фетра.

Увидев неизвестных, он подзадержался, властно ступив сапогом в мухрявую вкусную лужу. Настёгивать другой сапог не перестал, потом всё-таки перестал и затяжным движением воздел хлыстик, сдвинул рукоятью шляпу до корней волос.

Запоздалый паж Бриджентис – летучий лисёнок – вымахнул из чахлых осин и, в один миг долетев до бледнеющего лика мистрис, любовно связал петлю вокруг, свалился, исчез.

Всеволод твёрдо зашагал по дороге, которая говорила при каждом шаге: «Ам! Гам!» и сказал:

– Бог навстречу.

Властелин сапог и хлыстика кивнул и, как видно, исчерпав варианты приветствий, молчал. Позади из ворот вывели коня – превосходное животное размером с грузовик. Веда невольно оглянулась на лягушечку – так, чтобы сравнить. Рука держала кожаную полосу упряжи. С силой ввинчивая железные ноги в грязь, конь приближался.

Высокий человек в шляпе прислушался к звуку разбивающих грязь копыт и даже слегка повернул голову. Накрепко выскобленный подбородок, в котором припрятали пару картофелин, занял часть небосвода. Серая Бриджентис меркла, причём, напрашивался тихий сопровождающий звук подёргиваемой струны. Нос под шляпой тоже был неплох – но не более одной картофелины. На нём имелись веснушки.

Конь заржал, как полковая труба, предостерегающе. Потом произошло ужасное – его тёмно-рыжее тело заволновалось, и высоко поднялись две подковы. Уже не ржание – рёв пронёсся над тихим селом. Слабо пробился человеческий голос, Веда видела, как лохматый мальчишка боролся с конём, повисая на взмётывающейся и спадающей чёрно-рыжими струями гриве. Взболтнулись тонкие ноги в подкатанных штанцах, по лодыжки они были в чёрных носках грязи. Грязь тоже разлеталась красивыми брызгами. Веда приложила кончики пальцев к губам и заворожённо следила, хотя зрелище обещало неладную развязку.

Подул восточный ветер, осины испуганно затряслись.

Конь встал свечкой и рокотал, как гром.

Житель в шляпе проницательно взглянул на Всеволода, мельком на Веду. Осины успокоились. Обернувшись, он рявкнул:

– Бранко!

Конь примолк, хотя ржание всё ещё плескалось по округе. Блестящие полукружья подков опустились. Мальчик плаксиво ругался, хлопая коня ладонью по вздымающемуся огненному боку.

Глядя на Всеволода, человек сбил шляпу на затылок и, не обращая более внимания на уводимого коня (тот оборачивался, выворачивая маслянистую шею и страшными глазами смотрел на Всеволода), сделал шага два в своих великолепных сапогах.

– Устали? – Спросил он резким сильным голосом. – Издалека? Тут ведь поблизости ни полдома нету... до самой столицы.

Он холодно хохотнул, но враждебности в этом звуке, в отличие от конского ржания, не было.

Всеволод объяснил:

– Мы едем на заводы... к востоку.

Тот подумал, кивнул.

– А... На заводы. – Неторопливо сказал сам себе. – Да, ну да. – Подтвердил он. – Правильно едете.

(Он кинул взгляд на сиротливую лягушечку.)

– А вы, мыслю, инспектор? Так?

Всеволод пожал плечами.

– Не совсем.

Шляпа съехала на затылок – непонятно, как она держалась. Волосы он стягивал аптекарской резинкой и на широкое плечо спускался хвост.

Владелец шляпы и хлыста уважительно ухмыльнулся.

– Да... Да. Конечно. Как скажете, товарищ инспектор.

Он подмигнул – его небольшой выпуклый глаз утонул над грубо очерченной скулой, а другой испытующе смотрел на Всеволода. Засим оба сощурились, и на щеках, как печёные яблоки, проткнулись две ямочки – он улыбнулся.

– Идёмте до дому.– Предложил он. – Отдохнёте, хозяйка чего соберёт.

Он издали поклонился Веде – слегка – и сдвинул шляпу на бок.

– Моя хозяйка, – шёпотом заговорил он, подступая к Всеволоду и делаясь словоохотливым, – тоже... зелье. Ничего себе. Увидите. Беда с ними.

Он направился по сладко чпокающей дороге, то и дело оборачиваясь к Всеволоду и всякий раз приподнимая брови при виде Веды. Эта последняя наслаждалась отменной картинкой – и, впрямь, между лопаток свисал у него гладкий хвост волос, а широкие плечи были неподвижны, как нарисованные. Сапоги замшево лоснились, хлыстик он сунул за голенище.

Он ввёл их в те ворота, из которых вывели злого коня.

Двор огромный, как площадь, с декоративным беспорядком, когда всё под рукой, им понравился. Дверь летней кухни была приоткрыта, там что-то тихо двигали, чем-то погромыхи-вали и с ласковым шорохом пересыпалась мука.

– Тата! – Позвал человек в шляпе. – Я тебе хороших людей привёл.

В кухне стукнуло, подвинулось, тяжёлые шлепки босых ног – и за нескрипнувшей дверью показалось волшебной красоты женское лицо – круглое, с дугами соболиных бровей и пухлым лаковым ртом с изогнутыми вверх уголками. Золотисто-коричневые мелкие кудри окружали портрет.

– Ух ты. – Сказало лицо, улыбаясь.

Глаза карие, гранёные, как два камня в кольцах, быстро предложили острый взгляд мужу.

Тот обстоятельно сказал:

– Ты не сова, Тата, не ухай. Возьми вот и ублажи. Господин инспектор на заводы едут... смелый человек, да устал. Сечёшь?

Красавица Тата немедленно распахнула дверь, показав могучее стройное тело, любовно убранное в тонкую рубашку с высоким поясом и пышную юбку, подоткнутую выше крупных, как орудийные дула, колен.

– Что ж мне... Я с удовольствием. – Высоким и нежным голосом молвила она, тесно сторонясь. – Когда товарищ смотритель...

– Твоё удовольствие нас не касается. – С притворной стро-

гостью возразил муж красавицы, заходя первым, и взглянул на Веду.

Повинуясь этому доброму знаку, она вошла первая и увидела чудесную, тонко присыпанную свежей мукой кухню с большой и тёплой плитой.

– Хорошо у вас. – Сказала она, уяснив, что хозяйка не намерена извиняться за беспорядок, а, улыбнувшись, метнулась и выставила со стуком два креслица на железных ножках.

Супруг её, дождавшись, чтобы гости уселись, поместился с хлыстиком на кожаном узком диванчике, спиной к окну. Шляпу повесил себе на колено.

Тата, облокотившись на стол, между горкой теста и мучным мешком, из которого тонко сыпалось на пол и на босые её ноги, пылко разглядывала Всеволода и Веду.

Они назвали свои имена. Хозяин привстал со шляпой на коленях.

– Карл.

– Необычное имя. – Заметила Веда, протягивая руку к тесту и отщипывая кусочек.

Тата сделала то же, и обе синхронно запустили тесто в уста.

– В честь, значит, окрестили годаньского президента, с которым у Суры было перемирие на вечные времена. – Солидно объяснил Карл, положив ладони на квадратные колени.

Тата, жуя тесто, вмешалась:

– То сестрица ваша, товарищ инспектор? Будто сродственное что есть.

Под взглядом мужа она умолкла, хотя спервоначалу не собиралась ограничиться одним вопросом, и упрямо отвела глаза.

– Соловья баснями не кормят. – Сказал ей Карл, не дав Всеволоду ответить.

Тата оторвалась от стола и распахнула дверцу буфета – в полутьме запестрела горка маленьких яиц. При виде их Всеволод сел прямее, а Веда поцокала зубами – совсем незаметно.

– Разве что яишню, если на скорую руку? – Заволновалась совсем не ленивая Тата. – Свежие.

Карл посмотрел на гостей и поднял руку – ладонь ребром.

– Это вздор, Тата. Люди далеко едут, что они – яичницы не видали? Пироги дай.

– Ах, ну да. – Обрадованно сказала Тата и бешено отворила несколько дверец – и так быстро, что неожиданным гостям померещилось, что у неё не одна, а несколько пар рук, выставила на стол и мигом заставила его прекраснейшими пирогами – тут имелись и большие, и в ладонь, и такие, что разве в обеих руках насилу удержишь.

– Вы-то, смотрю, свеженькие, умытые, а ведь издавека трепитесь.– Сотворив такие чудеса, цеплялась любопытная Тата, показывая, где умыть руки и тут же подавая полотенце.

Снова дрогнули Всеволод и Веда, и снова чуткий Карл

приметил это.

– Сядь, Тата. – Повелел он.

Все сели и принялись есть. Хозяева не оставили гостей в одиночестве, видно, чтобы тем не было неловко показать свою удачу. Разговор был необязателен, так как его заменил прелестный, с ума сводящий дух от пирогов, и их разнообразный вкус.

– А вот с луком, с яйцами. – Сильно двигая блюдо по столу, как военное судно в забитом до отказа порту, чуть невнятно молвила Тата.

Веда закивала и под внимательным оком хозяина занесла руку над поджаристыми квадратными пирожками. Тата вдруг прыснула и, не смущаясь того, что Карл прямо-таки ошпарил её, как хлыстиком, взглядом, объяснила:

– Этот, – (она указала на мужа пухлой красивой рукой), – раз через яйца с полгода плашмя лежал, чуть живота не решился.

Нескромное разоблачение заставило Карла сильно сдвинуть брови, а за щекой у него застыл круглый пирожок. Выглядело это очень мужественно.

– Поехали мы, – торопясь сжевать пирожок с малиной и становясь от этого необыкновенно хорошенькой, рассказывала Тата, – яйца менять... Сели на коней хороших. То есть, вот он сел на коня, ещё то был отец Бранка...

Она отвлеклась:

– Ты слышал, Жук, как утром Бранко раскричался? За де-

сять минут, ей-Орсе, вот не вру, до вашего прихода. И так бранился, так бранился, будто увидел менял, не иначе. Если бы я не знала, что они шага из дурыльни своей не сделают, вот ей-Орсе, подумала бы...

Она, продолжая смеяться и широко раскрывать карие сияющие глаза, обвела ими присутствующих. Хмурое лицо мужа ей не понравилось, и она задиристо вздёрнула подбородок, который тоже напоминал самый розовый, самый славный пирожок.

– А я села на кобылу, хорошую кобылу, – она вздохнула, – мы её после в добрые руки продали, – да, молодую и *непривычную*.

Последнее слово Тата заметно подчеркнула, значительно сделав глазами *ну, ясно вам?*

– Сейчас сели, я ещё не была такая красивая, – она хохотнула, – и легко села, как мужик на бревно. Приехали до места, тут уж и менялы: ждут. Никогда они не опаздывают, никогда и не обманут... А всё ж меня оторопь берёт... хоть они и в своих капюшонах, да плащи до пят, а сердце биться начинает отчаянно.

Тата приложила руку, и все так и увидели её большое розовое сердце, весело прыгающее, как мячик.

– Жук снял с луки мешок и спустил его на землю, а меняла сейчас ко мне и протягивает плетёнку... я уж и руку протянула, а слегка зажмурилась... потом глаза разлепила: капюшон низко сдвинут и сумка нечувствительно перешла

в мою руку. Тут это и сделалось... Кобыла моя приняхалась, пригляделась да как испугается! Мигом встала свечкою, мешок вон у меня из рук, я заверещала, как белка. Муженёк мой, не будь плох, железной рукой схватил поводья моей Машеньки и удержал, хоть зарежьте, удержал...

Тата перегнулась над гаванью пирогов и похлопала мужа по сухому коричневому кулаку.

– Но вот напасть: коник с чего-то решил, что сделалось нехорошее... ну, будто напали на нас, и прогремел, и хвост поставил... сейчас в наступление. Жук принялся его урезонивать, да поди, с двумя справься... они у нас не маленькие, Бранка видали? Ну, и шарандарахнулся мой любезный друг, и проташил его верный жеребьяка в шенкелях по полю – что товару передавил, ихних наседок спугнул! Аж до идолов доташил, ей-Орсе. Правда, если бы я увидела идолов, то ума бы вконец решилась – так говорят. А всё же интересно.

Тата глубоко вздохнула и уже скучным голосом закончила:

– Ну, и провалялся мой муж без малого полгода. Менялы-то помогли мне взгромоздить его на Бранкова отца, который прочухал, наконец, что войны нету, да и хозяин слабым голосом ему команды подавал. За убыток ничего не взяли и всучили полную плетёнку взамен разбитых... тоже утешеньице, что свет не без добрых всяких. С той поры Машу спроворили циркачам – те люди хорошие и не оставят её, когда она уже и кланяться, да хвост трубой ставить не сможет.

Славные люди и автомобиль у них славный, весь в позолоте.

И Тата продолжила рассказ уже про циркачей, но Карл во всё время беспечального её повествования молчавший и спокойно отдававший должное пирогам, прервал её:

– У меня от сухомятины язык колом встал, Тата. Нету ли у тебя щец или чего такого?

Тата с неохотой оборвала рассказ, заметив:

– Да ведь суточные.

– И то хорошо. – Сухо отвечал Карл.

Тата возобновила рассказ, поднялась и выставила миску со щами.

– Дни постные. – Извинилась она. – Так что я сказать вознамерилась? А... Сестрица она вам, товарищ инспектор?

– Нет. – Ответил Всеволод. – И я вовсе не инспектор, Тата.

Тата кивнула, подавая ложки, скорее, похожие на холодное оружие – их стёблышки были заострены и даже перехвачены маленькой гардой у ложа.

После еды, вежливо отвергнув предложение отдохнуть (вполне искреннее, хотя Всеволоду и показалось, что отказ был принят Карлом не без хорошо замаскированного вздоха облегчения), хозяин проводил их до машины, на редкость точно и ясно растолковав, как им добраться до заводов.

– Удачи, – добавил он, бровями заставляя съехать шляпу на лоб, – вам и сестрице вашей.

Он глубоко заглянул в глаза Всеволоду, прежде чем его собственные погрузились в тень его неизменной подружки.

Трое рыбаков, как один слитый силуэт, показались в конце улицы. Взгляд из-под шляпы поторопил Всеволода.

Объезжая село, они увидели чёрную кузню и красные огни внутри на длинных полосах металла.

Дело шло к Шестнадцатому Дню. Ну, вы знаете, как оно бывает. Бриджентис, почти не покидавшая потускневшего от скрытого волнения неба, на самые краткие часы уходила в лес или в холмы – как приходилось – и выныривала, увеличившаяся и сытая, как кошка, чтобы снова и снова, свернувшись клубком, плыть над машиной. Дорога стала до того гладенькой и бегучей, что даже Веде не приходилось язвить по поводу мастерства вождения. Настроение не соответствовало дороге. Веда думала о Пусике и скучала. Татины пироги истратились, несмотря на щедрость красавицы, к послеполудню послезавтрашнего дня. Сжевав последнюю корочку, Веда изрекла:

- Ты заметил пробки от шампанского?
 - А? – Отозвался Всеволод.
 - У них пробки от шампанского на ножки креслиц надеты.
 - О-о... – Неопределённо заметил водила.
 - По крайней мере, восемь бутылок они выпили.
 - Семь.
 - Что?
 - Одна ножка обварена сургучом.
- Веда искоса посмотрела на руль.

– А дорога-то, танцевать можно. – Холодно заметила она. – Стало быть, они женаты семь лет.

Брови водителя тихонько приподнялись и опустились.

– Да, хорошая.

– Кто?

Он повернул к ней лицо – брови на подходящем месте, – показал плечом за окошечко. Бриджентис к случаю оттолкнула жёлтое облако и глубоко заглянула в машину. Орс спулся за очень высокую неровную стену – похоже, не лес, а проехавший стороной город с невырубленными садами, задичавшими и жившими своей жизнью. Но это так – мелькнул и скрылся.

– Последний населённый пункт... Здесь. – Подтвердил дракон.

– Почему ты сказал «здесь», а не «в этом квадрате»?

– Почему я должен был так сказать?

Тон был не враждебен, дракон просто удивился. Машина нашла ракурс, в котором дорога свернулась петлёй вокруг возвышенности. Очевидно, они набрали высоту.

– Ты был так воинственно настроен. – Внезапно принялась критиковать Веда. – А они ведь славные, правда?

Всеволод заметил:

– Все они.

– И у них была белая собака.

– Правда?

– Фото внутри буфета.

– Почему была?

– Внутри за банками с кофе. Вроде боксёра. И чёрная ленточка.

– Может, она просто сбежала.

– От таких славных?

Коробки заводов были аккуратно разложены по горизонту. Уродливыми они не выглядели. Холмики отвалов неглубоко громоздились у тихо бренчавшей речки в простенькой ограде.

Веда постучала указательным пальцем по плечу Всеволода.

– Пришло время...

– Как?

– Не пора ли заняться делом?

– Именно?

– Ну, ты же инспектор. Так иди и инспектируй.
Всеволод улыбнулся.

– Я не знаю, как это делается.

Наклонившись к ней, он тихо сказал:

– Дождёмся вечера и поедем.

– А инспектировать?

– Говорю тебе, я смущён, ей-Богу... могу сделать что-нибудь, ну, совсем не так?

– Ну и ну.

– Да, да... Я просто уверен...

– Что сделаешь что-нибудь не так?

– Ну, там же есть всякие штучки, секреты?

– Там?

– Во всяком деле.

Веда выгнула губы и покачала головой, глядя вперёд, на источающие тонкие струи дыма заводы.

– Класть асфальт такое сложное дело? – Наконец, сказала она. – Задашь им пару-тройку вопросов.

Небо заволокло, и Бриджентис мелькала в просветах между тучами, ни разу не показавшись целиком. Создавалось впечатление, что это совсем другое небесное тело. Когда Всеволод сказал «пора» и взялся за руль, она вдруг выплыла перед ними на дорогу и была почти страшна: такая красивая, круглая, глаз не оторвёшь.

– Почему Карл нас не убил?

Всеволод кротко пожал плечами.

– Чем, ножкой кресла?

– Потому что мы были в Ловарне или потому что ушли оттуда?

Всеволод отвёл руку от руля и повертел ладонью.

– Так-сяк.

– Я вот тоже подумала.

Дождь так и не пошёл, к концу ночи небо засыпало мерцалками – в сурийском языке сохранилось устаревшее слово «вызвездило», – а дорога теряла своё качество по мере удаления от заводов. Дракона за рулём и дремлющую акулу изрядно трясло. Всеволод приноровился и смахнул машину

в лесостепь, неспешно обступившую дорогу. Ещё три часа быстрой езды между островками деревьев и по левую руку глухо заворчал город. Он, должно быть, решила Веда, очень велик.

К одиннадцати утра объехали и его, стало тихо и пустынно. Вдалеке медленно, точно поднимающийся с колен борец, встали горы.

Веда положила руку на руль, машина поехала тише, оставилась.

– Теперь, вероятно, следует надеть медвежьи лапы.

Всеволод изумился.

– Да?

– Разве здесь не государственная граница?

– Что за вздор. – Вежливо возмутился дракон. – Гоморра – часть Сурии.

– Нет, что – правда?

– Не то, чтобы чистая, но вообще-то да. И забудь всё, что слышала от кого бы то ни было.

– Это ты про кого?

– Гоморрцы – граждане Сурии, как и ты.

– А я?..

Всеволод не ответил – он не был расположен к шуткам в это время дня.

Песня

– А вот Карл – нет. – Сказала Веда, задумываясь.

– Нет. – Согласился Всеволод.

– Он годанец, верно?

Дракон кивнул, но думал он о другом.

– А, ты тоже заметил?

– Что? – Повернулся дракон. – А, ну да.

– Даже акцент иногда... Чувствуется как-то. И потом, эта шляпа.

– Да, сурийцы таких шляп не носят.

– Ты меня слушаешь?

Дракон предупредительно сказал «Да, да» и добавил:

– Из Северной Годаньи.

– Ты как думаешь, он нас заложит? Я думаю, как пить дать.

– Всякое бывает.

Веда пожала плечами.

– Я не осуждаю. Вот меня взять. Конечно, если пристать, как с ножом к горлу... – Размышляла она. – Как мама, к при-
меру.

Всеволод дрогнул.

– Ну...

Они ехали по плоховатому шоссе вдоль хребта, аккуратно сложенного тут ледником или иной какой чудью в ска-

зочные времена. Вид у местности вполне цивилизованный, и шоссе, крючком зацепившееся за горы, уводило за скалы, как в комнату. В целом горный массив напоминал раковину с плохо отшлифованной морем крышечкой и гладкой нежностью внутри. Гравий вразвалочку скрипел под чьими-то шагами, вышел из-за старого комковатого камня коренастый человек в длинных трусах хаки и соломенной дамской шляпе, какие носили летом по всему побережью, как не удивительно, именно мужчины. С интересом, но не чрезмерным, он глянул на машину и стал взбираться по менее удобной боковой тропочке – город, видно, лежал по две стороны шоссе.

Всеволод окликнул его и, выйдя из машины, спросил, далеко ли в город и предстоит ли им пройти какие-либо формальности.

Тот спустился на несколько шагов и, вежливо ответив на извинения, пояснил, что город – вот он, трошечки пройти, а формальностей никаких нету...

– Заграница, что ли? – Весело, хотя лицо его было, как показалось Веде хмурым от собственных забот, крикнул он, уходя.

Всеволод вслед ещё прокричал:

– Извините за беспокойство!

Тот, не оборачиваясь, помахал – какое, мол.

Хотели запарковаться под скалой, в симпатичных зарослях олеандра – он весь был в розовых трубочках – и сейчас подняться в город, но Веда начала клевать носом. Её размо-

рило, объяснила она. Небо, как в последнюю минуту перед грозой, опустило на раковину серую тёплую тень. Свернувшись на заднем сиденье, акула проспала два часа. Проснувшись, она села и долго глядела по сторонам.

– Мне приснилось, что мне отрубили голову.

Вид у неё был удручённый. Всеволод, как мог, утешил её, напомнив, что дневные сновидения вне ведения Участи. Веда, повеселев – от уговоров ли, а, быть может, от пирожка, тайно сбережённого и подсунутого драконом – громко жуя почти целые ягоды шелковицы, поддержала:

– Ну да, может, этот сон касается тебя, а не меня. Правда?

– Правда, правда. – Всеволод подобрал упавшую ягоду.

Они прихлопнули дверцы тревожно посмотревшей на них лягушечки и двинулись потихоньку к серым камням под ласковое ворчание приближающегося грома.

– Шла Саша по шоссе... – Радостно заметила Веда, озираясь.

Дорога хороша – синие камни по обочинам, доброе небо, темнеющее с каждым шагом, и посвежевший воздух шествовали впереди них. Что-то подсказывало, скоро они увидят Гоморру – мелькнуло высотное здание. Шпиль.

На повороте, где среди камушков шевелился в чаянье грозы кустик жёлтых цветов, Веда услышала шелестение – должно быть, первые капли дождя. Она склонилась к цветикам, преданно посмотревшим на неё и охотно принявшим ласку её рук.

Снова прошелестело, и, выпрямляясь, Веда заметила быстрое движение – насекомое или птичка скользнули почти у виска её.

Всеволод остановился и медленно приблизился к скале. Он указал ей пальцем на крохотное отверстие в камне, оно плавилось на глазах. Веда нахмурилась, вглядываясь. Всеволод нагнулся и из цветиков, пошебуршив, вытащил что-то. Молча раскрыл ладонь. Веда чуть приподняла ресницы. Оба встретились глазами, и Всеволод шепнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.